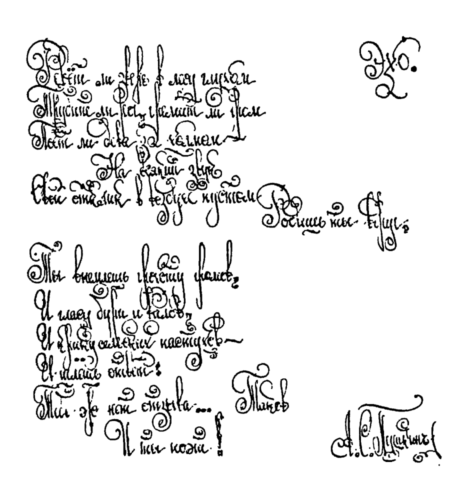
ЭХО 14 ECHO

1986 • PARIS

ECHO

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С 1978 ГОДА

14.1986
PARIS

Журнал редактируют:
Владимир Марамзин
Алексей Хвостенко

Оформление:
А. Хвостенко

Directeur responsable:
N. Secinski

Вся переписка по адресу:
V. Maramzine
14, rue Lalo — 75116 Paris — France
Tél.: (1) 501. 94. 61

На обороте:
Михаил Кулаков. Портрет Вахтина, 1967.

Борис Вахтин

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ВЕЩЕСТВО?

1.
О ЧЕМ ПРОРОЧЕСТВОВАЛА РУССКАЯ КУЛЬТУРА?

Наверно, у каждого пишущего есть свой глубоко личный мотив, объясняющий, почему он пишет и почему именно это, а не что-нибудь другое. Говорят, что в писательской профессии есть поневоленность автора, подневольность его. Эта высшая сила вызывает у пишущего иногда физическое ощущение, будто кто-то или что-то водит его рукой.

Мне кажется, что моей рукой водит русская литература.

В детстве первой моей серьезной книгой было "Детство Багрова-внука" Аксакова. И его манера речи, неторопливый наглядный рассказ вселил в меня то особенное восприятие человека, людей и природы, которое требовало объяснения в словах, оставаясь без этих слов мучительным и непонятным.

С тех пор литература – прежде всего, конечно, русская – стала для меня на всю жизнь необходимым собеседником, с которым я обсуждаю то, что меня мучит.

Очень скоро я увидел, что моя любимая русская литература, этот мой собеседник и учитель, не знает никакого душевного мира и отличается, среди прочего, тем, что неугомонно, с горящими глазами, на разные голоса *пророчествует*.

Не нужна никакая особая наблюдательность, чтобы это увидеть. И русская литература сама об этом заявила устами не кого-нибудь, а Николая Васильевича Гоголя:

"Зачем же ни Франция, ни Англия, ни Германия не заражены этим поветрием и не пророчествуют о себе, а пророчествует одна только Россия?"

Среди разнообразных, порой темных и неясных пророчеств русской литературы (а шире – и всей культуры) звучала одна мощная и загадочная нота: предсказывалась некая полная гибель всего и вся, а рядом с этим видением гибели почему-то возникал ослепительный свет, мерещился "золотой век", бессмертье...

Первый и здесь у нас, как во всем, – Пушкин. "Восстань, пророк, и виждь, и внемли..." Это, конечно, не в третьем лице написано, какое там у Пушкина третье лицо! В наипервейшем это лице, звончайшее тут *я*, а не Исайя – хотя и Исайя в этом *я* вполне умещается. И в рыцаре бедном – тоже пушкинское (всея Руси) *я*. Впрочем, и до Пушкина, задолго до него уже звучали у нас пророческие мотивы – не зря же Якова Беме издавали, "Утреннюю звезду в восхождении", не зря к колдунам ухо склоняли, не зря протопопу-пророку внимали.

Мощная эта нота заслуживала бы целой книги, но сейчас я ограничусь только небольшим, беглым и с пропусками конспектом такой книги, уместным здесь и даже необходимым – речь ведь в целом идет о русском национальном опыте... Так что и я невольно предаюсь тому же нашему древнему занятию – пророчеству, – стало быть, надо вспомнить общую работу, спеть, так сказать, в хоре и дальше уже петь соло.

Итак, о чем же пророчествовала русская литература?

В России не было философии, которая исследовала бы познавательные способности человеческого разума, отношение сознания к предмету познания. Наша философия пошла особым путем, не подвергая исследованию человеческую способность познать предмет, а сосредоточившись на единстве четырех понятий: *человек–люди–природа–Бог.* Естественно, что, обратясь к *такому* предмету размышлений, философия наша растворилась – прежде всего в художественной литературе, а затем в критике, в богословских трактатах, в исторических и натурфилософских сочинениях, растворилась надолго, вплоть до конца XIX – начала XX столетий, то есть до великого подъема во всех сферах науки и духовной культуры в России, предшествовавшего революции и прекращенного ею, но до сих пор отзывающегося эхом в нашей жизни.

Возьмем, например, не одного из писателей-гигантов, у всех высящихся перед глазами, не Достоевского, скажем, или Толстого, а скромнейшего из скромных наших авторов, стоящего где-то поближе не то к левому флангу отечественной литературы, если выстроить писателей во фронт и по ранжиру, не то к арьергарду, если двинуть ее в поход по тому же ранжиру. И возьму одно только сочинение этого автора, причем сочинение по жанру не очень-то и понятное, которое сам автор именует то статьей, то заметками, то общим очерком, а именно сочинение Глеба Успенского "Власть земли" (1882), и кратко его разберу, чтобы пояснить, где, на мой взгляд, приходится искать русскую философию и чем эта философия интересуется.

Вот диалог автора с Иваном Босых, героем его сочинения:*

"– Скажи, пожалуйста, Иван, отчего ты пьянствуешь? – спрашиваю я Ивана в одну из тех ясных и светлых минут, когда он приходит в себя, раскаивается в своих безобразиях и сам раздумывает о своей горькой доле.

Иван вздыхает глубоким вздохом и с сокрушением произносит почти шепотом:

– Так избаловался, так избаловался... и не знаю даже, что и думать... И лучше не говорить! Одумаешься, станешь думать – не глядел бы на свет, перед Богом вам говорю!

– Да отчего же это, скажи, пожалуйста?

– Отчего? Да все оттого, что... *воля*! Вот отчего... своевольство!"

И Иван Босых ставит сам себе диагноз:

"...Все от воли!.. Все от непривычки, от легкой жизни..."

Успенский заключает:

"Таким образом оказывается, что «воля, свобода, легкое житье, обилие денег», то есть все то, что необходимо человеку для того, чтоб устроиться, причиняет ему, напротив, крайнее растройство до того, что он делается «вроде последней свиньи»".

---

* Цитаты проверены по изданию: Глеб Успенский. Собрание сочинений в девяти томах. Гос. изд. "Художественная литература", М. 1956 *(прим. ред.)*.

Успенский не может принять этого объяснения, и Иван силится пояснить толковее:

"Потому что /.../ природа наша мужицкая не та... Природа-то у нас, сударь, трудовая..." И Иван рассказывает, как служил на железной дороге, распустился там, был изгнан и с радостью вернулся в родную деревню, где с упоением стал поправлять запущенное хозяйство. Вот его главное воспоминание о городе и о железной дороге:

"А там и работы не было, и всякое удовольствие, и деньги, а точно безумный сделался, всю душу-то по грязи истаскал, как свинья свое брюхо... А отчего? – Все воля!"

Успенский комментирует:

"Этим непонятным сопоставлением слов: «воля» и «нравственное падение» Иван начинал и оканчивал свои беседы со мною... И что удивительно, мотовство, расстройство *начинается* именно от *более легкого,* чем крестьянство, заработка..."

Постепенно, от жизненных наблюдений, идет автор к своим коренным мыслям. Вот Успенский прочел об успехах коллективного хозяйства, об общественной запашке и подробно, убежденно рассказал об этом Ивану. Тот слушал с интересом, но потом возразил, что "хороший хозяин не доверит своей лошади чужому", и поинтересовался, как будет с удобрениями, – и тут выясняется, что между разными видами естественных удобрений существуют глубокие различия, и оказывается, что из общественной запашки, из коллективного хозяйства путного ничего получиться не может:

"Миллионы самых тончайших хозяйственных ничтожностей, ни для кого, как мне казалось, – пишет Успенский, – не имевших решительно ни малейшего значения, не оставлявших, как мне казалось, даже возможности допустить к себе какое-либо внимание, вдруг выросли неодолимою преградой на пути ко всеобщему благополучию..."

Автор спрашивает:

"В чем же тут тайна?"

И отвечает так:

"А тайна эта поистине огромная и, думаю я, заключается в том, что огромнейшая масса русского народа до тех пор и терпелива и могуча в несчастиях, до тех пор молода душою, мужественно-сильна и детски-кротка – словом, народ, кото-

рый держит на своих плечах всех и вся, — народ, который мы любим, к которому идем за исцелением душевных мук, — до тех пор сохраняет свой могучий и кроткий тип, покуда над ним царит *власть земли,* покуда в самом корне его существования лежит *невозможность* ослушания ее *повелений,* покуда они властвуют над его умом, совестью, покуда они наполняют все его существование. ...Оторвите крестьянина от земли, от тех забот, которые она налагает на него, от тех интересов, которыми она волнует крестьянина, — добейтесь, чтоб он забыл "крестьянство", — и нет этого народа, нет народного миросозерцания, нет тепла, которое идет от него. Остается один пустой аппарат пустого человеческого организма. Настает душевная пустота, "полная воля", то есть неведомая пустая даль, безграничная пустая ширь, страшное «иди, куда хошь...»"

...Земля, о неограниченной, могущественной власти которой над народом идет речь, есть не какая-нибудь аллегорическая или отвлеченная, иносказательная земля, а именно та самая земля, которую вы принесли с улицы на своих калошах в виде грязи, — та самая, которая лежит в горшках ваших цветов, черная, сырая, — словом, земля самая обыкновенная, натуральная земля".

Близко к этой тайне, пишет Успенский, подходил и Герцен, который писал о тайной ("трудно уловить словами и еще труднее указать пальцем") внутренней силе, которая сберегла русский народ "вне всяких форм и против всяких форм". И Успенский пишет:

"Оказывается, что «сила», которая охраняет человека под кнутом и палкой, которая сохраняет у него, несмотря на гнет, крепостного права, открытое, живое лицо, живой ум и т. д., получается в этом человеке *непосредственно* от указаний и велений *природы,* с которою человек этот имеет дело непрестанно, благодаря тому, что живет особенным, разносторонним и благородным трудом земледельческим. Оказывается, что не только наш крестьянин-земледелец, но решительно крестьянин-земледелец всех стран, всех наций, всех народов точно так же неуязвим во всевозможных внешних несчастиях, как неуязвим и наш, раз только он почерпает свою мораль от природы, раз только строит свою жизнь по ее указаниям, раз

только повинуется ей в радостях и несчастиях, то есть раз только он – земледелец, так как нет такого труда, который бы так всецело и непосредственно, и притом каждую минуту и во всем ежедневном обиходе зависел от природы, как труд земледельческий.

...Эту неизменность основных черт земледельческого типа накладывает на крестьян всех стран света неизменность законов природы, которые, как известно, тоже «устояли», несмотря на то, что в Риме были Нероны и Калигулы, а у нас – злые татарчонки, Бироны, кнуты, шпицрутены. Неизменно, на том же самом месте, как тысячи тысяч лет назад, так и теперь, стояло солнце; как и теперь, оно заходило и восходило в тот же самый день и час, как и в «бесконечные веки», могли сменяться тысячи поколений тиранов, всяких людей, нашествий, но тот человек, которого труд и жизнь обязывали быть в зависимости от солнца, должен был оставаться неизменным, как и неизменным оставалось оно. ...Река, солнце, месяц, весна, осень, трава, деревья, цветы – все до последней мелочи природы было *точь-в-точь* то же самое, что и в «бесконечные веки». *Это* было неизменное. От *этого* зависела жизнь, в *этом* – тайна миросозерцания".

Глеб Успенский переходит далее к проблемам нравственным:

"В строе жизни, повинующейся законам природы, несомненна и особенно пленительна та *правда* (не *справедливость*), которою освещена в ней самая ничтожнейшая жизненная подробность. Тут все делается, думается так, что даже нельзя себе представить, как могло бы делаться иначе при тех же условиях. Лжи, в смысле выдумки, хитрости, здесь нет, – не перехитришь ни земли, ни ветра, ни солнца, ни дождя, – а стало быть, нет ее и во всем жизненном обиходе. В этом отсутствии лжи, проникающем собою все, даже, по-видимому, жестокие явления народной жизни, и есть то наше русское счастье и есть основание той веры в себя, о которой говорит Герцен. У нас миллионные массы народа живут, не зная лжи в своих взаимных отношениях, – вот на чем держится наша вера".

Запомним, запомним это – отсутствие лжи! Вот то *впечатление,* которое создает в человеке природа, вот основание счастья и веры...

"Но хоть в природе и все – правда, но не все в ней ласково. ...Все поедает друг друга каждую минуту, и все каждую минуту родится вновь... /.../ А в человеческом обществе, поставленном к природе в слишком неразрывную зависимость и не имеющем возможности жить иначе, как по тем же самым законам, как живет вышеизображенный лес (в котором все едят друг друга и хвалят за это Творца – Б. В.), этот писк и вопль человеческого существа ужасен и жалок необыкновенно, потому что тут жестокое друг над другом совершают люди, а не звери, не бессловесные животные. Повторяем, и в этих жестокостях неизбежная правда: заедят непременно слабого, заедят *не зря,* а непременно вследствие множества неотвратимых резонов, – заедят, и все будут невинны; но и сердце, которое содрогается от этого человеческого писка, частенько переходящего в стоны, также содрогается не без основания. ...один дерет с другого шкуру – и не чувствует; ему довольно знать, что нельзя иначе... А другой, и издали глядя на это зрелище, не только сам ощущает боль сдираемой кожи, не только чувствует страдание обдираемого человека, но имеет даже дерзость считать этот неизбежный акт возмутительным и жестоким, имеет даже дерзость закричать издали: "что вы делаете, проклятые!" – хоть и знает, что они не виноваты.

Человек с таким сердцем, с таким чувством и чувствительностью и есть, как мы думаем, человек интеллигентный".

Прервем здесь Глеба Успенского и вдумаемся в его определение "гомо интеллигентус". Сострадание и активный протест против зла – вот две черты этого любопытного существа. Первое от Христа, второе – от человеческого, слишком человеческого, от несовершенства, от тутошнего суда и от недостатка любви... Почти полностью повторяет определение Успенского и наш великий изгнанник. О таком же интеллигентном человеке и он мечтает, о таком, у которого чувство не расходилось бы со словом, а слово – с делом... Но продолжим прерванную цитату:

"И такой человек всегда был, присутствовал в самой среде *народной массы,* работал в ней не во имя звериной, лесной правды, а во имя высшей, Божеской справедливости. Наши интеллигентные прародители были так умны, знали, должно

быть, так хорошо народную массу, что для общего блага ввели в нее «христианство», то есть взяли *последнее слово,* и притом *самое лучшее,* до чего дожило человечество веками страданий. ...Они взяли то лучшее, что только выстрадало человеческое сердце, взяли христианство, и притом в самом строгом, не подслащенном виде... Теперь мы роемся в каком-то старом национальном и европейском хламе, в национальных и европейских мусорных ямах..."

Да, вот такие у нас были социалисты, сторонники равенства и братства – считали лучшим православие, самое строгое, наиболее очищенное от суда над другими, от увиливаний, от индульгенций, от оправдания *себя* через осуждение *других!..*

А Успенский не только приветствует задним числом крещение Руси. Он пишет далее об "угодниках Божьих" – о праведниках христианства, об этой нашей особой национальной *школе,* которая учила нравственности, противостояла "лесному закону" и переделывала эгоистическое сердце в сердце всескорбящее. Он сетует, что пропала эта школа (почти сто лет назад писал, вспомним), что нет той науки о высшей правде, которую "народ и считал важною в старинной псалтырной и часословной школе".

Успенский разбирает два газетных известия, во времени совпавших. Первое известие: папа Лев XIII при открытии банка Бонту взял для поддержания репутации банка на 50 тысяч франков акций. Репутация поднялась, цена акций тоже – и папа продал свои акции в шесть раз дороже, получив "чистой" прибыли 250 тысяч франков. Второе известие: прусская крестьянка выбилась из сил на работе, зарезала пятерых своих детей и пыталась утопиться...

И Успенский пишет по поводу этих известий слова, наполняющие мое сердце болью и гордостью за родную литературу:

"...раз существуют воззрения, вследствие которых поступок папы не считается предосудительным /.../, а поступок женщины, доведенной до отчаяния, считается *преступлением /.../,* нетрудно видеть, что общество это таит в глубине своей смертельную язву огромной неправды..."

Вот так – и без сложной статистики, и без римского клуба, и без всезнания – выносится приговор и приговор справедливый: *это* общество смертельно больно ложью. Смертельно больно – стало быть, неизбежно должно погибнуть.

Удивительная мысль! Все, что дурно, мерзко, несправедливо – должно погибнуть... Откуда такая вера в справедливость? Откуда такая уверенность, что стоит сердцам человеческим, совести людской вынести обществу обвинительный приговор – и осужденное общество отправится в небытие? Откуда – неясно, однако не лишена эта мысль оснований, и не совсем она одно лишь романтическое мечтание XIX века... А уверенность эта была столь велика, что казалась уже точным знанием:

"Теперь спрашивается, если мы знаем /.../, что такие порядки в результате сулят несомненнейшую гибель обществу, их выработавшему (что мы тоже отлично *знаем*), то почему же у нас не хватает способности на ту простую практическую правду, которою обладали наши прародители, вводя христианство в сознание народных масс, чтоб *открыто* не признать этих порядков ложью, чтоб *открыто* не взяться за ту правду, до которой дострадалось человечество и которая виднеется из-за этой лжи?"

Таков в беглом изложении этот очерк (заметки, наброски, статья, черная работа – как называет его автор)...

Нетрудно заметить, что у Глеба Успенского мы обнаруживаем все четыре члена формулы русской философии: человек – люди – природа – Бог. Можно было бы, конечно, выделить у него то, что называется философией истории, и показать, например, насколько глубока мысль о замене земледельца с его трудом (непосредственное отношение человека к природе) фабричным рабочим (отношение человека к природе через машину) – не отсюда ли отчасти те мощные катаклизмы, которые сотрясают мир в последние сто лет? не сопровождают ли они отрыв земледельцев от земли? Можно отметить и любопытную перекличку его идей с "мировым городом" и "мировой деревней" Мао Цзэ-дуна (в какой-то степени и Маклюэна), можно обнаружить у него и социологию в ее современных формах... Только зачем нам "переводить" прямую речь художника в косвенную речь науки?

И у Глеба Успенского, этого писателя "с левого фланга", "из арьергарда" (ну, не смешно ли пытаться ранжировать писателей?! ноты одной мелодии?!), мы замечаем предсказание гибели рядом с надеждой на достижение правды, "до которой дострадалось человечество" и которая уже виднеется *из-за*

лжи – почти что, как солнце *из-за* тучи. Так что, приведя этот пример насчет русской философии, я уже перешел к ответу на вопрос, о чем же пророчествует русская литература. Ибо Глеб Успенский в своем очерке тоже пророчествует – и предрекает, заметьте, *гибель,* которая кажется ему естественным следствием отрыва общества от земледельческого труда и от справедливой христианской морали.

А разве размышления о гибели, о катастрофе, *о смерти* – не философия, не любовь к Софии? Разве разгадать тайну смерти не значит разгадать и тайну жизни? "Истинные философы много думают о смерти", – сказал еще Платон в "Федоне".

Разумеется, я не хочу вовсе утверждать, что всякая иная философия, кроме русской, чем-то плоха или недостойна. Боже упаси! И ниже мне придется черпать из "другой" философии по потребности и по способности, чтобы подкрепить свои рассуждения. Начинаю же я с русских пророков по глубоко, повторяю, личной причине, из-за упомянутой уже первой любви к Аксакову, к русской литературе. Кроме того, главка эта нужна и для перехода от первой части, где речь шла о русском опыте и русском вкладе в *практику общественного устройства* (то есть о той самой "положительной программе", "альтернативе", за отсутствие которой нам, русским, отовсюду так достается, больше же всего – от соотечественников, изголодавшихся по реальным предложениям в безвоздушном пространстве фальшивых госплановских процентов и миллионов тонн, но не понимающих, что до полного кризиса общества никакие положительные программы и альтернативы не покажутся им убедительными), ко второй части, которая вот уже и началась и которая посвящена русскому вкладу в *теорию общественного устройства,* в соображение взаимосвязей четырехчленного "предмета": человек–люди–природа–Бог.

Повторю, что пророчества о смерти самым тесным образом переплетаются в русской культуре с пророчествами о свете, так что противоположности *мрак–ночь–смерть* и *свет–солнце–бессмертие* оказывались вдруг чуть ли не синонимами...

Рассмотрим же некоторые из этих пророчеств – не в особых они на эту тему трактатах, а, повторяю опять-таки, в нашей художественной литературе в первую очередь...

В 1830 году осенью в Болдине Пушкин, среди прочего, написал и странную (впрочем, у него не странных произведений вообще очень мало) маленькую пьесу "Пир во время чумы". Там есть такие строки:

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья –
Бессмертья, может быть, залог,
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

В гибели мерещится залог бессмертия? Счастье и наслаждение от самой угрозы гибели?

В английском прототипе ничего похожего на эти строки нет – их Пушкин "написал сам".

Перед смертью, как и перед болезнью, только тысячекратно, вспыхивают силы человека – и физические, и духовные. Древние считали, что с приближением смерти у человека появляется дар провиденья. Так и у Пушкина – ослепительные прозрения нарастают к трагической дуэли, что ни вещь, то чеканная ясность и окончательный вывод, итог – будь то хрестоматийный "Памятник" или ненавистное всей служилой черни "Из Пиндемонти". И вот среди этого хрусталя, среди *ясности* встречаем мы внезапно вещь темную, смутную, мучительную, как крик о помощи, раздавшийся неизвестно откуда в непроглядной тьме. Называется стихотворение "Странник":

Однажды, странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой...

Помните? Странник раскрывает сердце близким:

"О горе, горе нам! Вы дети, ты жена! –
Сказал я, – ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом; мучительное бремя
Тягчит меня. Идет! уж близко, близко время:
Наш город пламени и ветрам обречен;

Он в угли и золу вдруг будет обращен,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обресть убежище; а где? о горе, горе!"

Странник встречает юношу:

Он тихо поднял взор – и вопросил меня,
О чем, бродя один, так горько плачу я?
И я в ответ ему: "Познай мой жребий злобный:
Я осужден на смерть и позван в суд загробный –
И вот о чем крушусь: к суду я не готов,
И смерть меня страшит". /.../
..."Не видишь ли, скажи, чего-нибудь" –
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.
Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
"Я вижу некий свет", – сказал я наконец.
"Иди ж, – он продолжал, – держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг..." *

Странное, темное стихотворение. Угроза всеобщей гибели, страх смерти внезапной, без подготовленности к ней, к загробному суду, некий свет, указующий путь к спасению...

Минуя многих, обратимся к Гоголю, который попытался в слове запечатлеть этот свет, во втором томе "Мертвых душ", но надорвался от этого усилия, не удержал невыразимое, слепящее.

В "Выбранных местах из переписки с друзьями" есть письмо "Страхи и ужасы России". Гоголь пишет своему адресату:

"То, что вы мне объявляете по секрету, есть еще не более как одна часть всего дела; а вот если бы я вам рассказал то, что я знаю (а знаю я, без всякого сомнения, далеко еще не все), тогда бы, точно, помутились ваши мысли, и вы сами подумали бы, как бы убежать из России. Но куды бежать? вот

---

* Текст проверен по изданию: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. Издательство Академии наук СССР, М. 1963 *(прим. ред.)*.

вопрос. Европе пришлось еще трудней, нежели России. Разница в том, что там никто еще этого вполне не видит..." Писано это в 1846 году – за пару лет до европейских революций. Что-то видит Гоголь, что-то ему мерещится, но разглядеть это нечто он никак не может: "Всего нелепее выходят мысли и толки о литературе. Тут как-то особенно становится все у меня напыщенно, темно и невразумительно. Мою же собственную мысль, которую не только вижу умом, но даже чую сердцем, не в силах передать... Вновь повторяю то же самое: в лиризме наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно – что-то близкое к библейскому..."

Мучительно движется мысль Гоголя. И я позволю себе сделать его бессвязную, захлебывающуюся речь еще бессвязнее – я стану цитировать небольшими отрывками:

"...богатырски-трезвая сила... рождается от невольного прикосновения мысли к верховному Промыслу, который так явно слышен в судьбе нашего отечества. Сверх любви участвует здесь сокровенный ужас при виде тех событий, которым повелел Бог совершиться в земле, назначенной быть нашим отечеством, прозрение прекрасного нового здания, которое покамест не для всех видимо зиждется..." Россия "слышит Божью руку на всем, что ни сбывается в ней, и чует приближенье иного царствия..." "...в нынешнее время, когда таинственною волей Провидения стал слышаться повсюду болезненный ропот неудовлетворения, голос неудовольствия человеческого на все, что ни есть на свете: на порядок вещей, на время, на самого себя; когда всем, наконец, начинает становиться подозрительным то совершенство, в которое возвели нас наша новейшая гражданственность и просвещение; когда слышна у всякого какая-то безотчетная жажда быть не тем, что он есть, может быть, происшедшая от прекрасного источника – быть лучше; ...когда... слышно какое-то всеобщее стремление... найти настоящий закон действия..."

"Наши писатели, точно, заключили в себе черты какой-то высшей природы... только в одном русском заронилась эта верная мысль, что нет человека правого и что прав один только Бог... Дело в том, что пришло нам спасать нашу землю; что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплеменных языков, а от нас самих..."

И у Пушкина, и у Гоголя – одна и та же мысль скрыта в темных, не до конца, казалось бы, вразумительных строчках: человеку и его "городу" (стране, земле, всему миру) грозит гибель; нужно найти спасение от этой угрозы; всматриваясь в грядущую гибель, начинаем видеть в ней, однако, словно бы какой-то свет, какое-то высшее счастье, "бессмертья, может быть, залог".

Некоторые пояснения относительно этого света и бессмертья мы находим у Достоевского, в частности, в романе "Подросток". Многие, наверно, помнят знаменитый сон Версилова, который тот рассказывает сыну, и некоторые мысли, вызванные этим послеобеденным сном (выделял я):

"Мне приснился совершенно неожиданный для меня сон, потому что я никогда не видал таких. В Дрездене, в галерее, есть картина Клода Лоррена, по каталогу – "Асис и Галатея"; я же называл ее всегда "Золотым веком", сам не знаю почему. Я уж и прежде ее видел, а теперь, дня три назад, еще раз мимоездом заметил. Эта-то картина мне и приснилась, но не как картина, а как будто какая-то быль. Я, впрочем, не знаю, что мне именно снилось: точно так, как и в картине, – уголок греческого Архипелага, причем и время как бы перешло за три тысячи лет назад; голубые, ласковые волны, острова и скалы, цветущее прибрежье, волшебная панорама вдали, *заходящее зовущее* солнце – *словами не передашь*. Тут запомнило свою колыбель европейское человечество, и мысль о том как бы наполнила и мою душу родною любовью. Здесь был земной рай человечества: боги сходили с небес и роднились с людьми... О, тут жили прекрасные люди! Они вставали и засыпали счастливые и невинные; луга и рощи наполнялись их песнями и веселыми криками; великий избыток непочатых сил уходил в любовь и в простодушную радость. Солнце обливало их теплом и светом, радуясь на своих прекрасных детей... Чудный сон, *высокое заблуждение* человечества! *Золотой век – мечта самая невероятная из всех, какие были, но за которую люди отдавали всю жизнь свою и все свои силы, для которой умирали и убивались пророки, без которой народы не хотят жить и не могут даже и умереть!* И все это ощущение я как будто прожил в этом сне; скалы и море, и косые лучи *заходящего солнца* – все это я как будто еще видел, когда проснулся и раскрыл глаза, буквально

омоченное слезами. Помню, я был рад. *Ощущение счастья,* мне еще неизвестного, прошло сквозь сердце мое, даже до боли; это была *всечеловеческая любовь.* Был уже полный вечер; в окно моей маленькой комнаты, сквозь зелень стоявших на окне цветов, прорывался пук косых лучей и обливал меня *светом.* И вот, друг мой, и вот – это заходящее солнце *первого* дня европейского человечества, которое я видел во сне моем, обратилось для меня тотчас, как я проснулся, наяву, в заходящее солнце *последнего* дня европейского человечества! Тогда особенно слышался над Европой как бы звон похоронного колокола".

Далее Версилов говорит о себе, как о носителе высшей русской *культурной* мысли – "высшая русская мысль есть всепримирение идей". Он считает, что он один только и может сказать революционерам, что они ошибаются, а консерваторам, что революция "хоть и преступление, но все же логика". И продолжает:

"У нас создался веками какой-то еще нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире, – тип всемирного боления за всех. ...

Заметь себе, друг мой, странность: всякий француз может служить не только своей Франции, но даже и человечеству, единственно под тем лишь условием, что останется наиболее французом; равно – англичанин и немец. Один лишь русский, даже в наше время, то есть *гораздо еще раньше, чем будет подведен всеобщий итог,* получил уже способность становиться наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец... Русскому Европа так же драгоценна, как Россия: каждый камень в ней мил и дорог... О, русским дороги эти старые чужие камни, эти чудеса старого Божьего мира, эти осколки святых чудес; и даже это нам дороже, чем им самим!.. Там консерватор всего только борется за существование; да и петролейщик лезет лишь из-за права на кусок. Одна Россия живет не для себя, а для мысли, и согласись, мой друг, знаменательный факт, что вот уже почти столетие, как Россия живет решительно не для себя, а для одной лишь Европы! А им? О, *им суждены страшные муки прежде, чем достигнуть царствия Божия".*

Да, есть о чем побеседовать с русской литературой...

Послушаем теперь Льва Толстого – что он скажет нам о смерти и свете:

Вот Иван Ильич Головин, умирая прислушивается к себе:

"А смерть? Где она?"*

Он искал своего прежнего привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страха никакого не было, потому что и смерти не было.

Вместо смерти был свет.

– Так вот что! – вдруг вслух проговорил он. – Какая радость!

Для него все это произошло в одно мгновение, и значение этого мгновения уже не изменялось. Для присутствующих же агония его продолжалась еще два часа...

– Кончено! – сказал кто-то над ним.

Он услыхал эти слова и повторил их в своей душе. "Кончена смерть, – сказал он себе. – Ее нет больше".

Он втянул в себя воздух, остановился на половине вздоха, потянулся и умер".

"Вместо смерти был свет". Пожалуй, короче и не скажешь...

Поэты предреволюционной поры питались теми же видениями – близкой гибели, смерти и проступающего из-за них "золотого века", сияющего нестерпимым светом. Один из самых глубоких наших прорицателей, Блок, писал:

Я, наконец, смертельно болен,
Дышу иным, иным томлюсь.
Закатом солнечным доволен
И вечной ночи не боюсь...

И еще:

И мне страшны, любовь моя,
Твои сияющие очи:
Ужасней дня, страшнее ночи
Сияние небытия.

---

* Проверено по: Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 томах, т. 12. М. 1982 (*прим. ред.*).

Иное бытие – иной мир, просто иное, Инония... Огромный, неповторимый и не оцененный еще в должной мере талант Александра Грина целиком был посвящен описанию сияющего *иного* – не этого мира, а мира воплотившейся, победившей мечты. Казалось, перед революцией удесятерилось ожидание, предчувствие, предвидение золотого века, рая на земле; казалось, вся душа нации исступленно бредила и грезила чем-то единым, в котором сплетались нерасторжимо смерть и бессмертие, золотой век и гибель, могильный мрак и ослепительный свет, кровавое знамя убийц и белые розы терниев Христа. В красках Врубеля, в музыкальных экстазах Скрябина, в словесных водопадах Бердяева, в громадных построениях Флоренского, в прозрениях Хлебникова, в научных концепциях Вернадского, в сотнях и тысячах талантов, словно бы внезапно раскрывшихся во всех сферах жизни и деятельности нации, находим мы черты этого необычайного, все более отчетливого понимания и пророчества – понимания судеб мира и пророчества о путях его спасения.

Одним из самых могучих мыслителей этой полосы был скромный служащий Румянцевского музея Николай Федорович Федоров. Сейчас он основательно забыт, а в свое время был хорошо известен Достоевскому, Толстому, Фету, Владимиру Соловьеву, причем последний называл учение Федорова "первым движением вперед человеческого духа по пути Христову со времени появления христианства".

Произведения Федорова изданы были после его смерти под названием "Философия общего дела" в двух томах. Первый вышел в Верном (ныне Алма-Ата) в 1906 году, через три года после смерти Федорова, второй – в Москве, в 1913 году; должен был последовать и третий том, но не последовал. Я не знаю тиража второго тома, а первый был издан в количестве 480 экземпляров – "не для продажи", как выставлено на титульном листе по воле автора, "возмущавшегося торговлею произведениями мысли, называвшего такую торговлю продажею души, величайшим из святотатств", как пишет автор предисловия к книге.

Эти два тома – особенные. С произведениями, в них включенными, легко разделаться, легко раздавить их "научной" критикой, высмеять, найдя в них множество чепухи. Автор беззащитен и не скрывает этого. Но можно прочесть кни-

гу и с иной задачей – найти в ней *ценное.* И при таком подходе мы обнаруживаем в ней множество интереснейших идей, которые, строго говоря, суть лишь развертывание, обоснование, развитие и повторение одной и той же грандиозной общей мысли.

Главная работа Федорова – обширная статья (занимающая половину первого тома), которую можно назвать и самостоятельной книгой, "Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства. Записка от неученых к ученым, духовным и светским, верующим и неверующим".

Федоров начинает излагать свои соображения по этому вопросу с совпадения, которое показалось ему чрезвычайно многозначительным: в 1891 году во многих губерниях России был голод от засухи и тогда же стало известно об опытах вызывания дождя посредством взрывчатых веществ. Это, да и слухи о войне, произвели на Федорова потрясающее впечатление: "И в самом деле, – пишет он, – человек сделал, по-видимому, все зло, какое только мог, относительно и природы (истощение, опустошение, хищничество), относительно и друг друга (изобретение истребительнейших орудий и вообще средств для взаимного уничтожения); самые пути сообщения, чем особенно гордится современный человек, и те служат лишь стратегии или торговле, войне или барышничеству;... И вдруг... известие,... что все средства, изобретенные для взаимного истребления, становятся средством спасения от голода и является надежда, что разом будет положен конец и голоду, и войне, конец войне без разоружения, которое и невозможно".*

Надежда Федорова, как мы знаем, не сбылась до сих пор. Но чувства его понятны нам и сегодня – и сегодня мы продолжаем мечтать о спасении от голода и войны. И мы понимаем, как мог поразить нормального человека тот факт, что орудие смерти применимо во имя жизни...

Причисляя себя к неученым, Федоров считает необходимым напомнить от их имени ученым о назначении последних:

---

*Проверено по: Н. Ф. Федоров. Сочинения, изд. "Мысль", М. 1982 (*прим. ред.*).

"а) обратиться к изучению силы, производящей неурожаи, смертные язвы, т. е. обратиться к изучению природы как силы смертоносной, обратиться к этому изучению как долгу священному и вместе самому простому, естественному и понятному; и б) объединить всех, ученых и неученых, в деле изучения и управления слепою силою".

Мы встречаем у Федорова те же традиционные русские идеи, но уже не в поэтической форме изложенные, а деловым, почти канцелярским слогом; но Федоров понимает природу так, как до него никто ее, пожалуй, не понимал – как слепую силу, как источник смертельной опасности для людей. И как истинный русский он делает и еще один шаг – указывает путь к спасению. Последим дальше за ходом его мыслей:

"Ученые, разбившие науку на множество отдельных наук, воображают, что гнетущие и обрушивающиеся на нас бедствия находятся в ведомстве специальных знаний, а не составляют общего вопроса для всех, вопроса о неродственном отношении слепой силы к нам, разумным существам, которая ничего от нас, по-видимому, и не требует, кроме того, чего в ней нет, чего ей недостает, т.е. разума правящего, регуляции. Конечно, регуляция невозможна при нашей розни, но рознь потому и существует, что нет общего дела; в регуляции же, в управлении силами слепой природы и заключается то великое дело, которое может и должно стать общим".

Здесь Федоров делает любопытнейшее примечание:

"Страх голода, неурожая, диктовал эту записку, исходным пунктом которой приняты *общие* бедствия, происходящие от слепой силы природы, а не сострадание к бедным, всегда скрывающее зависть к богатым".

Отметим здесь особо: уже у Федорова встречаем мы слова об *отношении* природы (слепой силы) к нам и идею о том, что наше особенное свойство, наш разум нужен природе. Зачем же нужен?

"Разум практический, равный по объему теоретическому, и есть разум правящий, или регуляция, т. е. обращение слепого хода природы в разумный; такое обращение для ученых должно казаться нарушением порядка, хотя этот их порядок вносит только беспорядок в среду людей, поражая их и голодом, и язвою, и смертью".

Как же спасаться?

Федоров указывает свой путь – на первый взгляд, фантастический, но если вдуматься – совершенно трезвый и, более того, едва ли не единственно разумный:

"Под вопросом "о братстве и причинах небратского состояния мира" мы разумеем и условия, при которых может и должно быть осуществлено братство, и даже преимущественно эти условия... Это вопрос о том, что нужно делать для выхода из небратского состояния".

"Под небратским состоянием мы разумеем все юридико-экономические отношения, сословность и международную рознь. В вопросе о причинах неродственности под неродственностью мы разумеем "гражданственность", или "цивилизацию", заменившую "братственность", разумеем и "государственность", заменившую "отечественность". Отечественность – это не патриотизм, который вместо любви к отцам, сделал их предметом своей гордости... Но как только гордость подвигами отцов заменится сокрушением об их смерти, как только землю будем рассматривать как кладбище, а природу как силу смертоносную, так и вопрос политический заменится физическим, причем физическое не будет отделяться от астрономического, т. е. земля будет признаваться небесным телом, а звезды – землями. Соединение всех наук в астрономии есть самое простое, естественное, неученое, требуемое столько же чувством, как и умом неотвлеченным, ибо этим соединением мифическая патрофикация обращается в действительное воскрешение, или в регуляцию всех миров всеми воскрешенными поколениями".

Огромная, необъятная мысль! Воскресить отцов, воскресить всех умерших; победить природу – источник смерти; заселить бессмертными существами всю вселенную – вот то *общее дело,* к которому призывает Федоров. Трудно найти идею более грандиозную, более сумасшедшую, чем эта! Пожалуй, нации, родившей такую мысль, не остается ничего, кроме революции...

Понятно, что грандиозная идея требует изменения всей методики науки:

"...наука не должна быть знанием причин без знания цели, не должна быть знанием причин начальных без знания причин конечных (т. е. знанием для знания, знанием без действия),

не должна быть знанием того, *что есть,* без знания того, *что должно быть;* это значит, что наука должна быть знанием причин не *вообще,* а знанием причин именно небратства, должна быть знанием причин *розни,* которая делает нас орудиями слепой силы природы, вытеснения старшего поколения младшим, взаимного стеснения, которое ведет к тому же вытеснению ...отсюда следует, что смысл братства заключается в объединении всех в общем деле обращения слепой силы природы в орудие разума всего человеческого рода для возвращения вытесненного".

Эта новая методика, предлагаемая Федоровым, формулируется им просто и ясно:

"...как неестественно спрашивать – *почему сущее существует,* так вполне естественно спросить, *почему живущее умирает".*

В философии Федорова замечательна его практическая любовь к людям. Вся его философия вышла из евангельских истин, прежде всего из идеи воскресения во плоти. Иногда эту идею понимают как-то, мне кажется, ограниченно и догматично – как некое разовое чудо во время второго пришествия Христа. Но нигде не сказано, *как* явится Христос, и очень вероятно, что мы Его так же не узнаем, как не узнали и в первый раз. Второе пришествие, возможно, решительно ничем не будет походить на первое, а воскресение во плоти может оказаться вовсе не чудом, а результатом труда и заслуги людей – то есть чудом, но чудом практическим, чудом братского единения людей для победы над смертью, над природой. И в деле воскрешения осуществится суд – окончательная смерть для одних, вечная жизнь для других; в этом ответ и на наш вопрос, всех ли стоит воскрешать, хотя, конечно, суд тот потребует не сегодняшних понятий и критериев.

Федоров отвергает идею прогресса, так как в основе ее лежит сознание превосходства детей над отцами, что противоречит, по его мнению, евангельской заповеди о почитании родителей. Этот довод мы можем и не принимать, но нельзя не согласиться, что в идеи прогресса неизбежно заложены *оценки* (*вчера* оценивается ниже, чем *сегодня,* а *сегодня* ниже, чем *завтра*), а в этих оценках уже коренится разобщение людей. Отвергает он также и ту концепцию, по которой цель прогресса – "развитая и развивающаяся личность, или наибольшая

мера свободы, доступной человеку", так как это тоже ведет к розни, а не к любви живущих (сынов) к умершим (отцам).

"Воскрешение не прогресс, – пишет Федоров, – но оно требует действительного совершенствования, истинного совершенства; тогда как для рождающегося, для само собою происходящего, нет нужды ни в разуме, ни в воле, если последнюю не смешивать с похотью. Воскрешение есть замена похоти рождения сознательным воссозданием".

С позиций своей философии общего дела – объединения всех сил человеческих ради преодоления смерти – Федоров критикует и социализм:

"Социализм в настоящее время не имеет противника; религии с их трансцендентным содержанием, "не от мира сего", с Царством Божиим внутри лишь нас, не могут противостать ему. Социализм может даже казаться осуществлением христианской нравственности. Нужен именно вопрос об объединении сынов во имя отцов, чтобы объединение во имя прогресса, во имя комфорта, вытесняющее отцов, выказало всю свою безнравственность. Объединение во имя комфорта, ради своего удовольствия, и есть самое наихудшее употребление жизни и в умственном, и в эстетическом, и особенно в нравственном отношении. При забвении сынами отцов искусство из чистейшего блаженства, ощущаемого в возвращении жизни отцам, превращается в порнократическое наслаждение, а наука из знания всеми живущими всего неживого для возвращения жизни умершим обращается в изобретение удовольствий или в бесплодное умозрение... Социализм торжествует над государством, религиею и наукою; появление государственное социализма, католического, протестантского, "катедер-социализма", свидетельствует об этом торжестве. Он не только не имеет противника, но даже не признает возможности его. Социализм – обман; родством, братством он называет товарищество людей, чуждых друг другу, связанных только внешними выгодами; тогда как равенство действительное, кровное, связывает внутренним чувством; чувство родства не может ограничиваться лицепредставлением и требует лицезрения; смерть лицезрение превращает в лицепредставление, и потому чувство родства требует восстановления умершего, для него умерший незаменим, тогда как для товарищества смерть есть потеря, вполне заменимая".

Не удивительно ли, что наши русские пророки предвидели даже *слова*, которыми через несколько десятилетий стали пользоваться наши же социалисты ("незаменимых людей нет" – это же смертный приговор любому)!

"Социалисты, которые думают только о собственном возвышении ("главный вопрос – это вопрос о власти" – Б. В.), а не о благе народа, не обращают внимания на то, что и для кооперативного государства необходимы не пороки, которые они пробуждают, а добродетели, нужно исполнение долга, даже самоотвержение... Требование же ради всеобщего комфорта каторжной работы, хотя бы и распределенной на всех, представляет нечто аномальное..."

Идеи Федорова о культе предков как высшей религии, о Троице, об испытаниях России выбором (Киев), Востоком (татары) и Западом (Петербург), а также другие его положения и открытия - для особого рассмотрения. Меня здесь интересуют, прежде всего, те его мысли, которые касаются смерти и ее преодоления, то есть того сплетения гибели и света, о котором пророчествует Россия.

"Слепою силою люди признают природу даже тогда, когда и себя не исключают из нее, и вместе с тем считают смерть каким-то законом, а не простою случайностью, водворившеюся в природе вследствие ее слепоты и ставшею органическим пороком. А между тем смерть есть просто результат или выражение несовершеннолетия, несамостоятельной, несамобытной жизни, неспособности к взаимному восстановлению или поддержанию жизни. Люди еще недоросли, полусущества, но полнота личного бытия, личное совершенство возможно только при совершенстве общем. Совершеннолетие есть и безболезненность, бессмертие; но без воскрешения умерших невозможно бессмертие живущих".

Да, если современным физикам нужно сумасшествие идеи, чтобы поверить в ее истинность, то невероятное сумасшествие идей Федорова могло бы само по себе служить доказательством их истинности. Каким нужно обладать бесстрашным полетом воображения, чтобы спокойно написать:

"Регуляция, в смысле способности управления материальною природою, не требует бесконечного времени для своего осуществления"...

Таковы некоторые важные для моей темы положения этой недописанной и недоизданной книги, на первый взгляд, повторяю, совершенно фантастические, чуть ли не бредовые, однако вызвавшие в свое время жгучий общественный интерес. Человечество отмахнулось от идей Федорова; оно, впрочем, отмахивается и от других, гораздо более скромных предложений, требующих совместных усилий и затрат. Так, например, чтобы победить рак и сердечно-сосудистые заболевания, нужно затратить средства, равные примерно трех-четырехлетним расходам человечества на оружие; что, казалось бы, проще – устроить паузу на несколько лет в гонке вооружения, направить освободившиеся деньги на медицину, победить эти болезни, а потом, коли так уж это человечеству необходимо, вооружаться дальше? Как бы не так! Удивительно, что одних такие предложения раздражают, другие только машут в ответ безнадежно рукой, но никто не силится объяснить, почему род человеческий никак, хоть ты тресни, не способен осуществить на деле такую до крайности примитивную и всем полезную идею. Да и более скромные человеколюбивые программы что-то осуществляются со скрипом. Так, в 1974 году в мире было обречено умереть голодной смертью тридцать миллионов *детей,* сто миллионов детей недоедало, а пятьсот миллионов находилось под угрозой голода; и вот ООН с трудом наскребла для этих детей сто миллионов долларов с небольшим – а без частной благотворительности и их бы не наскребла. Это – на спасение умирающих с голоду детей! Что уж тут говорить о расходах на продление жизни, на достижение бессмертия, на воскрешение умерших! Не возникает ли уверенность, когда знакомишься с такими фактами, что человечество *в целом* лишено эгоизма, столь отчетливо присутствующего в индивидууме? Что оно, это самое человечество, не способно ставить перед собой полезные ему цели? Не способно к саморегуляции? Но если это так, что же им управляет? Что его регулирует?

К таким вопросам подводят пророчества русских деятелей культуры. И, расставаясь с этими пророчествами, покидая нашу словесность, должен еще раз повторить: все, о чем пойдет речь ниже, не есть мои собственные соображения или открытия, а есть всего лишь попытка связного изложения той проблематики, которая составляет русский теоретический

опыт. Неистовые наши пророки (а такими я называю всех, кто думал о гибели мира и о его спасении, о смерти и свете, то есть мыслил эсхатологически), сражаясь друг с другом, проклиная, ненавидя и любя, погибая и губя, создали все необходимые элементы для завершения мысленной картины мира, для изложения *существа* русской идеи. Пророков этих множество – о них, конечно, нужно бы написать особую книгу...

2.
ИСТОРИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ И МНИМАЯ

Несколько тысяч лет назад человечество научилось писать – и с тех пор неутомимо пишет, записывает и с целью сохранить что-то в памяти потомков, и с практическими целями. Эти записи необъятно обширны – никакой жизни не хватит, чтобы прочесть даже миллионную их часть.

С изобретением письменности появилась документированная история. Едва изобретя способ общаться друг с другом посредством письменных знаков, люди стали покрывать ими сперва глиняные дощечки и кости животных, кожу и камни, кусочки дерева и папирус, затем ткани и бумагу. Появились и распространились на десятках языков книги, стремящиеся осмыслить как жизнь отдельного человека, так и судьбы сообществ людей и даже всего рода человеческого. Накопился огромный запас фактов, знаний и точек зрения.

Вот уже приблизительно две с половиной тысячи лет люди заняты этим составлением более или менее подробных описаний своего прошлого – давнего и недавнего. Сегодня в библиотеках мира можно без труда найти множество книг и статей, освещающих факты человеческого прошлого – по существу, едва ли не любой факт, любое событие описано уже более или менее подробно, и знания пятнадцати-двадцати языков достаточно вполне, чтобы получить доступ к этим описаниям. Но и владения двумя-тремя языками хватит, чтобы ознакомиться с историей рода человеческого. А работа по изучению прошлого продолжается, кипит. В нашем распоряжении горы, Монбланы и Эвересты сведений об истории.

И мы ничего в этой истории не в состоянии понять...

Настолько не в состоянии, что не в силах точно предсказать не только отдаленное, но и ближайшее будущее, не можем предсказать течение и направленность даже простейших количественных процессов – например, рост народонаселения...

В чем же дело? Почему, зная о себе, казалось бы, так много, собрав столько точных, проверенных фактов, имея возможность постоянно наблюдать картину человеческой жизни с помощью газет, радио и телевидения, мы, тем не менее, ничего о себе толком не знаем и ни за что в будущем ручаться не можем?

Получается так, что история, которую мы знаем из бесчисленных книг, при всей несомненной точности сообщаемых в ней фактов, ничего нам не объясняет толком, не является наукой, а является какой-то *мнимой* историей? Или, может быть, все дело в том, что судьбы человечества вообще лишены какой бы то ни было закономерности, и нам доступны лишь калейдоскопически причудливые и не подвластные законам узоры минувшего – случайные, необъяснимые и непредсказуемые?

Гипотеза о случайном, индетерминированном движении человеческой истории, движении, не подчиненном никаким законам и потому непредсказуемом, противоречит несомненному присутствию законов во всем, что мы наблюдаем вокруг себя. Потребовалось огромное напряжение гениальнейших человеческих умов, потребовался их героический отказ от очевидного, наглядного, здравомысленного, чтобы понять лишь некоторые, еще несовершенно сформулированные общие закономерности строения мира – в той его части, в которой они связаны с нами. Но если (заимствую эту мысль из религиозной литературы) для познания лишь крохотной части тех законов, которым подчиняется величественное и гармоничное здание вселенной, потребовался высший человеческий гений, то насколько же выше этого гения вся совокупность этих законов! И очень мало вероятно, чтобы из стройной системы, из целостной структуры мироздания вдруг почему-то выпало человечество и единственное оказалось живущим вне причинно-следственной детерминированности (пусть даже и не жесткой, а лишь вероятностной). Такая мысль не только представляется неубедительной,

но она еще и совершенно бесплодна — она лишает смысла всю человеческую жизнь, в том числе и попытки познать самого себя и историю себе подобных.

Время от времени у людей мелькала надежда, что им удалось объяснить мир и свое в нем место. Последняя по времени надежда такого рода — претензия марксизма быть точной наукой об обществе — на наших глазах закончилась трагическим крахом: ни одно из предсказаний марксизма *не сбылось* и, как теперь уже ясно даже тем, кто не смеет признаться в этом самим себе, никогда уже *не сбудется*. Такая же участь постигла и все другие крупные попытки, хотя они и предпринимались гениальнейшими умами и порой до сих пор сохраняют сторонников, последователей и традиции. Но даже тот факт, что таких объяснений не одно, а много, уменьшает их право претендовать на истинность.

Возникает неизбежный вопрос: если человечество, не умея объяснить свой опыт, все же ни на секунду не прекращает попытки это сделать; если, не будучи в силах создать действительную свою историю, оно усерднейшим образом создает историю мнимую, — то как, в свою очередь, объяснить *это* обстоятельство? Нет ли у человечества некоторой потребности в такой вот, именно *мнимой* истории? Должны существовать не только в объекте, но и в субъекте какие-то основания, из-за которых не удается никак людям объяснить самим себе свою собственную историю?..

Человечество словно бы стремительно движется то налево, то направо, то вверх, то вниз, сидя спиной к движению. Оно отлично видит все то, что оно только что миновало, и миллионами рук, голов и уст фотографирует, записывает и обсуждает каждую деталь той местности, по которой оно проехало и которая — уже в прошлом — ему открылась. Но обернуться и посмотреть, куда же оно едет, совершенно не в состоянии — не то потому, что обернуться ему физически никак, не то потому, что впереди все скрыто туманом, не то потому, что каждый видит там свое и видящие никак не могут между собой договориться... Во всяком случае, если предсказания чьи-то и сбываются (что случается чрезвычайно редко), то они либо касаются несущественных частностей, либо совсем неясно, на основании чего эти предсказания были сделаны удачно — во всяком случае, в их успехе не участвовали ни наука, ни логика.

Но, может быть, я преувеличиваю?

Увы, специалисты говорят то же самое...

Самый, пожалуй, знаменитый историк нашего времени Арнольд Тойнби в своей книге "Изменение и привычка" пишет (выделил всюду я):

"Будущее скрыто от нас, пока оно не наступит, и поэтому мы должны обращаться к прошлому, чтобы пролить свет на грядущее. Только наш опыт в прошлом – единственный свет, доступный нам для освещения будущего. Опыт – другое название для истории".

Можно, конечно, спорить с таким пониманием истории. Можно уточнять, что история это *не* коллективный *опыт* человеческой расы, а лишь *совокупность свидетельств* об этом опыте, а это не одно и то же. При таком уточнении неизбежно возникают вопросы: что в человеческой природе препятствует (и препятствует ли) истинности свидетельств об истории? Как видели будущее в прошлом, в чем это видение подтвердилось, в чем – нет, то есть какую способность *пред*видения обнаруживало (и обнаруживало ли) человечество? Но не это нам здесь важно. Нам важно, что крупнейший современный историк признает тот факт, *что будущее скрыто от нас* и – а это еще важнее – что прошлое не проливает света на будущее, а лишь позволяет нам предполагать, догадываться, создавать гипотезы.

Причину такой вот непредсказуемости будущего Тойнби видит в том, что человеческое существо способно делать выбор:

"Эта очевидная свобода человеческого существа делать непредсказуемый выбор поднимает теологическую и философскую проблему *свободы воли.* Является ли эта очевидная свобода человеческих воль реальностью или иллюзией? Из всех интеллектуальных противоречий, в которые вовлекались теологи и философы, это, вероятно, самое неразрешимое. Возможно, на этот вопрос нельзя ответить на языке теологии или логики. Психология, переводя вопрос на свой собственный особый язык, может быть (а может и не быть) более успешной. По мере того, как она расширяет изучение подсознательных глубин нашей психики, психология, возможно, откроет, что на этом уровне психическая деятельность человеческого существа управляется "законами природы", которые

работают с постоянством, сравнимым с постоянством движения звезд. И все-таки на уровне сознания и воли психика будет по-прежнему оказываться действующей самопроизвольно и независимо; а на все еще ранней стадии изучения человеческой психики мы не можем дать окончательный ответ на вопрос, является ли очевидная свобода человеческих воль реальностью или иллюзией".

В любом случае, считает Тойнби, мы не знаем заранее ничего о том, какой выбор сделают люди в тех или иных обстоятельствах – мы можем лишь строить на этот счет предположения...

Но, может быть, хоть и необъяснимыми путями, но человечество в целом прогрессирует, то есть развивается от худшего к лучшему?

Идея прогресса необыкновенно популярна. В том, что человечество развивается от "низшего" к "высшему", от "худшего" к "лучшему", уверены сотни миллионов.

Увы, такого прогресса – в смысле улучшения жизни, смягчения нравов и сердец – в истории не видно...

Рассмотрим два важнейших аспекта общественной жизни – систему власти и формы собственности.

Из истории нам известны демократическая (республиканская), монархическая и олигархическая системы власти, а также анархия (отсутствие власти) и охлократия (стихия власти черни, низов, неимущих). Специалисты и знатоки, рассмотрев эти способы управления обществом, пришли к выводу, что лучшим, самым разумным и человечным из них является демократия. Она признана лучшим способом устройства социальной жизни потому, что предоставляет наибольшие возможности для гармонии между личными устремлениями отдельного человека и интересами общественными. Понятие "демократии" люди уточнили. Было признано необходимым, чтобы существовали независимо друг от друга исполнительная, законодательная и судебная власти, бесцензурная гласность, свобода печати, чтобы путем выборов периодически сменялись все управляющие, чтобы были гарантированы права личности. Практические умы, опираясь на здравый смысл, пришли к несомненному заключению, что нужно стремиться к демократическому устройству общества, ибо оно "лучше", "прогрессивнее", чем, скажем, абсолютная монархия, – и

возникла идея прогресса, возникла возможность сравнивать, что "лучше", а что "хуже": олигархия, скажем, хуже, чем демократия, но лучше, чем монархия; отсутствие цензуры печати лучше, чем ее присутствие; иметь право свободно выезжать за пределы своей страны лучше, чем не иметь такого права, и т. д. Каждая из систем управления изучается во всех ее вариациях и подробностях, сравнивается с другими. На основании идеи прогресса выдвигаются политические программы и требования: например, отменить цензуру там, где она есть, обеспечить права человека там, где их нет, и т. п.

Возьмем другой пример: отношение людей к имуществу, к земле, к недрам, лесам, заводам, зданиям, машинам, скоту, предметам быта... Иными словами, обратимся к проблеме собственности. И здесь, основываясь на опыте истории, основательные умы выделили разные типы собственности: индивидуальную, когда один человек может распоряжаться тем, что ему принадлежит (неограниченно или с ограничениями), то есть частную собственность; групповую, или кооперативную; социалистическую – когда собственность принадлежит всему обществу и используется в интересах последнего. Были сделаны выводы, что наиболее "хорошей" является собственность социалистическая, общественная, при которой один человек или группа людей не может присваивать себе слишком много имущества, а затем и труд других людей, заставляя последних под страхом голода или наказания работать на богатых и выполнять их волю. И здесь едва наметился идеал, как возникла и иерархия ценностей. Стало очевидно, что кооперативная собственность лучше, чем частная, что хуже всего – рабовладение, а лучше всего – вообще отсутствие всякой собственности, когда каждый трудится свободно и радостно, повинуясь лишь своей воле и жажде созидания, и имеет все, что ему требуется, чтобы жить, заниматься миро- и самопознанием и осуществлять свои мечты и замыслы. Появились и конкретные программы, отстаивающие выработанные идеалы: национализацию промышленных предприятий там, где они находятся в частном владении; общественное регулирование стихии рынка и т. п.

И по вопросу о социальном устройстве, и по вопросу о формах собственности человечество выработало знания, достойные уважения и восхищения. Были предложены, каза-

лось бы, бесспорные рецепты, стали очевидными ценности. Венцом этих усилий и явилась идея прогресса – идея бесконечного улучшения условий жизни человека на Земле, бесконечного совершенствования человека. Эта идея казалась не только безусловно справедливой, но и могущей придать осмысленность деятельности любого индивида, вооружая его сознанием цели.

Казалось – да. Но...

Но есть серьезные основания поставить под сомнение результативность всей работы по выработке идеалов и осмыслению прогресса.

Действительно, демократия лучше тирании, олигархия лучше монархии, свободная печать лучше подцензурной. Только вот ведь в чем беда – ни одно из достигнутых людьми улучшений не держится долго. Республику в Риме сменяет монархия, в Германии – фашистская диктатура, во Франции – Бонапарт... И если внимательно присмотреться к истории, то в политическом устроении людей никакого прогресса не видать – а видать, как люди в разных странах пользуются то одной, то другой системой власти, черпая варианты из довольно скромного набора.

В романе "В круге первом" (глава 90) Герасимович – персонаж, которому автор отчетливо сочувствует, – излагает Нержину концепцию "интеллектуального общества", в котором вместо демократии было бы справедливое неравенство, основанное на истинных дарованиях, природных и развитых; в таком обществе власть принадлежала бы духовной элите – самоотверженным, совершенно бескорыстным и светоносным людям. В России же власть должна принадлежать техническим интеллигентам. Увы, нет новизны и в изобретении Герасимовича. В старом императорском Китае правила духовная элита, составленная из самых образованных людей своего времени, сдававших к тому же специальные экзамены на право руководить. Императоры писали стихи. Существовала невиданная больше нигде в мире терпимость к инакомыслию – рядом с официальной доктриной конфуцианства безбедно существовали буддизм, даосизм, затем и христианство. Представители элиты правили страной, уважали крестьянство, за счет которого жили, не допускали никакого технического прогресса, не верили в утопии, помещая "золотой век" в глубоком невоз-

вратном прошлом, руководствовались нравственными понятиями. В отдельные моменты своей истории Китай достигал, видимо, максимума того, чего может достичь атеистическое ("социалистическое", по Шафаревичу) общество. И что же? На практике это правление приводило к раздорам, войнам, смутам; счастья в стране не было, нравственного или иного какого прогресса – тоже. А что до элиты, так почитайте роман "Неофициальная история конфуцианцев", написанный задолго до того, как появилась русская техническая интеллигенция, – вы увидите в этом романе знакомые картины коррупции и разложения, слабости и скудоумия этой самой элиты. Но главное в том, что китайская система была крайне неустойчивой, не просуществовала мирно ни разу свыше двухсот лет подряд – изнашивалась, как и все другие системы, и падала либо жертвой нашествия других народов, либо в результате внутренних смут.

Всматриваясь в историю, мы замечаем наряду с небольшим числом вариантов политических систем некоторый как бы закон, их характеризующий, – закон странный, но довольно очевидный: ни одна форма власти долго не удерживается, она словно бы утомляется, исчерпывает себя, изнашивается, и на смену ей приходит другая форма, новая. Именно только одно и важно, чтобы была сменяющая форма *новой*, а лучше она предыдущей или хуже, – людям, увлеченным перестройкой власти, совсем не важно. Если бы общество было отдельным существом, то можно было бы его спросить: "Зачем ты меняешь хорошее на плохое? Зачем, например, ты отказалось от демократии и променяло ее на фашизм?" Боюсь, что единственный искренний ответ этого существа был бы: "Не знаю... Так получилось..." Может быть, оно еще добавило бы: "Мне казалось, что так будет лучше..."

А как же знания, накопленные за столько веков?! Как же те основательные умы, которым так ясна была иерархия ценностей?% А им тоже – казалось...

Словно нуждаются человеческие сообщества как в системе власти, так равно и в смене системы. Словно бы служит эта смена чем-то вроде подстегивания, понукания – служит способом привести нечто в движение. Общество как бы выбирает себе новый наряд – и незаметно, чтобы на этот выбор сколько-нибудь существенно влияли знания, рецепты и очевидные

ценности: никакого эгоизма, порой даже и никакого чувства самосохранения не обнаруживает общество, меняя формы власти...

Но, может быть, при этих переменах выигрывает нравственность? Увы. С ней дело обстоит кисло и во время перемен, и во времена стабильности: демократичнейшие англичане спокойненько привязывают к жерлам пушек сипаев и убивают их вот таким зверским способом, стреляя им в спины, демократичнейшие американцы воюют во имя рабства, линчуют негров, воруют, подкупают... Свободная бесцензурная печать травит Жаклин Кеннеди, превращая ее жизнь в ад, рисует радужными красками положение в замученном страхом Китае, врет на каждом шагу, мало чем отличаясь в смысле нравственном от пещерной печати подцензурной.

Нет, не обнаруживается прогресса ни в смене одной формы власти другой, ни в нравственном совершенствовании человека и общества.

Не радует взор и нравственная картина там, где от "низших" форм собственности перешли к "высшим". Посмотрите сами: национализировали, обобществили почти все, что было в личном владении, стали сообща вести хозяйство, установили полный социализм – и вдруг миллионы тружеников, освобожденных от эксплуатации себе подобными, оказались в положении наихудших рабов: их согнали в "трудовые" лагеря, лишили прав, семьи, свободы, заставили работать от зари до зари под дулами винтовок, под охраной собак, обрекли вымирать от голода, холода, болезней. Но и за пределами лагерей никакого прогресса не видать: труд оплачивается ниже, чем частным капиталистом, нанимателем, производительность труда низкая и не имеет ни одного шанса стать выше, чем там, где собственность частная, свобод – жалкий минимум, везде воровство, пьянство, угодничество, трусость, предательство, ложь. Так почему социалистическая собственность лучше, а частная – хуже? И как это получилось, что пролетариат, установив свою диктатуру, эксплуатирует самого себя гораздо более свирепо, чем отдельный своевольный хозяин? А ведь и хозяин эксплуатирует достаточно жестоко. Почему рабочий класс так собой неудачно управляет, что живет хуже, чем при управлении капиталиста?..

Плохи все формы власти и собственности – и потому хочется сменить имеющуюся, но идеальной нет... Вот и меняют на то, что есть. Все пары ботинок, которые есть у человека, жмут, – но та, которую носишь, кажется, что больше всех...

Существование разных форм власти и собственности на земном шаре не подтверждает идею прогресса как движения человечества от худшего к лучшему.

Добавим, что власть и собственность обнаруживают тесную взаимосвязь – богатый захватывает власть, а имеющий власть легко богатеет. И тщетно мы пытались бы определить, что тут ”первично”, а что – ”вторично”, что причина, а что – следствие. Похоже, что и то, и другое просто разные формы одного и того же приобретательного порыва человека, реализация его хватательного, присвоительного рефлекса.

Все усилия положительных умов, пытающихся выработать и утвердить идеалы, пропадают втуне, и остается этим замечательнейшим, достойнейшим людям утешаться мыслью, что без их постоянной и упорной работы мир был бы еще отвратительнее, чем он есть – утешение, к сожалению, не очень убедительное, потому что в его основе нет никаких фактов, а есть лишь потребность в утешении.

Человечество знает о добре и зле, но не пользуется этим знанием в своей практической истории. Иначе говоря, не понятия добра и зла определяют выбор человечества.

Добро и зло остаются, в лучшем случае, в неизменной пропорции на протяжении всей истории рода людского.

Невольно вздрагиваешь, услыхав еще одного пророка, зовущего, как в свое время другие преобразователи, к лучшему устройству: в тираническом обществе к демократии, в демократическом обществе к чему-то неясному (на поверку выходит – к монархии и тирании). Опять подгоняют! Беги, общество, не стой на месте, двигайся куда хочешь, только *не останавливайся!*

Будущее в полном мраке, выбор социальных устройств ограничен и весь уже неоднократно использован – не имеет значения, беги!

Тяжело бежать, ноги стерты в кровь, не годятся ботинки – что ж, говорят пророки, новые надень, только не останавливайся.

Добро не руководит нашим выбором, зло не оставляет нас – все равно, беги!

Раз мы не в силах при столь обширных познаниях предсказать будущее, раз нет прогресса, раз неясно, почему люди делают тот или иной выбор, почему им необходимы перемены – значит, мы не знаем о себе и о своей истории чего-то самого главного, основного, значимого, действительного, а знаем только *мнимую* историю, располагаем только грудой хорошо изученных кусочков, которые никак не укладываются в цельную мозаичную картину.

Огромные наши знания о собственной истории бессильны помочь людям эту самую историю *понять*.

Мало правдоподобна мысль, что причина этого бессилия – недостаточность наших знаний. Говорят, что, дескать, когда мы выясним новые факты, уточним старые, то истина нам сама собою и откроется. Боюсь, что не откроется. Знаний накоплено очень много, сумма их увеличивается стремительно, но пониманием еще и не пахнет. Чего-то самого главного не понимаем мы, несмотря на имеющиеся у нас знания.

Эти громадные знания оказываются *в самом главном* бесплодными, мнимыми.

Создано много теорий и концепций, так или иначе объясняющих исторический процесс и его смысл: философских, религиозных, этических, экономических, мистических...

Ни одно из этих объяснений не работает, ни одно из них, "овладев массами", не изменило одного из главных признаков человеческого общества и его истории – непредсказуемости движения этих самых масс. Более того, сами теории быстро вписывались в конкретную жизнь, теряли (если имели) свою этическую нормативность и превращались в частицу общего необъяснимого человеческого потока, становились самостоятельной сферой практической работы людей.

Особенно наглядно и болезненно превращение, испытанное христианской церковью, – начав с "не убий", она пришла к благословлению войн и смертной казни, к принятию и одобрению государственной лжи и насилия; она сама – страшно и написать! – стала частью государства, разделила власть с князьями мира сего.

Я уверен, что знания и в перспективе ничего нам не дадут, а объяснения, кажущиеся убедительными, будут быстро утоп-

лены в конкретной жизни, употреблены для поддержания импульса движения в человечестве.

Очевидно, выход только в том, чтобы попытаться в океане мнимой истории обнаружить некоторые действительные течения; в непредсказуемом движении рода человеческого найти *предсказуемо меняющиеся* величины.

Меняется, как будто, все. Единственное, что неизменно – это сам факт непрерывных изменений. Но изменения могут быть непредсказуемые, не дающие нам пока ничего для выяснения картины мира, в котором мы живем; а могут быть предсказуемые, помогающие нам понять смысл истории.

Как обнаружить эти предсказуемые изменения? Ведь для обнаружения их нужно прежде всего разорвать связь познающего с самим собой, нужно поглядеть на людей и на самого себя как бы извне, со стороны.

Возможна ли такая операция?

На первый взгляд невозможна.

Действительно, человек весь – и физически, и умственно, и духовно – создан природой, отшлифован обществом, обучен языку с его ограниченными и громоздкими средствами, приучен к способам мышления, ограничен органами чувств. Как же ему оторваться от самого себя и посмотреть на себя со стороны? Как увидеть себя не своими глазами?

И все-таки есть некоторые основания надеяться, что такая операция возможна.

Двадцатый век принес несколько событий, которые надежду эту и питают. Вспомним прежде всего двойной выход человечества в космос: сначала косвенный – воспроизведение людьми на своей планете процессов, происходящих только *вне* Земли (атомное и термоядерное горение), а затем и прямой – полеты в космос людей, смотревших на Землю со стороны и запечатлевших ее на пленке; полеты спутников с людьми и без них.

Другое очень важное для нашей темы событие – принципиальное изменение научного мышления, отказ науки от очевидного, от того, что кажется очевидным здравому смыслу. Такой отказ характеризовал науку и прежде (вспомним, например, представления древних об иллюзорности видимого мира или обнаружение комплексных чисел в алгебре), но лишь в XX веке он привел к изменению физической картины

мироздания в целом (теория относительности, кривизна пространства, представления об обратном ходе времени, волновая и корпускулярная природа электрона, антивещество и т. п.). "Новая ситуация в современном мышлении возникает в силу того, что научная теория выходит за рамки обыденного здравого смысла", – говорит А. Уайтхед.

Наконец, последнее обстоятельство – многоголосое предупреждение о грозящей человечеству гибели, которое мы слышим со всех сторон и которое вызвано тем очевидным обстоятельством, что люди, воюя и ненавидя друг друга, создали оружие, способное разом уничтожить и ненавидящих и ненавидимых, и пролетариев всех стран и капиталистов, и коммунистов и христиан, и помещиков и батраков, и "хорошие" нации и "мерзкие", и "чистых" арийцев и "грязных" неарийцев, и "избранные" народы и "языческие" племена.

Совокупность этих факторов и заставляет посмотреть, вернее попытаться посмотреть на род людской не с позиций частных, местных, не с позиций интересов той или иной *части* людей, а с точки зрения общей – как на некоторое непонятное, но чрезвычайно активное *вещество*, обладающее некоторыми только ему присущими особенностями.

Возникает вопрос: можем ли мы при таком взгляде увидеть что-то действительное или нам по-прежнему будет доступно лишь мнимое?

Постараемся ответить на этот вопрос.

Прежде всего, люди – некоторое биологически однородное множество, состоящее из внешне очень похожих друг на друга отдельных особей. Возникли эти особи, видимо, в тот же период времени, что и класс млекопитающих в целом – именно к этому классу, как мы знаем, относится и человек разумный. Млекопитающие появились на Земле примерно 150-125 млн. лет назад; следы человека уже обнаружены во времени, отделенном от нас приблизительно тремя миллионами лет, и нет никаких оснований сомневаться в том, что будут открыты и еще более древние следы.

Биологи и антропологи много пишут о том, что в процессе утробного развития человеческий организм обнаруживает последовательное сходство с разными классами живых существ. Как известно, эти наблюдения сформулированы в виде биогенетического закона Мюллера–Геккеля, согласно ко-

торому онтогенез (развитие отдельной особи) есть быстрое и краткое, так сказать, конспективное повторение филогенеза (развития данного вида). Действительно, человеческий зародыш в утробе матери последовательно похож на многоклеточных животных, на хордовых, на рыб, на земноводных, на пресмыкающихся, на низших млекопитающих и, наконец, на человекообразных обезьян. Много сходного между людьми и животными обнаруживается и в психической организации и даже в психической деятельности.

Для нас, впрочем, не так важны конкретные детали процесса происхождения человека, как общая концепция, которую разделяют практически все ученые от Ламарка до Тейяра де Шардена: человек генетически связан с общим развитием живого мира на Земле, биологически он – часть фауны, возникшая в ходе общей эволюции жизни. Сказать что-либо точнее нам не позволяет современный уровень науки, которой еще предстоит немалый труд, прежде чем она сумеет непротиворечиво ответить на вопрос о происхождении человека.

Мы не знаем, как появился человек, но мы знаем, что он появился. И знаем также – едва появившись, он приступил к деятельности, которую мы уже вполне достоверно можем проследить в ее основных чертах на глубину в несколько тысяч лет, опираясь на материальные следы этой деятельности и на огромные запасы письменных источников.

История людей поразительна! Во всех концах земного шара человек неутомимо, одержимо трудится и действует. Лишь незначительная часть плодов его деятельности действительно необходима ему для поддержания жизни; для того, чтобы добыть себе пищу, защититься от непогоды, произвести и вырастить потомство, человеку нужно совсем немного усилий. Мы знаем сообщества других видов, например, пчел и муравьев, видим, что их жизнь тоже протекает в неустанном движении и работе, но у них каждое движение и каждый поступок функциональны, целесообразны, служат ясной и простой цели – сохранению сообщества, вида. Их отношения с природой уравновешены, представляют собой часть общей гармонии, единого и вполне саморегулирующегося механизма. И только человек, как будто, все более явственно дисгармонирует как со своей натурой, так и с окружающим его ближайшим миром нашей планеты. Ни для того, чтобы прокормиться, ни для за-

щиты от холода или дождя, ни для продолжения рода не нужны, видимо, самолеты или паровозы; не нужны предметы роскоши, телевизоры, водородные бомбы или наркотики. Никакой биологической целесообразностью не объяснить, казалось бы, бесчеловечное взаимоистребление людей с помощью войн и насилия, особенно бурно и масштабно проявившихся в наше время, в XX столетии.

Наблюдая деятельность множества особей, мы замечаем, что люди не способны жить вне общества. Только вместе, сообща они действуют и живут. И предметы роскоши, водородные бомбы и телевизоры приобретают смысл только *в обществе.*

Поэтому первый наш вывод может быть такой: жизнедеятелен в масштабах планеты не одинокий человек, а вся совокупность людей. И потому искать действительную историю мы должны не в судьбах отдельных людей, а в движении всей человеческой живой массы. В известном смысле мы можем утверждать, что человек исторически существует лишь во множественном числе – как *люди,* настолько многочисленны и тесны связи его с себе подобными. Человек в известном смысле и с некоторой точки зрения, так сказать, лишь частица живого вещества, покрывающего планету; поэтому нам интересна и важна не *личность,* а это самое живое вещество, которое называется человечеством.

Итак, действительная история для нас – это поведение, деятельность и общие судьбы всего человечества – независимо от поведения, деятельности и судеб каких-либо его частей, вроде государств, племен, народов, наций, классов, групп и выдающихся личностей.

Что же характеризует человечество в целом? Что мы можем уверенно сказать о его деятельности?

Человеческая масса на Земле действует с несомненным ускорением. Около одного миллиона лет ушло на развитие техники в эпоху нижнего и верхнего палеолита, на освоение энергии огня; примерно девять тысяч лет назад возникли общины оседлых земледельцев и пастухов, которые пользовались одомашненными животными и вели сельское хозяйство; приблизительно пять тысяч лет назад люди научились пользоваться силой ветра для движения судов; всего лишь две тысячи лет назад человечество стало пользоваться силой теку-

щей воды для движения мельниц... Примерно триста пятьдесят лет назад началось бурное развитие экспериментальной науки и техники – и с этого момента ускорение деятельности человеческой массы стало особенно очевидным; двести лет назад – начали использовать немускульную энергию (кроме энергии ветра и воды); сто тридцать лет назад – электрическую энергию; восемьдесят лет назад – энергию нефти; тридцать лет назад – атомную энергию...

Части человеческой массы сплошь и рядом тем или иным способом (или в силу тех или иных причин) не включались в процесс ускоренной жизнедеятельности. Отдельные народы оставались на уровне верхнего или даже нижнего палеолита, другие не предпринимали ничего для овладения естественными науками и "передовой" техникой, третьи старались отгородиться от мира и изолироваться, четвертые даже умудрялись двигаться "назад", теряли сельскохозяйственные навыки, возвращались к кочевому или собирательскому образу жизни. Но несмотря на неравномерное развитие частей, несмотря на особые усилия Китая, Японии, отдельных племен Азии, Африки, Океании и Америки – связи между людьми в мире непрерывно усиливались, и техническое развитие захватывало всех; сейчас на наших глазах этот процесс если еще и не завершается, то, во всяком случае, идет все интенсивнее и ускореннее.

Главным в этом движении является, несомненно, все большее и большее использование человечеством энергии, скрытой в окружающем его мире. Мы видим, что источником для всех видов энергии, которыми овладевает человечество, служит природа: растительный мир, уголь, нефть, газ, уран и т. п. Человечество неутомимо преобразует среду своего обитания, "пожирая" ее в прямом и переносном смысле слова. Примерно уже сто лет отдельные люди наблюдают очевидные последствия этой деятельности в масштабах планеты: загрязнение атмосферы, воды и суши, истребление флоры и фауны становятся предметом озабоченности многих ученых и даже политиков. Люди с возрастающим изумлением смотрят на результаты того самого "технического прогресса", которому так увлеченно поклонялись и которому не предвидели конца.

Итак, первое, что мы можем с уверенностью сказать о человечестве: оно все быстрее и быстрее раскрывает, использу-

ет, приводит в движение энергию, потенциально заключенную в нашей планете.

Это – первый и очень важный факт действительной, а не мнимой истории.

Есть и второй факт. Вещество человечества в целом чувствует себя биологически превосходно, о чем свидетельствует все возрастающая его масса, то есть все увеличивающаяся численность людей. Так, в 1650 году человечество насчитывало 545 млн. особей, в 1850 – миллиард (удвоение примерно за двести лет), в 1900 – 1608 млн, а в 1930 – два миллиарда (удвоение примерно за 80 лет), в 1950 – 2454 млн., в 1960 – три миллиарда, а 28 марта 1976 года численность достигла четырех миллиардов человеческих существ, т. е. очередное удвоение произошло за 46 лет. Конечно, на основании этих цифр мы не можем делать прогнозы – завтра рост народонаселения может неожиданно затормозиться, а то и вовсе пойти вспять. Но *сегодня* мы имеем право с уверенностью сказать, что условия для ускоренного размножения людей на Земле, несомненно, благоприятны.

Итак, второй факт человеческой истории, действительной истории, а не мнимой: людей становится все больше и больше, человеческое вещество успешно размножается, заполняет пространства Земли, начинает выбираться в космос.

Конечно, я понимаю, что выражения вроде "человеческое вещество" могут шокировать. Ведь это, как мы знаем, никакое не "вещество", а неповторимые личности, индивидуальности, с мечтами, надеждами, любовью, верой, с теплыми сердцами, со страстями и слабостями, порой с трезвым разумом и добрыми чувствами. Но никакая любовь к этим существам, к самим себе, к самому себе, никакое уважение к человеческой личности не должны мешать нам видеть только то, что действительно имеет место – это необходимо ради нас самих.

Существует и третий факт действительной истории: род человеческий неустанно и непрерывно увеличивает сумму зафиксированной информации, пополняет свою коллективную память знаниями об окружающем мире, о самом себе, творит ту особую реальность, которую мы называем искусством, предает грезам, дает волю воображению...

Этими тремя фактами и исчерпывается все, что мы можем в истории признать действительным... Остальное мы не можем измерить, не можем в нем подметить несомненно направленное изменение – во всяком случае, в глобальном масштабе.

Сходная задача – найти в истории некоторые независимые от места и времени элементы, обнаружить характерное именно для человечества – стояла и перед Арнольдом Тойнби. В уже цитированной выше книге "Изменение и привычка" (глава так и называется – "Постоянные слагаемые человеческой истории") он перечисляет те духовные черты людей, которые он считает постоянными и характерными только для человека: сознание, включая и самосознание; свобода воли, выбора – неважно, подлинная ли это свобода или кажущаяся; способность различать добро и зло ("...каждый выбор, который делает человеческое существо, в какой-то, пусть сколь угодно слабой степени, есть выбор между жизнью и добром, с одной стороны, и смертью и злом – с другой") – Тойнби считает очень важным, что в основе любого этического кодекса при *относительности* его установок лежит *абсолютная* вера в то, что добро и зло можно и нужно различать; религия, то есть вера в некую высшую силу, которая управляет человеком. Эти четыре постоянные свойства людей направлены на неизменность и непрерывность способов человеческого существования всегда и везде, но есть и такие слагаемые, которые ведут к изменениям. Среди последних Тойнби отмечает, прежде всего, любопытство, влекущее человека к новым наблюдениям и открытиям; потребности делиться достигнутым служит язык, а передача сведений о достигнутом и узнанном ведет к обучению новых поколений старыми; в процессе этого обучения передаются социальные и культурные традиции, причем для общества относительно большую важность имеет благоприобретенное, а не природное.

Нетрудно заметить, что самый известный историк нашего времени относит к постоянным слагаемым человеческой природы только то, что не поддается никакому измерению. Как, действительно, измерить сознание? свободу воли? любопытство?

Но невозможность измерить эти постоянные величины – полбеды. Беда в том, что неясно, к кому они относятся – к

человеку или обществу? Нам известны, например, не только верующие, но и атеисты; известны общества, которые не верят в высшую силу, а поклоняются вполне земным суевериям; известны люди, не проявляющие никакого любопытства к устройству мира, и общества, не ищущие открытий. Тойнби смешивает человека с совокупностью людей, часть – с целым, отдельную клеточку – со всем организмом. Свойства отдельных людей принимаются за свойства целого. Но среди индивидуумов можно найти практически любые характеры, любые типы поведения. На основе анализа каких личностей можно делать выводы об обществе? Флегматиков или истериков? умных или глупых? честолюбивых или стремящихся к безвестности? опирающихся на доводы рассудка или живущих порывами сердца? протестантов или индуистов? Увы, мы не найдем ни одной черты в характере человека, которой нельзя было бы тотчас найти и противопоставить черту противоположную. Природа словно бы позаботилась, чтобы клеточки человеческого общества находились в постоянном столкновении друг с другом, не знали бы покоя, не могли бы примириться, достигнуть единства действий. Если же такое примирение и единство действий достигается группами клеточек (в формах семьи, общины, племени, нации, государства, религии и т. д.), то эти группы вступают в столкновение и несогласия с другими группами, да и внутри них начинаются центробежные процессы, так что никакой стабильности этим группам достичь не удается.

Постоянные единицы человеческой истории, которые выделяет Тойнби, нисколько не помогают нам понять направление движения человеческой массы, не помогают предсказать будущее.

В нашей стране попытку найти в человеческой истории некоторый порядок и хоть какую-то последовательность предпринял Николай Иосифович Конрад. Он был одним из немногих более или менее благополучно уцелевших русских востоковедов (1938-1941 годы провел в концлагерях и тюрьмах, но попал в узенькую полоску предвоенной "реабилитации" и выжил) – одним из тех замечательных востоковедов, плеяда которых перед революцией озарила нашу науку и конкретными исследованиями, и усиленными поисками (в русле русского традиционного искания) ответов на общие вопросы – о

смысле истории и жизни. Тяжелые жернова репрессий, террора, травли и проработок неутомимо старались перемолоть эти драгоценные зерна национальной культуры в муку той посредственности, из которой затем можно было бы выпекать любую демагогию — и, увы, кое в чем преуспели эти жернова... Общественные науки в значительной мере превратились в служанку марксистских суеверий, заговорили каким-то странным фальшивым языком, стали вдруг видеть в истории то, чего там нет (рабовладельческую формацию, например), и не видеть того, что есть или было (например, Будда — вслед за Христом — был объявлен личностью мифической). Не избежал уплаты общей дани и Конрад. И все-таки многое ему удалось и сказать, и сделать. Он напоминал миссионера среди людоедов — глубокий и остроумный собеседник, широчайше образованный человек, он умел произвести такое впечатление, что самые кровожадные туземцы неожиданно для самих себя отказывались от употребления человечины и переключались на сырое мясо диких животных... Он был христианин — в России, замечу, ни один выдающийся писатель, художник или гуманитарный ученый *не* христианин появиться не может, это по многим глубоким причинам исключено, — делал очень много добрых дел, но веру свою не афишировал, верил *незаметно.* Завещал же похоронить себя церковно — и за это посмертно попал в немилость у властей.

В начале шестидесятых годов он написал статью "О смысле истории". Это, пожалуй, самое глубокое и значительное у нас выступление на эту тему до работ Солженицына и Шафаревича, а в подцензурной печати и вовсе единственное. Не случайно между Конрадом и Тойнби завязалась интереснейшая переписка, но этот диалог прервала смерть Конрада (говорят, его кончину ускорила мелкая травля завистников — страшная для людей его поколения и лагерного опыта).

Оставлю в стороне вопрос, насколько Конрад был убежден в справедливости марксистской концепции о схеме формаций, изложу только важнейшее в статье.

Этим важнейшим является прежде всего сама *постановка вопроса* о смысле истории, попытка "наметить философскую концепцию истории. Сделать это можно, однако, только принимая во внимание историю *всего человечества,* а не какой-либо группы народов или стран... строить концепцию истори-

ческого процесса на материале, ограниченном рамками Европы или Азии, Запада или Востока, невозможно. Материалом может быть только история всего человечества, которое именно в целом и является подлинным субъектом истории".

Смелость Конрада очевидна. Мало кто из ученых, даже обладающих очень большими познаниями, решится на такую постановку вопроса.

"При всякой попытке осмыслить исторический процесс, – пишет он, – неизбежно встает вопрос: имеет ли этот процесс вообще какой-либо смысл, имеет ли он хотя бы какую-то направленность?"

Являясь сторонником той точки зрения, что исторический процесс имеет и смысл, и направленность ("если рассматривать его в больших линиях"), Конрад устанавливает признаки такого направленного движения. Не так много этих признаков и мало что они добавляют к тому, что изложено было выше в этой главе. Это, во-первых, заселение и освоение всех земель на нашей планете, пригодных для жизни человека – так сказать, процесс расползания "человеческого вещества" вширь, захват им пространства; это, далее, трудовая деятельность людей, становящаяся все более и более интенсивной; это расширение познавательной деятельности, обращенной на природу и на общество. И вот, отметив эти черты, свидетельствующие об изменениях истории и о ее целенаправленности, Конрад задает неожиданный вопрос: "Остается только решить: что же, это и есть прогресс?"

В этом "только" много горькой иронии.

Когда-то на наших современников тяжелое впечатление произвел один эпизод, описанный очевидцем:

"Все вскочили на ноги. Раздались ликующие крики... Издавая нечленораздельные звуки, похлопывая друг друга по спине, на песке прыгали от радости ученые".

Картинка нарисована Р. Лэппом в книге "Атомы и люди".

Чему же радовались эти ученые? Почему они ликовали? Почему они плясали?

Они успешно взорвали первую в мире атомную бомбу.

Через три недели смерть плясала в Хиросиме.

Может быть, эти ученые – какие-то дикари, людоеды?

Нет, они вполне "нормальные" люди. Более того, это очень высоко образованные люди – вне всякого сомнения,

для успеха с бомбой они пользовались развитыми средствами труда, причем пользовались весьма эффективно, обладали обширными знаниями о природе...

Но их танец на песке и их нечленораздельные вопли радости по поводу того, что теперь с их помощью можно разом убить и покалечить сотни тысяч людей, тошнотворны.

Чего же им недостает, этим образованным людям, а также всем нам?

Один из этих танцоров, знаменитый физик Энрико Ферми, сам произнес нужное слово:

"Не надоедайте мне с вашими терзаниями совести! В конце концов, это – превосходная физика!"

Вот это надоедливое слово – *совесть.*

Ах, как оно путается под ногами и как мешает "прогрессу". Но:

"Совесть и позволяет не бросать надежды на будущее человечества даже в самые тяжелые времена", – написал Конрад. По его словам, именно это "удивительное свойство человеческого начала в человеке", эта "высшая этическая категория" и есть то главное, без чего невозможна надежная связь между людьми, без чего лишены всякого человеческого содержания социальные, научные и технические достижения.

И Конрад делает вывод, что прогрессивно лишь то, что сочетается с гуманизмом:

"Гуманизм является идеей, по своему общественному содержанию, может быть, важнейшей из всех великих идей, выдвинутых человечеством на протяжении многих тысячелетий его истории. Идея гуманизма – результат огромного исторического опыта в его наиболее глубоком восприятии, результат осознания человеком в процессе такого опыта самого себя, своих общественных задач. Идея гуманизма есть высшая по своей общественной значимости этическая категория. Она всегда была высшим критерием настоящего человеческого прогресса".

Важно, что Конрад понимает гуманизм не в противопоставлении "человеческий разум против божественной воли", а в смысле любви к человеку, то есть в соответствии с евангельской проповедью любви.

Стало быть, именно то, насколько развита в обществе взаимная любовь людей, и служит показателем прогресса.

Конрад не пишет о путях и судьбах такого гуманизма. Он только замечает, что на протяжении всей истории человечества мы видим не только устремления к взаимной любви, но и мечты об идеале.

В полном соответствии с традициями русской мысли Конрад ставит вопрос об отношении человека к природе:

"Если видеть в гуманизме то великое начало человеческой деятельности, которое вело человека до сих пор по пути прогресса, то остается только сказать: наша задача в этой области сейчас — во включении природы не просто в сферу человеческой жизни, но в сферу гуманизма, иначе говоря, в самой решительной гуманизации всей науки о природе. Без этого наша власть над силами природы станет нашим проклятием: она выхолостит из человека его человеческое начало".

Да, вне развития нравственного начала никакого прогресса нет и быть не может; поэтому ни уровнем достигнутого благосостояния, ни уровнем технического развития, ни уровнем вооруженности "прогрессивность" того или иного общества не измерить — единственной мерой может служить только уровень нравственности в этом обществе.

Но тут-то мы и становимся в тупик: оказывается, очень трудно найти основания, с помощью которых одно общество мы можем назвать более нравственным, чем другое; хуже того — очень, казалось бы, нравственное общество, убивавшее и мучившее мало своих членов, начинает убивать и мучить много, и нет никаких гарантий, что такая деградация не постигнет любое общество. Гуманизм, нравственность должны бы служить надежным показателем прогресса, но — не служат...

Пытаясь найти в истории действительные элементы, блестящую идею выдвинул Тейяр де Шарден в книге "Феномен человека". Он считает, что весь мир с момента своего появления развивается от низших уровней сознания к высшим, что впереди вселенную ждет некая ослепительная вершина — предел развития сознания, некая высшая, уже надчеловеческая точка зрелости. Он отмечает следующий "очевидный факт":

"Изменение биологического состояния, приведшее к пробуждению мысли, не просто соответствует критической точке, пройденной индивидом или даже видом. Будучи более обширным, это изменение затрагивает саму жизнь в ее органической

целостности и, следовательно, оно знаменует собой трансформацию, затрагивающую состояние всей планеты".

Что же означает это событие невероятной важности – появление человека? Каково будущее человечества? Можно ли это будущее предсказать, опираясь на идею Тейяра де Шардена?

Вот что он пишет, отвечая на эти вопросы, о смысле истории:

"Вследствие случайной конфигурации континентов на Земле имеются районы, более благоприятные для объединения и смешения рас – обширные архипелаги, узкие перешейки, широкие, пригодные для обработки равнины, особенно орошаемые какой-нибудь крупной рекой. В этих-то привилегированных местах, естественно, и стремилась с начала оседлой жизни сосредоточиться, смешаться и накалиться человеческая масса. ...Более или менее выделяются в прошлом пять таких очагов: Центральная Америка с цивилизацией майя; Южные моря с полинезийской цивилизацией; бассейн Желтой реки с китайской цивилизацией; долины Ганга и Инда с цивилизацией Индии; наконец, Нил и Месопотамия с Египтом и Шумером. Эти очаги появились (за исключением двух первых, гораздо более поздних), по-видимому, почти в одну и ту же эпоху. Но они в значительной степени развиваются независимо друг от друга, и каждый из них словно стремится распространить и расширить свое влияние, как будто он один должен поглотить и преобразовать землю.

Поистине, не во встрече ли, конфликте и в конечном счете постепенной гармонизации этих великих сомато-психических потоков состоит сущность истории?"

Замечу с грустью, что встреча произошла, конфликт – налицо, а вот гармонизации даже и постепенной пока не видать и ничто на такую гармонизацию не указывает... Но Тейяр де Шарден верит в историю и отводит особую роль Западу:

"В этой пылающей зоне роста и всеобъемлющей переплавки все, что ныне составляет человека, было найдено или по крайней мере должно было быть вновь найдено. ...от одного края света до другого все народы, чтобы стать человечными или стать таковыми еще больше, ставят перед собой упования и проблемы современной Земли в тех же самых терминах, в которых их сумел сформулировать Запад".

Увы, нигде не видно что-то народов, которые стремились бы на деле "остаться человечными" или "стать таковыми еще больше"; не видно и народов, которые бы "ставили перед собой упования и надежды" и осуществляли их хоть сколько-нибудь удовлетворительно перед лицом этической критики.

Совпадая во многом с Конрадом, Шарден считает наше время особенно значительным, упорно видит в истории некие существенные для его концепции перемены: экономические (собственность стала безличной, богатство наций не совпадает с их границами), в промышленности (до XVIII века был известен лишь один вид химической энергии – огонь, и лишь один вид механической – "мускулы людей и животных, умноженные в машине", а с тех пор какие перемены!) и изменения социальные (пробуждение масс).

Действительно, мы видим изменения в промышленности, точнее, изменения в качестве и количестве потребляемой людьми энергии; остальное же либо спорно, либо просто непонятно – что значит, например, пробуждение масс?

Шарден пишет о преобразующей деятельности человека – и эти его историко-философские взгляды нам особенно важны:

"После долгого вызревания, скрытого кажущейся неизменностью земледельческих веков, наконец пришел час нового изменения состояния, который отмечен неизбежными муками".

Это "изменение состояния" выражается в преобразовании человеком ноосферы:

"Земля, дымящаяся заводами. Земля, трепещущая делами. Земля, вибрирующая сотнями новых радиаций. Этот великий организм в конечном счете живет лишь для новой души и благодаря ей. Под изменением эры – изменение мысли".

В чем же он видит изменение мысли?

В том, что люди поняли "необратимую взаимосвязь всего существующего"; в том, что время и пространство органически слились, соединились; в том, что отдельные люди вопреки мнению других постигли идею эволюции – этого света, озаряющего все факты, этой кривой, в которой должны сомкнуться все линии; в том, что люди оказались способными "видеть не только в пространстве, не только во времени, но и в длительности".

О чем же свидетельствует это изменение?

Об очень и очень важном – прежде всего, о том, что человек открыл, что он, человек, есть *"не что иное, как эволюция, осознавшая саму себя"*.

Шарден, наблюдая пристально историю рода человеческого, стремится показать читателю его книги, что люди вовлечены в космический жизненный поток не только материальной стороной их организмов, не только биологически, что человеческое сознание, разум, душа – тоже результат длительного эволюционного процесса всего космоса. *"Социальный феномен – кульминация, а не ослабление биологического феномена"*, – подчеркивает он и пишет:

"Мы чувствуем, как через нас проходит волна, которая образовалась не в нас самих. Она пришла к нам издалека, одновременно со светом первых звезд. Она добралась до нас, сотворив все на своем пути. Дух поисков и завоеваний – это постоянная душа эволюции".

Шарден был одним из первых, кто распространил идею эволюции на мир сознания, кто поместил человека в общий ход развития самопознающей природы. Но он невольно поставил "человека сознательного" в *центр* эволюции, в вершине ее. Именно так и должно казаться каждому, кто осмысляет место человека в мире, будучи не в силах полностью освободиться от самого себя и от восхищения собой и себе подобными. Предпочтение, которое оказывает Шарден роду человеческому, особенно заметно там, где он точнее всего и острее формулирует свою мысль, например, в следующем рассуждении:

"В общем, чем больше живое существо выступает из анонимных масс благодаря собственному сиянию своего сознания, тем больше становится доля его активности, передаваемая и сохраняемая путем воспитания и подражания. С этой точки зрения человек представляет собой лишь крайний случай преобразований. Наследственность, перенесенная человеком в мыслящий слой Земли, оставаясь у индивида зародышевой (или хромосомной), переносит свой жизненный центр в мыслящий, коллективный и постоянный организм, где филогенез смешивается с онтогенезом. От цепи клеток она переходит в опоясывающие Землю пласты ноосферы".

Шарден делает из этого важнейший для меня вывод: эволюция обретает в человеке свое самосознание. И тут же –

именно из-за антропоцентризма! — сбивается, утрачивает логику и заявляет, что человечество держит эволюцию в руках и, тем самым, эволюция может либо продолжать себя, либо отвергнуть — это зависит от воли людей. Если бы это было так, то — согласно той же идее постепенного возрастания сознания — эволюция все более овладевала бы этой возможностью управлять сама собой и мы видели бы следы этого процесса в истории; однако ничего такого мы в истории не наблюдаем...

Естественно, что будущее человечества Шарден видит во все большем развитии сознания, в появлении сверхличности, в достижении в конечном счете высшей точки развития — некой точки омеги, последней, где происходит слияние человека с Богом, торжество действенной любви, причем Шарден допускает, что этого может не произойти по вине человека.

Тойнби, Конрад, Шарден. Три наших современника, англичанин, русский и француз, сторонники разных оттенков христианства — протестант, православный и католик... Каждый из них шел своим особым жизненным путем, но все они пришли к очень близким идеям. Не хватает какого-то совсем небольшого усилия, чтобы увидеть сквозь пелену мнимостей действительный ход истории.

3.

"СВОБОДА ВОЛИ"

Теоретически предполагается, что человек всегда свободен сделать или не сделать тот или иной поступок, свободен согрешить или отступить от греха, свободен сознательно выбрать между добром и злом. Предполагается также, что человек всегда может обратиться к своей совести и получить от нее ответ, хорошо он поступил или плохо.

Так оно в подавляющем большинстве случаев и есть, хотя чаще люди выбирают зло, забывают о совести или настолько запутываются в жизни и в самих себе, что не в состоянии отличить плохое от хорошего.

Вопрос о свободе воли особенно важен для христианства — ведь если бы человек не был свободен в своем повелении, то ответственность за страдания, кровь и преступления легла

бы на плечи Господа Бога и вместо высшего существа, сострадающего нам и исполненного к нам любви, оставалось бы верить в какого-то бессердечного экспериментатора, для которого мучения и горе людей, происходящие по его воле, просто забава, что ли. Но и оставляя в стороне религиозные проблемы, мы знаем из опыта, что каждый человек *может* выбрать между хорошим и дурным поступком, что человеческая воля безгранична, о чем свидетельствуют пусть не очень частые, зато драгоценные примеры самопожертвования, стойкости и бесстрашия отдельных людей. Восхищаясь, однако, этими примерами, большинство не находит в себе сил твердо выбрать добро, а с легкостью грешит: врет, ворует, нарушает клятвы, убивает, подличает, лицемерит... Создается впечатление, что на свободу воли что-то постоянно и мощно воздействует, что-то облегчает человеку выбор зла и затрудняет выбор добра. И это воздействие приводит к такой деформации, что под сомнением оказывается даже сама эта свобода воли. Да бросьте, хочется сказать порой теоретикам последней, какая тут свобода воли, какой тут выбор, когда человек всего-навсего игрушка в руках неведомых сил, делающих с ним что угодно! Приходится делать странный вывод, что в человеке присутствует одновременно свобода воли и ее несвобода...

Обнаружить эту несвободу очень нетрудно – какую бы силу воли ни прилагал человек, какой бы ясный выбор ни делал, он не может избежать физической смерти, не может личным усилием избрать жизнь и отвергнуть смерть.

Физическая смерть – вот что ставит под сомнение свободу человеческой воли. Человек может творить добро, может делать зло, может выбрать насилие над другими или ненасилие, но рано или поздно без его ведома и без его согласия над ним будет произведено окончательное насилие и он будет убит неизвестно за что и почему – он умрет и превратится в прах. Сам человек такого исхода не выбирал – за редчайшими исключениями. И он вынужден признать, что обреченность его на смерть – результат действия неких неподвластных ему законов бытия...

Вспомним третью антиномию Канта. Тезис: мы должны предположить существование свободы, так как явления мира невозможно объяснить только законами природы... Антитезис: никакой свободы нет, а все происходит в мире только по

законам природы. Оба эти положения человеческий разум в состоянии доказать строго последовательно, но разрешить это противоречие разум не в силах. Мы знаем, что Кант вышел из положения, разделив постигаемый мир на "вещи в себе" и "явления" – для первых справедлив тезис о свободной причинности, для вторых – о законной. "Доказательством потребности разума в ряду естественных причин предполагать первое свободное начало, – писал Кант, – может служить и тот факт, что все древние философы (за исключением эпикурейцев) для объяснения движения мира предполагали *первого движителя,* то есть действующую причину, которая начала ряд состояний. В одной природе, казалось им, нельзя найти достаточного объяснения этого первого начала".

Развивая эту мысль, Кант делает несколько замечаний, очень важных для нашей темы. Свобода, считал он, как независимость от законов природы, это не только освобождение от гнета, но и от всяких общепризнанных правил. Это словечко "гнет", это понимание угнетенности человека законами природы существенно и близко напоминает уже цитированные идеи Федорова. По мнению Канта, в случае, если мы принимаем реальность явлений, мы должны неизбежно отрицать свободу – примирить между собой мир природы и свободу в этом случае решительно невозможно. Под свободой Кант понимал любой независимый акт, не обусловленный никаким законом природы, спонтанный, как бы мы сказали, самопроизвольный.

Выходит, что законы природы убивают не только отдельного человека, они убивают и самую возможность свободы.

Мы не знаем причины смертности человека. Точнее сказать, мы знаем великое множество причин насильственной смерти, но почему человек стареет, изнашивается и в конце концов перестает жить – этого мы не знаем.

Смерть – вот что деформирует свободу воли у живущих на земле, вот что лишает их выбора, вот что вырывает отдельных людей из слоя человеческого вещества, разлитого по планете, и способствует постоянному обновлению состава этого слоя.

Попробуем представить себе, что человек не был бы смертным. Нетрудно понять, что весь мир его стал бы иным. Прежде всего, исчезли бы страхи – страхи смерти, старости,

болезней, голода... Изменились бы и цели человека, и его представления о ценностях. Вот тогда, когда человек сам волен был бы выбирать жизнь или смерть – и только тогда! – мы могли бы говорить о свободе воли.

Сейчас же свобода эта отсутствует в решающем вопросе – вопросе о жизни и смерти.

Отсутствует для отдельного человека. Но, может быть, она есть у человеческого вещества в целом?..

4.
ТРЕТЬЕ ОТНОШЕНИЕ

Вспомним, какими же *надежными* сведениями о человеческой живой массе располагал бы наблюдатель, глядящий на нее со стороны в течение примерно трех-четырех тысяч лет?

Прежде всего, он обнаружил бы, что частицы, составляющие это вещество, находятся в непрерывном, по-видимому, беспорядочном движении, в результате которого на поверхности вещества возникают самые неожиданные и причудливые узоры. Он заметил бы, что каждая частица способна ставить перед собой кратковременные цели, стремиться к их достижению, что ее движение выглядит целенаправленным и осмысленным, хотя, как правило, и непрямым: она стремится добыть себе пропитание, оставить после себя потомство, что-то построить или разрушить, как-то выделиться, отличиться от других. Он увидел бы, что цель почти любой частицы может иметь "пару", противоположную по содержанию – один может стремиться родить, другой – убить, один любить, другой – ненавидеть, один разбогатеть, другой – избавиться от богатства, один властвовать, другой – подчиниться...

Далее, посторонний наблюдатель без труда установил бы, что при всей случайности, беспорядочности и противоречивости движения частиц, при всей непредсказуемости их метаний между полярными противоположностями (внутри, как теперь принято говорить, "бинарных оппозиций"), при бесконечном разнообразии их объединения в маленькие, большие и гигантские группы, *вещество в целом действует строго последовательно* – оно увеличивает свою массу, оно со все возрастающей скоростью вызывает превращения окружающего его

менее подвижного вещества в иное состояние – из стабильного в нестабильное, из спокойного в возбужденное, из холодного в горячее; оно непрерывно потребляет все большие и большие количества энергии.

Человеческое вещество на нашей планете все больше и больше саморазогревается.

Этот процесс был бы для постороннего наблюдателя нагляден и очевиден, прост и легко измерим.

Слабое пламя костра, едва способное осветить ночную лесную поляну, площадку перед пещерой, вырвать из мрака клочок поверхности реки, сменилось взрывами сверхмощных водородных бомб, затмевающих солнце.

Нельзя не удивляться пророческой глубине трагического мифа о терзаниях Прометея, похитившего у богов огонь и обреченного за это на бесконечное страдание!

От факела в руке нашего предка, от скорчившихся над костром примитивов – до рубильника в руке ученого, до склонившихся над приборами и расчетами любителей "превосходной физики" расстояние во времени, возможно, значительно больше, чем от водородной бомбы, способной уничтожить человеческое вещество, до того уровня энергии, которое в состоянии преобразовать весь видимый мир.

Преобразовать? Во что?

Может быть, в сверхзвезду.

Или в кучу космической пыли.

Или в нечто, совершенно нам неведомое.

Наблюдая эту деятельность человечества, этот постоянный его саморазгон, антиэнтропическую направленность его работы, можно прийти к выводу, что человеческое вещество действует как одна из слепых космических сил, действует закономерно и целесообразно, причем законы и характер этого действия принципиально ничем не отличаются от законов и характера любых других природных сил: гравитации, сохранения энергии или, скажем, небесной механики.

Свободы воли это вещество человеческое, очевидно, не имеет. Но имеет ли его деятельность конец?

Похоже, что имеет...

В отличие от тех космических процессов, которые подвержены действию энтропии, деятельность человеческого вещества происходит с нарастанием результативности, с заметным ускорением.

Возможно, у деятельности человечества есть конец. Но этот конец едва ли будет тихой и постепенной смертью, как тихо и постепенно гаснет звезда, как постепенно и незаметно растворяется соль в воде. Возрастающая активность мыслящей космической силы, все большие величины освобождаемой ею энергии наводят на мысль, что конец человечества может совпасть с некоторым космическим событием, причем событием таким по характеру и масштабу, которое не может произойти иначе, чем с помощью природного вещества, способного к самопознанию, к пониманию себя одновременно и как деятеля, и как зрителя.

Не исключено, что человечество призвано преобразовать весь известный нам мир, ту вселенную, которая, по нынешним представлениям, имеет начало (примерно 10-15 млрд. лет назад) и в которой есть константа, раздражающая здравый смысл, – скорость света (300 тыс. км в секунду). Не возникла ли наша вселенная в результате деятельности некоего иного мыслящего вещества, прекратившего свое участие в космических преобразованиях одновременно с рождением нашего мира? Это неплохо согласовывалось бы с религиозными ветхозаветными представлениями.

Как бы там ни было, но смерть человечества явится космическим событием – и это будет, как мне кажется, *гибель* человечества, а не медленное его увядание, это будет катастрофа, катаклизм, потрясение.

Смертно все живое, смертен человек, смертно и человечество.

У нас нет ни малейшего основания противопоставлять человечество и природу. Никому не приходит в голову противопоставлять, скажем, солнце и природу, магнитное поле и природу, космические лучи и природу и т. п.: всем ясно, что солнце, магнитное поле, космические лучи и т. п. – это и есть природа. Остается добавить к этому ряду и человечество. Дело не только в том, что человек (частица человеческого вещества) – организм, составленный из тех же элементов, что и все на свете: химических, физических, биологических; и не в том, что человек смертен, что после кончины распадается его телесная организация, части которой возвращаются в неорганический мир. Суть вопроса в том, что человечество – как физически, так и духовно – родилось в природе в виде ее своеоб-

разной (но не более своеобразной, чем, скажем, сила притяжения!) части, родилось в силу стечения определенных законов движения вселенной, существует в силу того же стечения законов и производит работу, вписанную в общую систему движения вселенной – освобождает энергию, скрытую в окружающем мире и неспособную ”освободиться” иным путем.

Противоположение человечества природе должно быть отброшено – люди представляют собой лишь функцию природы, ее орган, ее силу, ее рабочего и раба.

Увидев семена цветка, мы узнаем, из чего этот цветок вырос.

Человечество нам станет понятно лишь тогда, когда мы обнаружим, какие семена сулит нам его деятельность.

Мы знаем, что изучение человечества и его истории ведется в двух основных аспектах. Во-первых, исследовались взаимоотношения между людьми (между отдельными личностями, группами, объединениями, обществами, государствами и т. п.), то есть те связи, которые скрепляют отдельные частицы человеческого вещества. Во-вторых, рассматривалось отношение людей к природе – как люди познавали и ”покоряли” ее, добывая себе средства существования.

Но при таком подходе теряется нечто важнейшее. Изучение только двух отношений (”человек – человек” и ”человек – природа”), очевидно, неполно и недостаточно.

Какая же связь пропущена, чего недостает?

Пропущено третье отношение – отношение не человека к человеку (первое и самое повседневное), не людей к природе (второе и легко заметное, поскольку точкой отсчета берется человек), а *отношение природы к людям,* отношение, в котором субъектом является вселенная, а человечество – всего лишь объектом, функцией, производной природы. Иными словами, природа, породив из своей структуры, из ее недр мыслящее вещество, способное воспроизводить в воображении окружающий мир и само себя, самим фактом рождения в структуре, в системе – определила функциональность этого вещества, его место в общем механизме мироздания.

Отношение ”человек – человек” равноправно в обеих частях; это отношение частицы (или группы частиц) человеческого вещества к другой частице или группе.

Отношение "человек – природа" есть отношение такой частицы (или общей суммы частиц) к окружающему миру, как оно видится с позиции наблюдателя, помещенного там, где находится частица (или частицы).

Отношение "природа – человек" не только меняет позицию наблюдателя на противоположную, но и снимает всякое противопоставление входящих в него членов – это отношение дерева к листу, моря к волне, глаза к зрачку, галактики к звезде...

Это третье отношение, в котором проявляется неотъемлемость человечества от природы, объектность, функциональность его.

Целесообразный инструмент природы, необходимая часть ее структуры, ее механизма, – люди так же невластны в своей общей судьбе, как и неживая природа. Они движутся к своему неизбежному концу, движутся неутомимо, и не исключено, что пространственно-временной континуум – лишь доступная им мера движения. Они рабочие и рабы природы – как сила тяготения, как внутризвездные процессы, как магнитные поля, – не в результате "сознательного" акта природы они таковы, а потому, что они – органическая часть структуры мироздания.

В природе ничто не возникает без причины или "из ничего". Не является случайностью и появление жизни вообще и человека в частности. Косвенным доказательством закономерности появления жизни (в ее низших и высших формах) является отсутствие резких границ между неживой материей и живой, между бессознательными тварями и сознательными. Мы испытываем, в частности, большие трудности, пытаясь определить, что именно характеризует только людей, что присуще *только* им (мы находим у животных *в принципе* и разумность, и изготовление орудий, и пользование языками /знаковыми системами/, и социумы, и сострадание; пожалуй, наиболее существенное отличие человека состоит в том, что он знает о бессмертии и *может его достичь*). То же отсутствие четких границ наблюдается в природе в целом между разными формами существования материи и энергии. Другим косвенным доказательством неслучайности появления человеческого вещества может служить та постоянная связь всего сущего, которая должна пронизывать весь известный нам мир,

соединяя его в движущуюся структуру; поэтому любое изменение любого элемента структуры должно приводить к некоторой перестройке *всей* структуры, хотя эта перестройка может выражаться как значительной, так и сколь угодно малой величиной. Мы знаем из опыта, какое заметное воздействие оказывает деятельность человека на нашу планету, изменяя ее флору, фауну, состав воздуха, а также, вероятно, воздействуя на электрические, магнитные и прочие невидимые поля. Трудно предположить, что люди появились вопреки действующим структурным связям или вне их действия. Против случайности и отъединенности людей говорит и тот факт, что человеческое вещество в своем устройстве повторяет принципы космической организации, что социумы представляют собой отпечатки тех как бы узоров, орнаментов, по которым организован биокосмический мир. Общество на земле *копирует* природу во всем — так сказать, от политики до поэтики.

Рассмотрение третьего отношения помогает нам более или менее точно определить общую направленность человеческого пути - мы можем предсказать с достаточной уверенностью, что процесс освобождения энергии, процесс "саморазогрева" человечества будет продолжаться; что все, с этим процессом связанное, будет торжествовать, а все, постороннее этому процессу или, более того, направленное против него, будет подавляться, истребляться, сходить со сцены, терпеть поражения.

А разве в организме отдельного человека не торжествуют процессы, направленные к смерти?..

Свою деятельность в структуре природы, свое рабство (если хотите, его можно назвать гармонией) у природы человечество не может прекратить — оно не может перестать быть самим собой.

Однако механизм третьего отношения не работал бы, если бы несвобода человеческого вещества в целом не была замаскирована свободой составляющих его частиц — отдельный человек только тогда ощущает свою свободу, когда его деятельность или поведение вливаются в природную целесообразность бытия. Только тогда человек является самим собой, то есть таким, каким его создала природа, только тогда он совершенно свободен и только тогда он полностью раб.

Что значит для отдельного человека свобода? Это значит – поступать так, как он хочет, по своей воле.

А чего хочет человек?

На свете нет каталога человеческих желаний и не будет – ни один каталог не вместит всего обилия и разнообразия страстей: мощных и слабых, устойчивых и беглых, тривиальных и редкостных, естественных и извращенных. Идея "каждому по потребности" нелепа – никакое общество никогда не сможет удовлетворить потребности каждого своего члена: очевидно, что пришлось бы создать какой-то регулирующий потребности бюрократический аппарат; этот аппарат решал бы, какая потребность достойна удовлетворения, а какая является капризом и удовлетворяться не должна; нет сомнения, что этот аппарат принялся бы удовлетворять в первую голову потребности (и капризы) свои и своих близких, друзей и знакомых... Каждая человеческая личность имеет желания – и желания меняющиеся. Можно их, конечно, попытаться классифицировать, объединить в группы: желания пить, есть, любить, властвовать, иметь и т. д. Последним классом будет раздел под названием "разное" – в него попадут именно те желания и страсти, которые наиболее своеобразны и потому глубже характеризуют личность желающего.

Способность хотеть, причем хотеть отнюдь не всегда того, что необходимо для жизни, – особенно важная черта каждой частицы человеческого вещества. Будда был прав, когда видел первопричину страдания в желаниях – добавим, страдания как сущности процесса бытия, как сущности земной жизни, существования.

Как же разнообразие индивидуальных желаний и вызванное им беспорядочное действие одиночек приводит к целенаправленной деятельности всего человечества? Каким образом из "броуновского" движения частиц человеческого вещества получается закономерный процесс движения целого? Иными словами, *как* третье отношение прокладывает себе путь сквозь хаос личных устремлений?

Непрерывный саморазогрев человечества требует высокой активности составляющих его частиц, а такая активность может быть достигнута лишь в условиях свободы частиц – свободы хотеть и стремиться. На уровне отдельного человеческого существа достаточно иметь заряд воли, чтобы пробу-

дить это существо к активности, толкнуть его к действию.

И какие замечательные образцы воли, энергии, деятельности отдельного человека находим мы в истории! Великие мыслители, ученые, поэты, мореплаватели, полководцы, тираны, святые, изобретатели, пророки... Одержимые единой страстью, подчинившие ей все свои поступки – кто эти одиночки? Мы говорим "гении", "таланты", "одаренные" (гений и злодейство несовместны, но, увы, есть гении злодейства), "выдающиеся", но во всех этих словах смысл один – такими они родились, эти обладатели целеустремленной воли, объекты поклонения, зависти и подражания.

Объекты поклонения, зависти и подражания? Значит?..

Да, это значит, что каждая личность становится выдающейся не сама по себе, а лишь в глазах других людей, путем воздействия на них. Активность частицы происходит в веществе – и возбуждает вещество. Мыслитель увлекает смелостью идей, ученый раскрывает тайны феноменального бытия, поэт восхищает и учит языку, мореплаватель делает доступными дальние страны, полководец ведет толпы на взаимное истребление, тиран подавляет всех, навязывая свою волю массе, святой заставляет души тосковать и каяться, изобретатель облегчает связи между людьми, пророк будит совесть...

Активность отдельных личностей приводит в движение весь состав человечества – и вступает в действие первое отношение, отношение "человек-человек".

Люди объединяются в группы для достижения общих целей. Очень существенно, что ни биологически, ни духовно человек не в состоянии жить в одиночку. Он не сможет в одиночестве вырасти нормальным существом – перед нами будет (если даже уцелеет) не человек, а непонятная тварь, уже неспособная обучиться языку и воспринять то, что, видимо, не передается с генами – опыт, накопленный другими. Человек может жить и трудиться только в текстуре взаимоотношений с себе подобными, только соединяясь с другими людьми.

Микрообъединение людей – семья, для продолжения рода, для установления важнейших связей, связей между полами и между детьми и родителями.

Но семья не поглощает всей энергии людей, не удовлетворяет всех их желаний. Внутри человеческого вещества стягиваются все более крупные объединения, сгущаются – проис-

ходит процесс своего рода коагуляции. Человечество соединяется в шарики-семьи, в поселения – от маленьких деревушек до городов-гигантов, в общества – от любителей египетского искусства до громадных партий, в племена, нации, религиозные общины, ассоциации, группы, страны, союзы стран... Спектр деятельности этих объединений широк и разнообразен, но в результате нечто производится, по крайней мере – происходит. Для объединения людей нужна связь – и мы видим, как быстро развиваются средства связи, средства информации, покрывающие всю землю.

В любом объединении людей устанавливаются отношения господства и подчинения, появляются управляющие и управляемые. В семье господствуют более энергичные члены, родители господствуют над детьми. В обществах главенствуют те, кто обладает особыми качествами, необходимыми для главенства. В свободно образовавшихся и случайных компаниях и то выдвигаются лидеры – по крайней мере, мнений.

Во многих социумах складываются группы не для достижения целей, общих для всех членов социума, а ради удовлетворения интересов только объединившихся. В таких случаях могут появиться такие социумы, как фашистская Германия, сталинистская Россия, маоистский Китай, где сплотившаяся *часть* общества, преследуя свои цели, бесконтрольно управляет всем обществом. В таких социумах особенно ясно видно, что вопрос о власти сводится к вопросу о том, в чьих руках находятся средства связи – телевидение, пресса, книги, радио, телефон, телеграф, почта, кино, театр, издательства, школы, церковь... Управляющие всеми доступными им способами прерывают прямые связи между людьми, вторгаются во все их взаимоотношения, стремятся стать всеобщим посредником. Запрет налагается на любые виды общения – от чтения свободно выбранных книг, неконтролируемых разговоров по телефону до публичного высказывания своих точек зрения или браков с иностранцами... Похоже, что источником движения, в котором находится человечество, служат *различия* между людьми.

Иногда говорят, что человек по природе своей – отвратительное существо, способное лишь либо гнуть, либо гнуться.

Не будем торопиться с приговором, присмотримся пристальнее.

Все объединяются для достижения своих целей, но у всех цели – свои, а не общие. И начинаются столкновения на пути к достижению целей. Этот хочет, чтобы тот слушался его, а тот хочет, чтобы этот слушался его. Простейшее, мельчайшее и наиболее частое противоречие – а с него все и начинается. Шарики-объединения находятся в постоянном столкновении, в борьбе, они сливаются, укрупняясь, и дробятся, мельчая, нападают друг на друга, мирятся – словом, двигаются, работают. Для поддержания жизни, для удовлетворения желаний своих членов (всех или руководителей), для борьбы с другими сообществами объединениям нужны средства – как материальные, так и духовные. Эти средства они сообща и производят...

Вступает в действие и второе отношение – отношение человека к природе. Люди, объединившиеся в группы, черпают из природы средства существования, борьбы и удовлетворения бесчисленных желаний. И для производства этих средств нуждаются во все больших и больших количествах энергии. И добывают энергию.

Откуда? Из мертвого, медленно остывающего (второй закон термодинамики) мира – и оживляют, разогревают среду, в которой действуют...

На сцену выступает третье отношение.

Вот так – от желаний отдельного человека к желаниям групп людей, от желаний групп к "саморазогреву" природы – прокладывает себе путь космическое в земном, вселенная в своей крупице, универсальное в индивидуальном.

Таким представляется механизм третьего отношения, и вот почему без "свободы воли" отдельного человека, видимо, не получилось бы космическое рабство человечества. Без пестроты индивидуальных желаний и движений, без несхожести отдельных людей третье отношение вообще не могло бы реализоваться.

Ограничьте желания личности, сведите их к некоторому минимуму – и на земле воцарится покой; правда, покой этот будет похож на затухающий костер, правда, он будет похож на покой летаргического сна, анабиоза, паралича, правда, долго этого покоя люди могут не выдержать, начнутся бунты, восстания, безумства...

Покой такой надолго едва ли возможен – слишком явно он противоречит природе человека, его стремлению к бессмертию...

5.

ОСЛЕПИТЕЛЬНЫЕ ГОРИЗОНТЫ ЗОЛОТОГО ВЕКА

Рабство человека скрыто свободой.

Чувство свободы, гармонии возникает тогда, когда человек отдается целесообразности бытия, когда он осуществляет предназначение, заложенное в его сущности.

А как же абсолютная свобода для всех? Совершенное счастье для всех?

Мечта о такой свободе возникла едва ли не с возникновением людей. От первых дней культуры и до нашего времени, всегда и повсюду все народы мира мечтали о совершенном устройстве общества, о стране обетованной, о рае, об абсолютной свободе, о "золотом веке", который уже был и который еще будет.

На глиняной дощечке примерно четыре тысячи лет назад шумеры написали такие, например, строчки:

В стародавние времена не было змей, не было скорпионов,
Не было гиен и не было львов,
Не было ни диких собак, ни волков,
Не было ни страха, ни ужаса,
Человек не имел врагов.
В стародавние времена земли Шубур и Хамази,
Многоязычный Шумер, великая земля божественных законов владычества,
Ури, земля во всем изобильная,
Марту, земля отдыхающая в мире,
Вся вселенная, все народы в полном согласии
Прославляли Энлиля на одном языке.

Говорят, что этот отрывок – древнейшая запись мифа о золотом веке.

Около трех тысяч лет назад древние китайцы пели:

О, земля радости, земля радости!

И повторяли:

О, страна радости!..
О, селения радости!..

А позднее они мечтали об идеальной жизни:

"Маленькая страна, немногочисленный народ! Там будет множество инструментов, а пользоваться ими не будут. Там будут ценить возможность жить до самой смерти, не уходя далеко! Хотя будут там лодки для езды, но ездить на них не будут; хотя будут там ратные люди, но в военный строй их ставить не будут! Там люди снова станут вязать узелки на веревках вместо письменных знаков и пользоваться этими узелками. Там вкусной будет еда у людей, прекрасной их одежда, мирными их жилища, радостными их обычаи. Соседние страны будут видны, даже крики петухов и лай собак будут слышны, но люди до старости и смерти не будут ходить к соседям!"

Хорошо известен древний библейский рассказ о рае, о его утрате и о предстоящем возвращении туда праведников.

Не следует думать, что люди, жившие четыре (сорок, четыреста...) тысячи лет назад, были глупее нас с вами, не знали "науки" или не могли понять того, что понимаем мы. Нет, они всего лишь выражались на другом языке, но говорили они о том же, о чем мы с вами говорим, и среди них встречались и глупые – как те глупые, что встречаются и сейчас, и умные, которые были не глупее наших умных. Поэтому, сталкиваясь со столь повсеместными и дружными мечтами о золотом веке, мы должны отдавать себе отчет в том, что за этими мечтами стоит некоторая реальность, которую мы можем "вскрыть", то есть описать на нашем языке, с помощью наших понятий.

Напомню, что эта мечта обладала и обладает поразительной силой воздействия на человека. На любые жертвы и подвиги способны люди во имя этой мечты – мечты о том, чего никто никогда не видел, не трогал, не осязал, о чем нет ника-

ких свидетельств очевидцев, существование чего не подтверждено никакими документами...

Эдем, Атлантида, Эльдорадо, Березовград – кто в них побывал?

Никто.

А утописты? Все эти страшные картины "идеального" общественного устройства демиургов-самозванцев, начинавших с мечты о полной свободе и кончавших рабством, наиполнейшим рабством, как Шигалев у Достоевского, но так волновавшие и волнующие миллионы сердец? Многое объясняет И. Р. Шафаревич в своей книге о социализме... В частности, он верно заметил, что идеи "золотого века" (социализма) воздействуют на людей иррационально – провалившиеся безнадежно и в теории (не подтвердились), и на практике (обернулись не общим счастьем, а всеобщим несчастьем – кровавой деспотией, окоченением, безнравственностью, серой скукой восторжествовавшей посредственности), эти идеи, *нигде* не принесшие ничего хорошего, живы и привлекают все новых и новых сторонников. Не потому ли это так, что в эти идеи включена мечта – мечта о совершенном социальном устройстве, об абсолютно счастливом мире?..

В чем же тайна могучей силы этой мечты? В чем секрет безграничной власти ее над душами людей? Почему и одиночки, и целые народы готовы сдвинуться с места и устремиться неудержимо в погоню за неведомым, невиданным, неслыханным и нигде никогда не приводившим к счастью? Чем так манит эта вековечная мечта, что народы и люди утрачивают чувство самосохранения, устремляясь на ее зов?

Мы видим ее присутствие во всех великих умственных, духовных и революционных событиях. Она – постоянный и верный спутник человечества, его тень.

Солженицын удивляется и завидует, что революция выдвинула столько образцов самопожертвования, он сетует, что сегодня нет таких образцов в борьбе со злом, этой революцией порожденным. Но есть ли сегодня у сторонников добра и нравственности ослепляющая мечта о всеобщем счастье перед глазами? Если появится такая мечта – недостатка в самоотверженных героях не будет.

Эта мечта, этот идеал – сердцевина социализма, кащеева смерть этой "науки". Не сразу заметно, что это так – идеал

под имене̂м коммунизма скрыт за "ослепительными горизонтами", замаскирован формулой "от каждого по способностям, каждому по потребностям"; говорить о будущем *конкретно* марксизм категорически отказывается вот уже более ста лет – ни Маркс, ни его современные последователи не решаются нарисовать *четкую* картину этого самого счастливого будущего, наверно знают, что, как и Шигалев, ничего, кроме тирании и рабства, не нарисуют.

Много лет назад мой знакомый оказался случайно на заседании "товарищеского суда", созданного жильцами дома (или нескольких домов) и разбиравшего обычные дрязги какой-то коммунальной квартиры – коммунизм и дух коллективизма хороши в теории, а на практике жизнь в общих квартирах с общей кухней и общим клозетом – сущий ад. Один из участников склоки перечислил мерзости, которые ему делают соседи, и укоризненно сказал:

– И все это происходит в наше время – время счастливого будущего!

Он произнес формулу, отпечатавшуюся в сознании моих современников и соотечественников, лишенных счастливого настоящего, формулу, ослепившую их, задурившую им головы и сердца. И – продолжающую слепить и дурачить.

Ослепительные горизонты счастливого будущего... Не стерпимые лучи лупят оттуда. Свобода каждого – и свобода всех. Полный расцвет способностей и дарований. Никакого угнетения человека человеком. Никаких войн, никакого насилия. Жизненные блага текут рекой. Труд стал наслаждением. Райская жизнь, коммунизм! Подробности этого рая не разглядеть – мешает ослепительный свет, слепит он, как и полагается по определению.

Не до подробностей тут. Сказано – коммунизм, и точка. Счастливое будущее всех народов. Уточняющих вопросов просят не задавать. Чересчур настырных найдут способ урезонить, а не захотят угомониться – придавят, чтобы не мешали идти к ослепительным горизонтам.

Кто же может быть против счастливого будущего, светлого завтра и полноводных рек благополучия? Против небывалого роста производительности труда? Как можно быть против *такого*? Да еще ни эксплуатации, ни войн. Всеобщая гармония. Счастье. Кто посмеет быть против счастья?

Стоит ли удивляться, что в счастливое будущее поверил не только тот несчастный (о, сегодня несчастный, всего лишь сегодня, зато завтра-то, завтра как ему будет хорошо! – даром, что это сегодня длится уже шестьдесят лет и до конца столетия наступления счастливого завтра уже даже не обещают, так что с уверенностью можно сказать: никто из живущих в несчастливом сегодня до счастливого завтра не дотянет), да, поверил не только тот старик из коммунального ада, но и всякие Ромены Ролланы, Анри Барбюсы, Леоны Фейхтвангеры и прочие – вольные или невольные соучастники преступлений, творимых во имя того завтра, которое никогда не наступит?

Это вам уже не академический вопрос о золотом веке. Это вам не шумеры и не древние китайцы. Не Атлантида и не Березовград.

Это Россия, двадцатый век.

Это мы с вами.

Жизненно необходимо разобраться в этой мечте, понять ее корни, причины ее могущественной власти над сердцами.

С одной стороны – третье отношение, рабство человечества, включенность его в общее движение природы; выполнение человечеством некоего "урока", работы.

С другой стороны – мечта о полном счастье для всех, о всеобщем мире и покое, мечта, которая не могла бы появиться, если бы не какие-то для нее реальные основания.

Противоположные явления?

Нет, родственные.

Очевидно, что максимальная свобода, чувство предельной освобожденности от собственной природы, от работы по принуждению (принуждению этой самой собственной природой) будет достигнуто тогда, когда человечество максимально полно выразит себя, когда оно достигнет цели, заложенной в нем, как семя заложено в цветке, когда ему уже ничего не останется делать, когда прекратится его страдание, его движение, стремление, жизненный дух, его мука, мучение.

Предельное освобождение человечества, видимо, и будет его физической смертью.

Это будет момент, когда полнейшая свобода явится достойной платой за полную гибель, а беспредельное счастье – за худшее из несчастий. Но счастье и несчастья не будут тогда раздельно: это будет миг, когда прекратятся все конфлик-

ты, исчезнут все противоречия; когда смерть будет синонимом жизни, а жизнь – смерти; когда из этой гибели в наивысшем блаженстве, из этого блаженства в гибели, из этого исполнения всех желаний в нежелаемом, из этой полнейшей и всеобщей самоотдачи родится нечто неизвестное – с иными противоречиями, с неведомыми целями.

Это будет великий предсмертный вздох блаженного отдыха; раб опустит усталые руки и улыбнется гибнущим небесам.

Будет достигнуто полное равенство всех, не останется никакого различия.

Смерть и нестерпимый свет сольются. Золотой век будет достигнут...

Вот что предвидела русская литература, когда ей мерещилось странное единство смерти и вспышки света. А вслед за русской литературой и русским опытом это понимали чуткие писатели и других стран. Понимал, например, Честертон, когда писал о социалистах:

"И в виду они имеют смерть. Когда они говорят, что человечество будет в конце концов свободным, они имеют в виду, что человечество совершит самоубийство. Когда они болтают о рае без правого и виноватого, они имеют в виду могилу".

К нам это не придет, говорят и думают во многих странах, озираясь на русский опыт в его отрицательной части. Это может прийти всюду, говорим мы, независимо от демократических институтов и традиций, потому что везде есть мечта о золотом веке, в каждой культуре заложена она, пусть разная в подробностях, но одинаковая по сути.

Рай, золотой век, абсолютное счастье, коммунизм – синонимы смерти, прекращения жизни человеческого вещества. И одновременно – полное "освобождение" всех и каждого.

Идеалы всеобщего счастья и свободы – это выражение глубоко скрытой мечты об отдыхе, это формы стремления к смерти.

Как работает в отдельном человеке эта таинственная тяга к исчезновению, к избавлению от бремени жизни, от ее тягот и страданий? Это стремление к смерти?

В разных людях – по-разному. Но есть общий для всех неплохой прообраз такого стремления – удовольствие, с которым уставший человек погружается в сон, в отдых временного небытия.

Идеалы социализма – всего лишь навсего примитивная форма мечтаний об окончательном облегчении, отдыхе, покое. Притягательность такой мечты – *реальная* сила этой теории, этой "науки", "религии", а вовсе не только во внешних ее атрибутах в виде партократии, вооруженности до зубов, тьмы тьмущей шпионов, тайной полиции, цензуры, лагерей смерти, террора, мракобесия и всех прочих прелестей. Внешние атрибуты – пустяки, куча железа, свинца и расщепляющихся материалов. Даже монополия на средства информации (синоним диктатуры) пустяки, сама по себе – ничто. Все дело в вере, будто *наше время – время счастливого будущего.*

Однажды я разговаривал с молодым французом – членом компартии. Француз был глубоко идеен, опытен – за его плечами лежала война с фашизмом, испытания партизанской жизни, борьба с уклонистами. Он чеканил мне марксистские догмы в современной упаковке спокойно, убежденно; и вот он заговорил о будущем – и голос его прервался от волнения и влажно заблестели глаза... Он говорил о коммунизме с такой верой и страстью, словно готов был умереть во имя его ослепительных горизонтов хоть сейчас, хоть мучительнейшей смертью, и уж подавно был готов убивать и мучить ради этих горизонтов. Что могло поколебать в нем эту веру? Грязная грызня за власть внутри его партии? Так нужно же убрать с пути к лучезарному завтра все, что является помехой. Море крови позади или впереди? Без классовой борьбы коммунизма не достичь.

– Хорошо, – сказал я. – Представим себе, что коммунизм достигнут. Что дальше?

Он растерянно замолчал. В его сознании не было *дальше.* Мой вопрос был нелеп, с таким же успехом я мог бы спросить физика о том, что лежит за пределами нашей вселенной. Физик ответил бы: "Не знаю". Марксист так ответить не может, великие учителя ему все разъяснили, ему остается только вспомнить их разъяснение.

Француз не вспомнил.

– Я узнаю, – пообещал он.

Коммунизм в его сознании был пределом, концом – таким, как и в сознании любого убежденного марксиста.

Священный трепет веры не дает коммунистам сделать логичный вывод и признать свой идеал и мечту смертью, концом.

Русский обыватель и французский интеллектуал обнаружили коренное совпадение мироощущений – слепую веру в счастливое будущее.

Как это объяснить?

Я объясняю так: рак не знает границ, диабету наплевать на национальные традиции, вирусу гриппа безразличны расы.

У человеческого вещества единые устремления, одинаковые цели, общие судьбы, тождественные реакции. У него везде, в каждой группе живет мечта о золотом веке... Ослепляющий свет окончательной и всеобщей гибели воздействует одинаково и на русского, и на француза, и на китайца, и на англичанина, и на папуаса. Все – смертны.

В сундуке третьего отношения, в шкатулке природной сущности человека, в яйце природного рабства людей, в игле мечты об отдыхе – вот где скрыта кащеева смерть марксизма. Вот на какой реальности он паразитирует, вот где кажущиеся иррациональными причины его мощного воздействия на людей, вот почему это воздействие происходит вопреки логике, здравому смыслу и очевидности.

Особенно сильно впечатляет марксизм наиболее образованных, развитых людей, которых часто по признаку образованности ошибочно называют интеллигенцией, – видимо, потому, что эта часть человеческого вещества более активна, она выполняет большую работу по осмыслению и преобразованию окружающей среды, у нее больше тяга к отдыху, к избавлению от бремени рабства, к абсолютной свободе и к ее идеалам; больше у нее и тяга к самоубийству. В особенности это касается образованных людей на Западе – страшно встречать таких, которые не ждут для себя от победившего марксизма ничего, кроме смертного приговора и, тем не менее, остаются его искренними сторонниками. Как будто насильственная смерть убийцы (или соучастника убийства) может изменить нравственную оценку его преступления! Что уж таким сердиться, когда Солженицын, Шафаревич и Максимов выставляют их взгляды на позор и осмеяние...

Но и марксизм, и коммунизм, и злоба нашего сегодня – это всего лишь страничка в книге человеческой истории, в

конце которой, действительно, будет достигнуто абсолютное освобождение всех – в гибели.

Социализм, его теория и практика – наиболее открытое проявление стремления к смерти, к смерти бесплодной, пустой. Социализм лишает человека надежды на достижение бессмертия, лишает главной черты, отличающей человека от животного. Однако и другие социальные системы, известные из истории, в той или иной степени телеологичны, целеустремлены, включают более или менее явно мечту о счастье, о предстоящих улучшениях жизни, об уменьшении в ней страдания. Единственной достойной человека целью может быть только достижение бессмертия, воскресения (и воскрешения) из мертвых; все прочие цели ложны и гибельны. Это же справедливо и для человеческих объединений. Ничего, кроме гибели, прошлое и настоящее ему не сулит.

Можно отнестись к этой перспективе, как к трагедии... Помните?

И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обресть убежище; а где? о горе, горе!

Можно найти в ней вдохновение, увидеть вызов жизни и не уклониться от него:

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель – я знаю –
Все равно: принимаю тебя!

Можно пренебречь ею и заниматься своими делами: как смерть, ожидающая каждого отдельного человека, сплошь и рядом не мешает ему жить и действовать, так и предстоящая гибель всего рода человеческого не избавляет никого от текущих проблем бытия – продолжать-то жить надо...

Вы можете относиться к перспективе как вам заблагорассудится, ваше отношение ровным счетом ничего не изменит. Более того, можно сказать с уверенностью, что почти всегда оно послужит общему движению жизни, поскольку привнесет в это движение хоть какой-то импульс: хоть мысль особенную, хоть чувство, хоть поступок крошечный...

Не пытайтесь вырваться из сети жизни – чем сильнее вы рветесь, тем больше петель в ней образуется, тем крепче она впутывает вас и вам подобных.

Стремление к идеальному устройству общества, к золотому веку пока что нигде не дало людям ничего, кроме укрепления их рабства, их плена – плена у природы. Впрочем, переживание этого плена как гармонии тоже ничего не дало...

6. КАК ИГРАЕТ ТРЕТЬЕ ОТНОШЕНИЕ

Первая реакция на третье отношение – паралич воли к действию.

Невольно становишься сторонником древнего даосского "у вэй" – "не-деяния". Через кого угодно, только не через меня пусть прокладывает себе путь движение природы! Как ловко она устроила свой двигатель – все, решительно все человечество годится ему в топливо: зверское преступление и голубиная кротость, мерзкий грех и чистейшая святость, колокольный звон и барабанная дробь, гениальное открытие и запрещение грамотности, сладострастные стоны влюбленных и стоны раненых на поле боя, первый крик младенца и последний выдох умирающего; строительство и разрушение, революция и эволюция, религия и атеизм, капитализм и социализм, демократия и деспотия, реформы и отказ от них... Делай, что хочешь, производи, что угодно – все сгодится, все сгорит в этом двигателе! Только не останавливайся, действуй.

И ты останавливаешься, не действуешь. И вдруг замечаешь чей-то одобрительный взгляд – да что там одобрительный! просто внимательный! – и кричишь от отчаяния: вот оно, даже недеяние твое отправилось туда же, в бак с горючим для этого всепожирающего двигателя! Твое недеяние создало непохожесть, разницу потенциалов...

В прошлом веке немецкий философ Гартман предлагал кончать жизнь самоубийством, лучше – всем людям разом. Тоже мне – выход нашел. В концлагерях каждый свободен был броситься на проволоку, находившуюся под током, или сделать шаг в сторону на дороге – охрана стреляла без предупреждения... И бросались, и делали шаг. Но разве тем побеж-

дали рабство? Это не выход – не говоря уже, что невозможно всем разом, так ведь и бессмысленно – какая же это победа над собственной природой? Это же просто истребление проблемы, сбрасывание с доски шахмат вместе с позицией, где ты одновременно и фигуры, и игрок, и даже доска.

Как может играть с людьми третье отношение, видно из следующего примера.

И. Р. Шафаревич, предлагая программу морального возрождения нашей страны, призывает ученых не бояться увольнения с работы. Наш путь сейчас, считает он, – "перестать карабкаться по ступенькам карьеры или материального квазиблагополучия". Отказ от литературы и искусства, от гуманитарных наук (официальных) только на пользу отказчику – в этом сомнений у Шафаревича нет. Сложнее обстоит дело с негуманитарными науками, но и тут Шафаревич призывает не печалиться и объясняет, почему ученый, вставший на путь отказа от участия в организованной науке, может оказаться еще и в выигрыше. Приведу его рассуждение почти целиком:

"...массовый, сверхорганизованный характер современной науки является ее бедой, больше того, проклятием. Научных работников так много и их продукция так велика, что нет надежды прочесть все написанное в одной узкой области. Поле зрения ученого суживается до пятачка, он должен из кожи лезть, чтобы не отстать от бесчисленных конкурентов. Замысел Бога, божественная красота истины, открывающаяся в науке, заменяются набором технических задачек. Наука превращается в гонку, миллионная толпа мчится, и никому не понятно, куда. Немногим еще эта гонка доставляет удовлетворение, они имеют какую-то перспективу, видят хоть на несколько шагов вперед, но для подавляющего большинства не остается ничего, кроме вида пяток бегущего впереди и сопения наступающего на пятки сзади.

Но даже если бы можно было перешагнуть через то, что наука сейчас... уродует занимающихся ею людей, все равно и по иным причинам она не сможет развиваться в прежнем направлении. Сейчас продукция науки удваивается каждые 10-15 лет, примерно так же растет число ученых, с близкой скоростью увеличиваются материальные затраты на науку. Этот процесс длится 200-250 лет, но сейчас уже видно, что долго такое развитие продолжаться не может... Неустранимые

трудности возникнут... приблизительно в 1980-е годы. Значит, это направление развития обречено, вопрос только, сможет ли наука свернуть на другой путь, на котором открытие истины не требует ни миллионных армий ученых, ни миллиардных затрат, путь, по которому шли и Архимед, и Галилей, и Мендель. В этом сейчас основная проблема науки, вопрос ее жизни и смерти. Кто как белка уже завертелся в этом колесе, вряд ли поможет ее решить, надежда может быть как раз на тех, кто этой инерции не поддался".

Как замечательно сказано! Сколько в этих словах готовности к самопожертвованию, искренности, свободы от всего, кроме стремления к истине! И как прекрасно книга Шафаревича о социализме подтверждает правоту автора – в одиночку он написал вещь, превратившую в ненужную схоластику тысячи и тысячи книг организованной науки...

Но подумаем...

Шафаревич ждет от таких ученых – отшельников, изгнанников, одиночек, надомников – нетривиальных (то есть необыкновенных, необычных, непривычных) решений фундаментальных проблем, справедливо замечая, что наука, столько давшая нового миру в предпоследние десятилетия, вот уже лет двадцать, а то и все тридцать замедлила свое стремительное движение и пока не приблизилась сколько-нибудь существенно к тем рубежам, которые, казалось, были так близки. Ни в физике (гравитация, общая система элементарных частиц, управление термоядерными процессами), ни в математике (полная математизация других наук), ни в кибернетике (обещавшей так много – от автомата-шахматного гроссмейстера до передачи человека на расстояние, то есть создания его дубликата), ни в биологии (управление наследственностью, создание различных форм жизни в лабораторных условиях), ни в медицине (победа над раком) – ни в одной области нет пока быстрого прогресса, напрасны были надежды ожидавших его. Естественные науки пока что развиваются вширь и вглубь, подтягивают тылы, готовятся к штурму новых тайн природы, к достижению того, что мерещилось близко – стоит только руку протянуть. Для такого штурма совершенно необходимы новые, нетривиальные научные решения и открытия, сумасшедшие мысли, необыкновенные точки зрения. Это известно, к этому призывают опытные ученые,

но от призывов ждать нечего — они сами стали тривиальными, обычными, привычными и надоевшими. Наука так сейчас сверхорганизована, что эти призывы похожи на призыв к солдатам чувствовать себя ”вольно”, одновременно стоя по команде ”смирно”.

Шафаревич предлагает новую идею — поместить ученого (причем не искусственно, условно, а по его собственному выбору, естественно) в необычную обстановку, вне строя ему подобных научных солдат, исключить ученого из тривиальной среды и системы работы — сказать ему ”вольно” и отпустить на все четыре стороны. И он предполагает при этом (думаю, справедливо), что ученые в таком положении быстрее добьются успеха — им легче дастся в руки истина, чем тем, кто живет в однообразной казарменной обстановке ”хорошо организованной” науки.

Боюсь, что тем самым Шафаревич предлагает еще один способ, еще один прием облегчения действия третьему отношению — новые открытия дадут новые стимулы движению человеческого вещества...

Может быть, третье отношение играет лучшими умами, лучшими намерениями? Борется человек за добро, нравственность, справедливость — а получается, что борется за то, чтобы получше исполняли рабы свою работу, поталантливее служили бы господину? Не исключено, что добра, нравственности, справедливости в обществе в результате нетривиальных открытий не прибавится, а вот подхлестнуть расковыривание земного шара они смогут...

Из этих примеров, как я надеюсь, видно, насколько надо быть осторожными, чтобы не подыграть третьему отношению, не зайти невозвратно далеко по пути, предначертанному природой.

Но есть ли выход? Может ли человеческое вещество предотвратить свой конец, свою гибель, свое ”освобождение”? Может ли оно избавиться от рабства у природы, у смерти, достичь бессмертия?

Несомненно — в противном случае не стоило бы и писать эти заметки...

7.

ШАТКИЕ НОЖКИ НАДЕЖД

В поисках выхода человеческая мысль давно мечется, хватаясь за разные идеи, которые кажутся спасительными.

Первая из них – правительство земного шара, подчинение интересов отдельных личностей, групп, стран общим интересам человечества, подавление беспорядочного, "броуновского" движения индивидуальных и групповых воль некоей единой центральной воле. С таким предложением выступает Альберт Эйнштейн вскоре после испытания атомных бомб на живых людях. Задолго до него к этому же решению пришел и Велимир Хлебников, но он был всего-навсего великим поэтом, и к его словам отнеслись, как к причуде.

Не прислушались, впрочем, и к великому физику Эйнштейну. Современный мир не только не обнаруживает стремления к объединению, но, напротив, быстро образует все новые и новые государства, число которых будет, видимо, расти и в будущем – повсюду мы видим желание государственного обособления, отделения – даже в небольших странах, вроде Кипра, Ливана, Бельгии, Северной Ирландии; имеется налицо какой-нибудь разделяющий людей признак – цвет кожи, язык, религия, – и возникает тяга к созданию своего правительства, своей власти. Потенциально немало государств может образоваться и в таких сегодня внешне единых гигантах, как Китай, СССР, Индия.

Идея единого всемирного государства не вызывает восторга еще и потому, что правительства – все! – скомпрометировали себя именно как орудия угнетения; они, кроме того, обнаружили, как это хорошо показал Норберт Винер, что они глупее, чем большинство их подданных. Ясно, что правительство мировых масштабов отличалось бы соответствующими масштабами угнетения и глупости.

Мы наблюдаем все-таки некоторое ограничение желаний отдельных государств. Стремясь избавиться от этих помех своей воле, государства усиленно вооружаются. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать неизбежное столкновение вооруженных стран и групп – да эти столкновения практически ни на минуту в мире и не прекращаются. Только утописты

или обманщики могут предполагать, что мир, основанный на всеобщей гонке вооружений, является сколько-нибудь прочным – страшная война готова вспыхнуть в любой день под влиянием как нарушения равновесия силы – оружия или духа, так и какой-то случайности. Точнее, война начнется тогда, когда человеческое вещество слишком задержится со своей работой – с раскрытием все больших и больших количеств энергии, скрытых в окружающей среде. Более точное и конкретное изучение действительной истории, быть может, позволит надежнее предсказывать войны, а также связанные с подготовкой к ним и с их ведением подъемы науки и техники.

Никакого всемирного единого государства, которое прекратило бы борьбу между отдельными личностями и их объединениями, не может быть – и его не будет. Да и мало кто захотел бы жить в таком государстве с его – неизбежно – чудовищно развитым аппаратом насилия, слежки, с его бюрократией, пожирающей весь прирост доходов, с его подавлением всяких индивидуальных воль и даже самой ищущей природы человека.

Но, быть может, человечество спасется в космосе?

Идея заселения космоса, распространения человечества на другие планеты, открывает, казалось бы, перед людьми перспективу вечной жизни и совершенствования. Однако такое заселение не прекратило бы действия третьего отношения – оно только изменило бы масштаб человеческой деятельности. Нет сомнения, что на пути освоения космоса люди будут испытывать потребность во все новых громадных энергетических мощностях, добывание которых соответствует основному природному предназначению человека, соответствует третьему отношению.

Спасения от рабства у природы в космосе, видимо, нет – скорее всего, напротив, – его освоение является одним из способов участия человечества в жизни мироздания.

Напомню, что именно исполнение таких работ, открытие нового, слияние личных устремлений с потоком общего бытия, проходящим через весь физический состав человека, приносит последнему наивысшее наслаждение, чувство наибольшей свободы и могущества, фон которых – усталость. Раб, открывший в природе-хозяине и, тем самым, в себе самом что-то новое для себя, чувствует себя господином.

Расселение в космосе не может избавить людей от третьего отношения – оно полностью с ним гармонирует.

Была и еще одна надежда.

После первой, а особенно после второй мировой войны стали все громче звучать слова отдельных людей, предостерегавших от остро ими ощущаемой некоей глобальной опасности, с тревогой смотревших в будущее, искавших способов сплотить людей. Казалось, что люди близки к пониманию своего единства.

"Зачем ненавидеть друг друга? Ведь интересы у нас общие, мы все уносимся вдаль на одной и той же планете – мы экипаж одного корабля. Неплохо, когда различные цивилизации противостоят друг другу, способствуя образованию новой, общей цивилизации; чудовищно, когда они пожирают друг друга", – писал Антуан де Сент-Экзюпери. Ему вторил Норберт Винер:

"Мы в самом прямом смысле являемся терпящими кораблекрушение пассажирами на обреченной планете".

Даже осторожные представители нашей официальной науки, обязанные быть стойкими оптимистами, высказывались иногда встревоженно, как, например, А. И. Берг:

"Вопрос о будущем человечества – это, в сущности, основной вопрос современности. Еще никогда будущее не выглядело, по видимости, так неопределенно; еще никогда люди на земле не стремились в большей мере эту неопределенность рассеять, так как она многих пугает, парализует энергию и инициативу, вызывает страх".

На фоне этой тревоги может возникнуть впечатление, что спасение людям в состоянии принести искусство – "красота", как выражался Достоевский. Действительно, кроме деятельности материальной, кроме работы в качестве природного элемента, люди знают и другой вид деятельности, который не связан прямо с расщеплением ядер, раскрепощением энергии и не вызван третьим отношением. Ценности, которые создаются в процессе этой деятельности, особого свойства: их нельзя съесть, из них ничего нельзя построить, их нельзя ни на что употребить. Тем не менее, эти ценности всегда были у людей в особом почете.

Эти ценности – духовная деятельность человечества в той ее части, где она осуществляется ради самой себя, а не ради

чего-то другого, сколь бы важным это другое ни было. Красота, заключенная, например, в стихотворении, картине, сонате, может служить как бы мостом из мира рабства в мир свободы, полной индивидуальной свободы; человек во время сильного эстетического переживания, видимо, освобождается от своего материального природного естества и попадает в мир совершенно иной, лежащий как бы *вне* того мира, где господствует смерть, где правит необходимость, где свирепствует третье отношение. Может невольно показаться, что стоит только уловить, рассмотреть и описать этот иной мир, – и путь спасения от третьего отношения станет ясен: материальную жизнь можно будет построить по идеалам, выработанным духовной деятельностью людей. Не исключено, что это имел в виду Томас Манн, когда писал:

"Что до меня, то я не вижу ничего особенно сатанинского в мысли (она принадлежит старым мистикам, эта мысль), что когда-нибудь жизнь материальная может раствориться в жизни духовной, – хотя немало, немало воды утечет еще до тех пор. Гораздо более реальной представляется мне опасность самоистребления жизни на нашей планете в результате усовершенствования атомной бомбы".

Подтверждение надеждам на "красоту" можно найти и в том факте, что искусство чуть ли не всегда и везде, с одной стороны, пользовалось особым положением в обществе, вызывало уважение, находило поддержку, считалось исключительно важным, а, с другой стороны, подвергалось гонениям со стороны тех, кто наиболее тесно был связан с материальной, организованной деятельностью людей, со стороны руководителей централизованных государств, технократов, военщины, бюрократии, вызывало в них ненависть, раздражение, неприятие.

Между свободой и необходимостью, между любовью одних и ненавистью других, под градом постоянных попыток превратить его в орудие государства, церкви, технического прогресса ("массовая культура"), различных политических движений – в таких условиях уже сколько столетий существует искусство, которое продолжают считать не средством – для чего бы то ни было! – а самоцелью.

Доказательство того, что люди могут спастись через узкий просвет искусства, соблазнительно увидеть и в том фак-

те, что природу искусства невозможно познать рационально, "разъяснить" ее красоту, истолковать производимое ею впечатление, которое сродни гипнозу.

Впрочем, это – очень шаткая надежда. Может ли человек преодолеть свою натуру с помощью таких хрупких средств? Может ли способность воспринимать красоту, чувствовать запредельный, не этот мир оказаться сильнее зова природы? Может ли "голос муз" перекрыть шум механизмов, машин и станков? Оказаться людям дороже, чем радость от слияния с природными силами, пронизавшими все наши атомы, клетки, все наше существо, которое само есть одна из этих сил? Дать больше, чем дают вкус хлеба, тепло одежды, уют жилья, удовлетворение бесчисленных потребностей, прихотей и страстей?..

Всемирное правительство, заселение космоса, идеалы красоты и искусства – шаткие ножки надежды... Выдержат ли они такую тяжесть, как многоцветное, многоликое, мятущееся в страстях человеческое вещество, слой которого на коре земного шара становится все гуще и гуще?

8.

ОТ ЧЕГО ПРИХОДИЛ СПАСТИ НАС ИИСУС ХРИСТОС?

Как можно не вспомнить, что путь к спасению рода людского был указан почти две тысячи лет тому назад бездомным нищим из Назарета? Разве ясная надежда не была подана давным-давно? Не указан путь?

Вероятно, нет противоречия между концепцией третьего отношения и тем, чему учил Христос, явивший (в этом с верующими соглашаются и неверующие) образец человека небывалой духовной высоты и показавший словом и примером, как может человек любить ближних.

От чего же приходил спасти нас Иисус?

Вот что услышал во сне Иосиф, муж Богородицы, от ангела:

"Родит же сына, и наречешь Ему имя Иисус; ибо Он спасет людей Своих от грехов их" (Матфей, 1.21).

Иисус значит: "Господь-спасение".

Действительно ли ангел являлся во сне Иосифу, что именно сказал, откуда Матфей об этих словах узнал – эти и подобные им вопросы существенны для желающих опровергать Евангелия или согласовывать их со своим разумением, но не для тех, кто хочет вскрыть мировоззрение, выраженное в этих текстах.

Итак, в первой же главе первого Евангелия содержится ответ на наш вопрос: Христос приходил спасти людей *от греха.*

Апостол Иоанн пишет:

"И вы знаете, что Он явился для того, чтобы взять грехи наши..." (Первое послание, 3.5). И продолжает: "Кто делает грех, тот от дьявола, потому что сначала дьявол согрешил. Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела дьявола" (там же, 3.8).

А что же это за грех, грехи?

Прежде всего, грех – нарушение учения Христа. В том же послании Иоанна Богослова так и говорится: "грех есть беззаконие" (3.4). И еще: "Всякая неправда есть грех" (5.17).

Но эти ответы кажутся нам недостаточными, общими. И мы возвращаемся к словам Иоанна – "сначала дьявол согрешил". А в Евангелии от Иоанна прямо сказано, что дьявол – "человекоубийца от начала... Он лжец и отец лжи".

Как же согрешил диавол сначала?

Об этом рассказывается в начале Библии (Бытие, гл. 2 и 3).

Сотворив первого человека и его жену, поместив их в райском саду, Господь Бог сказал человеку: "от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертию умрешь".

Но вот дьявол-змей искушает Еву. Нет, он вовсе не уговаривает ее попробовать плодов чудесного дерева. Выслушав Еву, повторившую предупреждение Бога – "не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть", – дьявол говорит: "Нет, не умрете; но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло".

Вот и вся роль дьявола в этой истории. Он сообщил Еве, во-первых, что Бог говорил, будто она и Адам, поев плодов,

умрут, а на самом деле они останутся живы; и, во-вторых, что они с Адамом станут, "как боги", то есть будут знать "добро и зло".

"И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание".

Ева и Адам вкусили запретных плодов. И что же?

"И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания".

В гневе Бог обрекает Адама и Еву на труд, страдания и *смерть.*

Однако Бог озабочен еще одним обстоятельством:

"И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно".

Стремясь не допустить Адама к дереву жизни, Господь высылает его из рая – "чтобы возделывать землю, из которой он взят".

У входа в рай Господь поставил "херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни".

Такова эта история, имеющая, как мне кажется, глубочайший смысл.

Прежде всего, этот миф разъясняет нам, что такое грех с христианской точки зрения. По поводу библейских слов: "А от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертию умрешь" апостол Павел замечает: "как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили" (К римлянам, 5.12).

Яснее ясного: грех – это познание добра и зла, от познания – смерть.

Спасти может только Христос:

"Ибо возмездие за грех – смерть, а дар Божий – жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем" (там же, 6.23).

Грех – источник смерти, грех это и есть смерть; спасти людей от смерти, дать им жизнь вечную – вот зачем приходил Христос.

Вот соответствующие евангельские тексты:

"Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но

имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него... Суд же состоит в том, что свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму, нежели свет; потому что дела их были злы. Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы; а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны" (Иоанн, 3.16–21).

Иисус свидетельствует о Себе:

"Я пришел для того, чтоб имели жизнь и имели с избытком" (там же, 10.10).

И еще:

"Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день; ибо Я говорил не от Себя, но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить; и Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная" (там же, 12.48–50).

Жизнь вечная... И не в каком-то туманном раю иного измерения, а в этой необъятной вселенной, в этой галактике, в этой солнечной системе, на этой нашей планете. Жизнь вечная во плоти после воскресения из мертвых.

О жизни, жизни вечной, о преодолении смерти, о воскресении из мертвых Новый Завет говорит во многих местах.

"И всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную" (Матфей, 19.29).

"Когда же приближались дни взятия Его от мира, Он восхотел идти в Иерусалим, и послал вестников пред лицом Своим; и они пошли и вошли в селение Самарянское, чтобы приготовить для него; но там не приняли Его, потому что Он имел вид путешествующего в Иерусалим. Видя то, ученики Его, Иаков и Иоанн сказали: Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал? Но Он, обратившись к ним, запретил им и сказал: не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать. И пошли в другое селение" (Лука, 9.51–56).

"Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес. А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщет-

на и вера ваша" (Павел, 1-е послание к Коринфянам, 15.13-14).

"Ибо, если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься; потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению" (К римлянам, 10.9–10).

"Последний же враг истребится – смерть" (1-е послание к Коринфянам, 15.26).

Из Нового Завета ясно: Христос приходил указать людям путь к бессмертию. Он победитель ада и смерти. Вера в него спасает отдельного человека. Современный толкователь новозаветных текстов пишет:

"В Адаме все согрешили, потому что грех, им совершенный, был грехом самой человеческой природы; во Христе все оправдались, потому что пришествие Богочеловека было оправдание самой природы человеческой".

В конечном счете, согласно евангельскому учению, предстоит возвращение человека в рай, к древу жизни, дающему плоды бессмертия.

Картина грядущей победы над смертью нарисована в главах 21-22 "Откровения святого Иоанна Богослова":

"И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло. И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое... И сказал мне: совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника воды живой".

Далее следует описание Нового Иерусалима – дарованного Богом великого града, в котором будут жить праведники: "И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его, и светильник его – Агнец. Спасенные народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою. Ворота его не будут запираться днем, а ночи там не будет. И принесут в него славу и честь народов; и не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни".

В том граде у высокой горы будет течь чистая река воды жизни и расти древо жизни, плодоносящее ежемесячно, с целебными листьями. И будут жить в нем праведники: "Блажен-

ны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами".

Итак: соблюдайте заповеди и будет у вас жизнь вечная. Первая из этих заповедей – "возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим" – повторяет ветхозаветную; вторая развита в Новом Завете: "возлюби ближнего твоего, как самого себя". На этих двух заповедях, по словам Иисуса, "утверждается весь закон и пророки" (Матфей, 22.40), то есть Ветхий Завет; свое же наставление Христос наиболее полно, как мне кажется, изложил в Нагорной проповеди (Матфей, гл. 5, 6, 7).

Что же заповедал Христос?

Не убивай; не гневайся; не ругайся; не ссорься; не смотри на женщину с вожделением; не оставляй жену; не клянись; не противься злому; дай просящему и не прячься от желающего взять у тебя взаймы; люби врагов своих... В идеале – "будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный".

Христос продолжает учить нравственному поведению:

Твори милостыню, не трубя о ней перед собой, а тайно; не молись на виду и многословно; прощай людям их согрешения; не притворяйся во время поста мрачным, чтобы показаться постящимся другим; не старайся разбогатеть – нельзя служить одновременно Богу и богатству; не заботься, что есть и что пить, не заботься об одежде, о завтрашнем дне – ищи прежде всего Царства Божия (бессмертия) – все остальное приложится, будет у тебя, не пропадешь.

Продолжая свою простую такую на первый взгляд проповедь, Христос призывает не осуждать других – тогда и вас не осудят; видеть прежде всего свои несовершенства и пороки, а потом – пороки и несовершенства других; поступать с другим во всем так, как хочешь, чтобы поступали с тобой; беречься лжепророков, которых познают не по словам, а по плодам: если плоды от речей и поступков пророков хорошие, добрые, то и учили они, стало быть, верно; а если плохие результаты – значит, и учение этих лжепророков плохое...

Вот, пожалуй, и все. До чего, казалось бы, просто все, а за всю человеческую историю, среди десятков миллиардов людей сумел выполнить эту простейшую нравственную программу один-единственный – сам Христос...

Учение его можно и еще короче изложить: любите друг друга так, как я, Иисус Христос, люблю вас.

Как же выглядит христианское учение с точки зрения третьего отношения?

Современная судьба человечества началась тогда, когда люди стали различать, что хорошо им и что – плохо им, стали различать добро и зло, стали познавать мир и самих себя, то есть тогда, когда человек стал человеком. Люди могли жить и без этого познания и самопознания – и в этом случае им не грозила бы смерть; но они выбрали путь страдания и смерти сами, когда стали действовать в соответствии со своей природой, когда включились трудом в деятельность природы. Этот выбор был сделан в условиях как бы не до конца ясных человеку – он знал ("от Бога"), что, "вкусив от дерева познания добра и зла", он "смертию умрет", то есть станет смертен; но он решил все-таки попробовать, поскольку другая сила ("диавол") уверяла его, что нет, не умрет он. Это была тонкая ложь – действительно человек не умер тут же, но он стал и сам смертен, и смертен как род, как человечество. Способность познавать добро и зло, способность, стало быть, следовать эгоизму, возможность во имя добра себе причинять зло другим – вот тот изначальный грех, который присущ каждому человеку, который приводит каждого и грозит привести всех к смерти.

На этом пути противопоставления себя другим и эгоизма неизбежно должна была начаться и началась война всех против всех, должно было появиться и появилось стремление любыми способами добиться добра для себя, отъединиться от других. Заработал механизм человеческой деятельности – в поте лица своего добывали люди себе средства существования, добывали из природы, рабами которой они стали.

От этого греха, от смерти, от рабства у природы и приходил спасти людей Христос. Он собственным примером показал нам, что каждый может с помощью любви к людям и соответствующего поведения освободиться от рабства у природы и тем самым избавиться от смерти, причина которой – природа человека, физическая его природа и подчиненность духовной природы временным, сиюминутным, эгоистическим устремлениям. Очевидно, что если бы вражда и соперничество между людьми сменились бы их братством, ненависть

— любовью, а эгоизм — чувством единства, общности жизни, то третье отношение не работало бы.

Учение Христа — указание нравственного пути к спасению от третьего отношения, от смерти, обусловленной самой природой человечества.

Это освобождение при исполнении учения Христа действительно произошло бы: смерть исчезла бы с лица земли, человек разумный стал бы жить в разумном человечестве, а не в бессознательном веществе, в этой массе, ведущей себя, как странная тварь, неспособная ни думать о себе, ни заботиться — более того, клетки этой странной твари, необычной, небывалой поедают друг друга...

Что же случилось с таким простым и понятным учением Иисуса из Назарета? Изменило ли оно поведение людей? Вразумил ли их ряд пророчеств христианских проповедников, поражающих ярким изображением последнего дня человечества, того момента, когда закончится работа людей и преобразуется мир? Например, такое:

"А нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых человеков. ...у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день. Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию. Придет же день Господень, как вор ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят. Если так все это разрушится, то какими должно быть в святой жизни и благочестии вам, ожидающим и желающим пришествия дня Божия, в который воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают? Впрочем, мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда" (2 Петр. 3.7-13).

Подействовало ли это на людей? Как повели они себя, узнав путь к спасению?

Сначала пример и проповедь Христа подействовали ошеломляюще. Люди, встречавшиеся с Ним, приходили в такой экстаз, были так потрясены, что легко передавали свою веру окружающим. Вера в Христа, в Его воскресение, ожидание скорого пришествия Его для суда над людьми, отделения достойных от недостойных, дарования первым райского блажен-

ства бессмертия и счастья быстро распространились в мире. Возникшие общины верующих жили по заповедям Христа, члены их стремились любить друг друга. Казалось, пройдет совсем немного времени – и мир преобразуется, в нем восторжествует братство, природа будет побеждена, дух победит... Люди готовились ко второму пришествию, апостолы предупреждали:

"Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют" (Павел, 1-е послание к Коринфянам, 6.9–10).

Но при всей простоте учения Христа, при несомненных успехах отдельных людей и целых общин в исполнении заповедей Иисуса, люди остались людьми, быстрого чуда не произошло и тяжкий путь долгой и кровавой истории по-прежнему лежал перед человечеством.

Довольно быстро в нравственно определенное учение Христа были внесены поправки. Его *минимальные,* но категорически *обязательные* требования к поведению людей сделали *не всегда* обязательными, *не для всех* обязательными, *не во всех случаях* обязательными. В мою задачу не входит подробно прослеживать печальную историю Церкви, претендующей быть Христовым телом на земле, хранительницей Его заветов. Церковь во многом устроилась так же, как любая другая организация – с иерархией, стяжательством, борьбой за власть, демагогией, интригами, сварами, нелепыми ограничениями, жестокостями, ненавистью...

Даже церковь не сохранила единства, разделилась на враждующие между собой части – и вписалась в третье отношение...

В одном издании Нового Завета есть к нему "Краткий толкователь" – примечания к Евангелию современных богословов, выдержки из святоотеческой и церковной литературы. Этот материал дает некоторое представление о том, в каких местах и как уточняется учение Христа, как оно подчиняется несколько неожиданной с точки зрения Евангелия задаче: создать наилучшие условия в мире для Церкви, сделать ее *земной силой,* приемлемой для сильных мира сего, для бога-

тых, для власть имущих, а при удобном случае взять в свои руки *земную власть,* накопить *земное богатство* – то есть сделать именно то, от чего наотрез отказался Христос.

Например, "Толкователь" уточняет Нагорную проповедь. К однозначным словам Христа – "не противься злу", ясно уточненным Им: "Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай тому и верхнюю одежду" (Матфей, 5.39–40), "Толкователь" дает такие примечания (выделено мною):

"Христианин должен с терпением сносить обиды, а не мстить за них; он должен *иногда* отказываться от личного *законного* права, быть жертвой несправедливости, воздавать добром за зло, чтобы любовью *обезоружить* врага. Приведенные (Христом – Б. В.) примеры нельзя *всегда* истолковывать буквально, не считаясь с особенностями отдельных случаев. В частности, *христианин должен отстаивать свои права во всех тех случаях, когда, отказываясь от них, он очутился бы в невозможности исполнять обязанности к Богу, семье, ближним или обществу.* Но и тогда он должен действовать в духе любви, *без чувства* ненависти и мести".

В этих словах есть едва ли не все, чтобы оправдать отказ от исполнения заповеди Христа; в них признается *законное право* – то есть условности небратского человеческого общения; целью воздаяния добром за зло провозглашается чуть ли не выгода воздающего – "чтобы обезоружить врага"; в них Церковь ("исполнение обязанностей к Богу") ставится выше Христа – и христианина обязывают отстаивать свои права, то есть вести себя не по-братски; в них выше Христа ставится и семья, и ближние, и даже общество – и это "Толкователь" помещает в той же книге, где сказано и повторено: "нет никого, кто оставил бы дом, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей для Царствия Божия, и не получил бы гораздо более в это время, и в век будущий жизни вечной" (Лука, 18.29–30)! И еще сказано: "никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия" (там же, 9.62).

Похоже, что переиначивают непереиначиваемое, оговаривают безоговорочное – Нагорную проповедь! Еще пример:

В "Деяниях Апостолов" о жизни первых христиан сказано:

"Все же верующие были вместе и имели все общее: и продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого" (2.44—45).

Это едва ли можно понять иначе, чем написано.

И все-таки:

"Христианство никогда не посягало на право частной собственности и со всею силою и определенностью утверждало неприкосновенность этого естественного права. Но когда оно возвестило, что истинные ученики Христовы только те, которые любят друг друга (Иоанн, 13.53), и в лице Христа Спасителя явило совершенный образ такой любви (Иоанн, 13.34; 15.12), то этим самым оно в корне изменило отношение человека, узнавшего свое сверхъестественное призвание, к естественному праву собственности".

Это "Толкователь" цитирует "Чтение древней церкви о собственности и милостыне", вышедшее в свет в 1910 году и сочиненное Василием Экземплярским. "Толкователь" его суждением не ограничивается и прибегает к авторитету Иоанна Златоуста:

"Св. Иоанн Златоуст в любви к ближнему, доведенной до полного отказа от личной собственности, видел нечто столь великое, что ожидал от ее торжества устранения всех недостатков нашего общественного строя. Вместе с тем он не забывает, однако, что такое самопожертвование требует от человека высоких нравственных достоинств, которые не могут быть уделом каждого. Поэтому он советует это только избранным; остальным же разрешает сохранить свое имущество и даже заботиться об увеличении его. Он лишь дает им совет: творите милостыню и таким образом умножайте ваше добро! "Пусть же наши слова относятся к людям совершенным; а менее совершенным скажем следующее: уделяйте от имения своего нуждающимся и таким образом умножайте свое богатство, потому что подающий бедному *взаем дает Богови*" (выделил "Толкователь").

Непонятно, где и когда Христос говорил, что высокие нравственные достоинства не могут быть уделом каждого? Каким образом увеличение своего имущества, обогащение, богатство согласуется с несовместимостью Бога и маммоны

(что по-арамейски и значит "богатство")? Как христианский императивный нравственный *закон* может оказаться всего лишь *советом*?

Христос призывал победить третье отношение отказом от эгоизма, действенной братской любовью к ближнему и дал пример такой любви как образца, достижимого для каждого. Смогла ли Церковь последовать этому примеру, если она разрешила *богатство,* имущественное противопоставление богатых бедным, разделение добра и зла (одним добро, другим зло)?

Иоанн Златоуст знал, что отказ от личной собственности приведет к великому торжеству, к устранению недостатков общественной жизни людей; папа Пий XII мыслит, кажется, уже без таких обобщений, вполне в духе полной подчиненности третьему отношению.

"Отчуждение частного имущества в общественное достояние допустимо только в тех случаях, когда оно прямо необходимо для блага общественного, когда нет другого средства, могущего устранить злоупотребления, предотвратить расточение производительных сил страны, обеспечить их естественный рост, согласовать и упорядочить их деятельность и направить их на усовершенствование хозяйственной жизни народа, правильное и мирное развитие которой должно привести его к благосостоянию, потребному и для его духовных и религиозных нужд. Во всяком случае должен быть признан непременным и обязательным условием всякого отчуждения выкуп отчужденного имущества по цене справедливой и соответствующей в условиях данного времени его действительной стоимости" (Слово, 12 марта 1945 г., цитированное "Толкователем").

Непонятно, какое же благосостояние потребно людям для духовных нужд? Уж не в золотом ли распятии нуждается верующий в нищего и бездомного Христа Спасителя?

Защищая от Христа богатство, богословы стараются оберечь от него и близнеца маммоны – *власть.* "Толкователь" цитирует Иоанна Златоуста:

"Мы все братья, и один из нас Наставник, но и между братьями надобно, чтобы один давал приказания, а остальные слушались".

А также:

"...Безначалие – везде зло, причина многих бедствий, начало беспорядка и смешения; особенно же в Церкви оно тем опаснее, чем власть ее больше и выше".

Как стары доказательства от данного, от наблюдаемого: везде мы в мире видим иерархию власти, значит, она – неизбежна и потому нужна и хороша; Бог ее создал... Но ведь власть и иерархию мы видим в греховном, смертном мире! В том мире, который приходил спасти – не от Самого же Себя! – Сын Божий. Историческая практика, увы, подтверждает – носители власти, как правило, отличаются в худшую сторону от тех, кто власти не имеет; замечено, что власть портит человека, то есть делает его более безнравственным, чем его современники, власти лишенные. Но Церковь не только признает мирскую власть, не только ее благословляет и поддерживает, но и сама старается устроиться иерархически, по тем же образцам, что и мирская власть. Почему же Иисус отверг земную власть, как дьявольский соблазн?..

Церковь сплошь и рядом отказывается от завещанного ей Христом меча – меча борьбы с самим принципом власти во имя устранения всякой земной власти; борьбы с богатством – за устранение системы земных ценностей, ведущей к обогащению... И даже Златоуст с удовольствием сравнивает христиан с войском – Петр у него "...обходил, как бы некоторый военачальник, ряды, наблюдая, какая часть сомкнута, какая во всем вооружении и какая имеет нужду в его присутствии..."

Но, может быть, у нас остались еще сомнения в том, что "Толкователь" действительно считает всякую мирскую власть *дарованной* Богом? Богословы разъясняют:

"Христианство, преобразуя мир созданием нового человека, признает всякие формы государственного правления, оно борется только с богопротивными законами. Оно рассматривает каждый существующий строй как поставленные Богом условия естественного порядка, в котором Церкви надлежит разрешать свою сверхмирную задачу вселенского спасения".

Как же разрешать эту задачу вселенского спасения, когда всякое государство требует от подданных осуществлять по отношению друг к другу меры не только не братские, а прямо-таки злодейские: убивать людей на войне и готовиться к такому убийству, мучить, пытать, грабить себе подобных, если они не угодны "цезарю", то есть властям? Требует лгать,

повторяя государственную ложь, поклоняться кумирам, воздвигать им при жизни памятники и т. д., и т. п.? На каждом шагу практика государства враждебно противостоит заповедям Христа! Законы государства исходят не из идеи духовного братства людей, а из идеи подчинения одних другим...

Но:

"Единомыслие в Церкви немыслимо без послушания".

Но:

"Да не нарушается закон подчинения, которым держится и земное и небесное, чтобы чрез многоначалие не дойти до безначалия..."

Это "Толкователь" цитирует Григория Богослова...

Отказываясь от действительного преобразования человека, подменяя Христа, *на самом деле* распятого за свою проповедь *реального спасения*, преобразованием *воображаемым*, спасением фарисейским, спасением только в сфере сознательной, недеятельной, лишает, как мне кажется, жертву Христа ее сути. Разве учение Христа не потому потрясает души, что Он Сам *жил так, как учил*, был за это подвергнут унизительной и мучительной казни – и воскрес, потому что был безгрешен? Следование Христу с очевидностью отменяет все отношения, не основанные на любви; оно приведет человека к спасению при условии, что тот не побоится отвергнуть во имя этой любви всю паутину лживых отношений господства и подчинения, столкновения воль и интересов.

Но:

"Христианство, не отменяя существующих правовых отношений, изменяет их изнутри: оно пронизывает их духом любви, мира, долготерпения и милосердия, который обезвреживает их неправду. Христианин-слуга, повинуясь своему господину по плоти, послушествует Христу; христианин-владыка в службе подневольного по плоти видит услуги брата во Христе".

Но при таком толковании ничто на свете *не меняется*, а только *объясняется* по-иному... Так-то оно так, но – как можно обезвредить изнутри неправду убийства? Концлагерей? Тюремной камеры? Присвоения чужого труда?

Увы, Церковь заботится и о том, чтобы запретить задавать ей такие "провокационные вопросы":

"Только учащей Церкви дано свыше толковать священные пророчества".

Как же так? Не на наших ли глазах *то же самое* – монополия на толкование своего "учения" – привело к полному подавлению мысли в странах с наиболее сильно развитой *мирской* властью? Но, может быть, учащая Церковь – это какая-то общность всех верующих, некий зародыш родового самосознания? Увы:

"Постановление Тридентского Собора (заседание 4, о Св. Писании) гласит: "Дело Церкви – изъяснять смысл и давать толкование Св. Писания". Органами же Церкви в преемственном исполнении сего дела являются епископы и наипаче главенствующий в их сонме епископ Римский".

Действительно, легко впасть в соблазн и заподозрить, что епископы боятся, что кое-кто начнет что-то сам толковать, понесет вредную отсебятину, подорвет устои Церкви, повредит ее более или менее благополучному существованию в погибающем от греха мире, нанесет ущерб единству верующих, авторитету и власти высших церковнослужителей:

"Есть в Писаниях места неудобовразумительные, могущие дать повод к превратным толкованиям. Верующие не должны толковать такие места каждый по-своему, но держаться мнения, запечатленного учением Церкви".

Неужели к "неудобовразумительным" местам относится и Нагорная проповедь?.. И "не убий"?..

Впрочем, запреты "инакомыслия" плодов не дали – в христианском движении за время его существования накопилось множество самостоятельных течений, направлений, школ, сект и соответствующих толкований... А это привело к тому, что люди, призванные любить ближнего, как самого себя, и верующие в Того, Кто это заповедал, порой истребляют друг друга с ненавистью, неутоляемой даже кровью невинных детей, как мы видим сегодня в Ольстере – и можем увидеть, увы, повсюду.

Да, Церковь Христова, к великому нашему горю, вписалась в жизнь человеческого вещества на Земле и деятельно участвует в работе третьего отношения, в исполнении человеком, "познавшим добро и зло", того дела природы, которого последняя без способного к самопознанию органа реализовать, очевидно, не может.

Конечно, Церковь хранит дух христианства, хранит Слово Христа – пусть порой плохо, пусть иногда перетолковывая его к своей земной выгоде, но хранит; конечно, Церковь помогает тысячам и тысячам меньше грешить; конечно, она утешает людей в их скорби и тем облегчает им трагедию жизни и смерти. Все это, конечно, так, но мы не можем не видеть, что за две без малого тысячи лет существования своего Церковь не оказала решающего воздействия на третье отношение, не приблизилась к выполнению главной своей цели – спасению людей от осуждения, от греха, то есть от полной гибели.

Путь, указанный Христом, путь спасения по одиночке, нравственным совершенствованием и совершенством отдельных людей в ожидании того момента, когда совершенными станут все или, по крайней мере, большинство и мир преобразится, поскольку станет жить не по законам физической природы, а по законам природы духовной, – этот путь, теоретически вполне реальный, простой и как бы даже самоочевидный, пока что не привел к желаемым результатам. Перед нами по-прежнему безнравственная тварь человечества, неспособная сама с собой управиться – светлые клеточки нравственных, чистых и не грешащих людей только подчеркивают безобразную черноту массы, не подлежащей, впрочем, ни суду, ни осуждению, поскольку не располагает свободой воли – в отличие от каждого индивидуума, который имеет и свободу воли, и совесть, и сознание, и душу...

Похоже, что в учение христианства включился тот самый элемент, могучее воздействие которого на людей мы видим на протяжении истории – надежда на рай, на абсолютное счастье, на пакибытие, на "золотой век", в котором людей ждет одухотворенное и нетленное тело, неподвластное страданию, не исполняющее бремени непосильного труда, бессмертное, светоносное, не знающее пределов времени и пространства, болезней и вообще каких-либо несовершенств. Это абсолютное счастье не может быть ничем иным, кроме воскресения из мертвых всех во плоти, кроме бессмертия людей. Но пока не подчиним мы всю нашу систему ценностей этой цели – бессмертию и воскресению, – обречены мы быть частью слепой природы.

Пакибытие может быть достигнуто, хотя, видимо, мы сейчас еще только очень смутно догадываемся, каким образом

это произойдет. Было бы очень печально, если бы попытка предотвратить гибель человечества казалась нам совершенно бесполезной и безнадежной, если бы знание о третьем отношении приводило лишь к полному параличу воли. Да, в наше время едва ли подлежит сомнению тот факт, что человечество как целое лишено свободы воли (в этом я расхожусь с И. Р. Шафаревичем) ; но кто поручится, что так будет всегда?

9.

ИМЕЕТ ЛИ ТЕОРИЯ ТРЕТЬЕГО ОТНОШЕНИЯ КАКОЕ-ЛИБО ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ?

В заметках о русском практическом опыте* были предложены структурные реформы, назревшие в нашей стране и необходимые ей, чтобы спастись от гибели. Говорилось, что осуществлению реформ препятствует не отсутствие положительной программы, а странный недостаток воли к улучшению условий жизни, к борьбе за земное счастье. Концепция третьего отношения, вероятно, отрицательно влияет на волю. И все-таки, как мне кажется, знание о третьем отношении полезно: оно способно предостеречь от неправильного решения не только общих, но и некоторых конкретных, практических вопросов. Например, гонка вооружений должна быть прекращена безусловно, любой ценой, даже в одностороннем порядке**; в первую очередь, необходим отказ от ядерного оружия и уничтожение всех имеющихся его запасов, опять-таки в крайнем случае и одностороннее** – независимо от того, удастся ли договориться на этот счет с другими странами; следует вкладывать возможно большие средства в науку о человеке – о его духовных и биологических особенностях; нужно пересмотреть систему ценностей, сложившуюся на основе тайного тяготения людей к смерти, и заменить ее посте-

---

* Другая книга того же автора (*прим. ред.*).

** Автор, разумеется, имеет в виду нынешнюю Россию (*прим. ред.*).

пенно системой ценностей, основанной на стремлении к бессмертию, к жизни вечной. Понимание места и роли третьего отношения в судьбах людей – роли решающей, но скрытой – может дать точку отсчета, основание для выбора в очень многих конкретных случаях.

Трудно, конечно, сказать, способны ли люди принимать во внимание в практической деятельности опасность – полную гибель рода людского, программа которой, как мне кажется, "заложена" в человеке при его появлении, гибель, к которой уже не отдельная страна, а все человечество движется в силу собственной природы. Ведь людям не понадобилось никакого умственного усилия, чтобы установить, что человек физически смертен. И хоть многие тратили и тратят немало труда, чтобы продлить сроки личной жизни, однако решительных выводов из этого факта люди, как будто, не сделали и не делают – не видно, что борьба за продление жизни и бессмертие стала в обществе по значению в ряд с производительной деятельностью или с жаждой вооружаться. Невольно задумываешься, а не меньше ли потребность людей *жить,* чем их потребность *работать и убивать* – так они мало прилагают совместных усилий для победы над смертью. Это печальное обстоятельство вполне объяснимо третьим отношением – в частности, тем, что по своей физической, биологической природе люди не в состоянии стремиться к достижению цели, выгодной для всех, – человечество не эгоистично и целостным себя на практике не мыслит.

Да, сомнительно, что люди изменят свое поведение перед лицом надвигающейся угрозы, что они окажутся способными выработать установки, необходимые для предотвращения всеобщей смерти.

Поймут ли люди жизненный смысл противоположения в них временного, тленного, материального и вневременного, нетленного, духовного? Индивидуального "я" и безликого "мы"? Противоположения начал рабства и свободы? Приведут ли в гармонию эти начала? Сумеют ли построить мир по идеалам, выработанным христианской религией?

Не знаю.

Одно очевидно – путь к избавлению, к бессмертию во плоти долог и труден, требует усилий от каждого – нет чудодейственных средств, которые позволили бы разом, вдруг

достичь избавления. Не исключено, что начало этого пути может быть положено созданием общественных условий, наиболее благоприятных для выработки способов и средств к избавлению.

Такие общественные условия созрели, как мне кажется, в глубине русской истории. Русская мысль родила, выпестовала и попыталась осуществить на практике идею всемирного братства людей и совместного достижения ими бессмертия. Да, попытка реализовать идею братства пока что была более чем неудачной. Но, может быть, Россия еще не сказала своего последнего слова?..

Игорь Холин

ИЗ ДВУХ СБОРНИКОВ

МИР УХОДЯЩИЙ

* * *

ЗАБОРЫ. Помойки. АФИШИ. Рекламы.
Сараи-могилы различного хлама.
Сияет небес голубых глубина.
Квартиры. В квартирах уют. тишина.
Зеркальные шкапы. комоды. диваны.
В обоях клопы. на столах тараканы.
Висят абажуры. сверкают плафоны.
Лежат на постельях ленивые жены.
Мужчины на службе. На кухнях старухи.
И вертятся всюду назойливо мухи.

* * *

Кто-то выбросил рогожу.
Кто-то выплеснул помои.
На заборе чья-то рожа –
Надпись мелом: "Это зоя".

Двое спорят у сарая.
А один уж лезет в драку...
Выходной. начало мая.
Скучно жителям барака.

* * *

"Мороз сегодня крепкий".
Поеживаясь зябко.
Один – который в кепке –
Сказал другому – в шапке.
А тот в ответ на это:
А ты что думал лето?

* * *

Недавно в пруду утонул гражданин.
На крик прибежали супруга и сын.
Пока они вместе над трупом рыдали.
Квартиру у них дочиста обобрали.

* * *

В метро не пустили: заметили: пьян.
На улице быстро сгущался туман.
Он лег на асфальт у кирпичной стены.
А ночью с него были сняты штаны.

* * *

Она на кухне жарила картошку.
А он пришел туда за кипятком.
Вдруг Любка увидала их в окошко
И рассказала Таньке шепотком:
"Слыхала Машка спуталась с Тимошкой".
Но дело было. собственно не в том.
Она на кухне жарила картошку.
А он пришел туда за кипятком.

* * *

Мне минуло сорок. Здоровье на убыль.
Лицо все в морщинах. Испортились зубы.

Да. жизнь безотрадна. Чем дальше. тем горше.
А разум диктует: пожить бы подольше.

* * *

В небе кружит галок стая
Тихо. Валит дым из труб.
Вечереет. У трамвая
Изуродованный труп.

У трамвая разговоры
Оживленные идут:
"Задавил под светофором.
Вот теперь ему дадут!"

"Так и надо шелопаю.
На ходу пускай не спит..."
У водителя трамвая
Не весьма веселый вид.

ТРИОЛЕТ

В диетической столовой
Продают дешевый суп.
Хорошо тому, кто скуп.
В диетической столовой
Суп протертый. суп перловый.
Выбор каш из разных круп.
В диетической столовой
Подают Дешевый суп.

* * *

У меня соседи словно звери.
Изъясняются со мной обычно так:
"Черт. куда тебя несет. седой дурак?"
Закрывай живей на кухне двери!"
У меня соседи словно звери
Наше местожительство – барак.

* * *

Вино ”Рейнвейн”. Вино ”Кагор”
Закуска – винегрет.
Напьюсь и лягу под забор.
Вот я каков – поэт.

* * *

Это дело было в мае.
Из 7-й квартиры Рая
Удавилася в сарае.
Почему. никто не знает...
Да. на свете все бывает.

* * *

Он говорил: ”Я люблю их тела”.
Речь между ними о женщинах шла.

* * *

Вот сосед мой – как собака:
Слово скажешь – лезет в драку...
Проживаю я в бараке.
Он – в сарае у барака.

* * *

Голова болит, а в глотке
Раздается хрип.
Это. может быть от водки.
А. возможно. грипп.

* * *

Икру и пирожное ели.
Коньяк и шампанское пили.
По счету платить не хотели.
Затем их швейцары лупили.

* * *

Обозвала его заразой.
А он. как зверь. за эту фразу
Подбил ей сразу оба глаза...
Она простила. но не сразу.

* * *

Лежит Бутылкин здесь – портной.
Скончался от вина. в пивной.
Туда его манила
привычки сила.

* * *

Надгробье – гранита звезда:
Подпись: "Здесь похоронен герой труда
Илларион Иваныч Ильин".
Он воплощал в жизнь мечту.
Погиб на боевом посту
От недостатка гемоглобина.

* * *

Работал машинистом портального крана.
Во время работы сорвался на дно котлована
Комиссия заключила: виновата сырая погода
Жена довольна: похороны за счет завода.

АВИАТОР

Вел самолет на аэродром
Зацепился за столб крылом.
Машинка описала в воздухе дугу...
Выполнил инструкцию. мелькнуло в воспаленном мозгу.

* * *

Он невзначай наступил на конец обнаженного кабеля.
В акт записали профессию и номер табеля.
Директор разрешил выписать для гроба алого крепа...
До чего все это нелепо.

* * *

Получил премию за перевыполнение плана.
Попал в зал ресторана.
Пил коньяк.
Угощал кого попало...
Денег оказалось мало.
Оставил в залог пиджак.

* * *

В пивной накурено. Петров торчит у стойки.
Получка вся. Теперь конец попойки.
Домой он не спешит. предчувствуя расплату...
Ленивый день склоняется к закату.

* * *

Он задумал себе телевизор купить.
От домашних тайком начал деньги копить.
В голове зародилось сомнение:
Может все же не хватит терпения...

И полезли тревожные мысли
В этом смысле.

* * *

Явился выпивши. Был угрюм.
Хотел достать из гардероба костюм.
Жена крикнула: ”Не трожь вещи!”
Схватил ее за горло – руки клещи.
Мутные зрачки зловеще светились из-под
опухших век.
Вот он. зверь-человек.

* * *

Здесь зарыто Марусино тело.
Замуж не выходила. говорят. не хотела.
Сделала 22 аборта.
К концу жизни стала похожа на черта.

ВЕЧЕРИНКА.

Л.Кропивницкому

Пили. Ели. Курили.
Пели. Плясали. Орали.
Сорокин лез целоваться к Юле.
Сахаров уснул на стуле.
Сидорова облевали.

* * *

Э.Неизвестному

Напился.
Обострился миокардит.
Думал: водка вредит.
Надо на что-то решиться
Пока окончательно не заболел.
Вспомнил: забыл похмелиться.
Повеселел.

* * *

Е.Л.Крапивницкому

Время семь.
На дворе темь.
Ему неохота
Идти на работу:
Хочется спать.
Может на все наплевать,
Пусть увольняют, отдают под суд –
Надоел ежедневный труд:
Скрежет прессов,
Грохот станков.
Вдруг, вскочил, как шальной...
Потом вспомнил – выходной.

* * *

Был болен раком.
От боли ползал раком.
И с каждым днем
Жизнь угасала в нем.
И вот конец.
Последний вздох, как квак,
В крови полотенце
И не разжать кулак.
Все позади: рентген, уколы, барий –
На очереди крематорий.

* * *

Оскару Рабину

Повесился.
Все было просто:
На службе потерял он место.
В квартире кавардак,
Валяется пиджак,
Расколотый фарфор...

Вдруг,
Сирены звук,
На стене блики фар.
Вошел милиционер, ворча,
За ним халат врача.
А за окном
Асфальт умыт дождем.
И водосточная труба
Гудит, как медная труба...
Сосед сказал: "Судьба".

* * *

Д. Краснопевцеву

Работал слесарем на заводе "Мосштамп".
Ремонтировал штамп.
Кто-то по ошибке включил рубильник.
Раздавил как муху, остался один напильник.

* * *

На стенке завода приказ –
Несколько канцелярских фраз:
"Рабочие, сдавайте в контору расчетные книжки,
Иванова уволить, на складе излишки".
Директор – УТЮГОВ.
Бухгалтер – САПОГОВ.

* * *

На днях у Сокола
Дочь мать укокала.
Причина скандала
Дележ вещей.
Теперь это стало
В порядке вещей.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

"Граждане, сдавайте трупы в крематорий,
                    на кладбище нет места".
Подпись: Иванов – директор похоронного треста.

* * *

Работал бухгалтером по учету электросвета:
Подмышкой портфель, в кармане газета.
Недавно сошел с ума –
Соседи говорят от большого ума.

* * *

Город – гора.
Громады домов –
Горбы валунов.
Заводы – горнила.
Груды станков,
Груды металла.
Солнце печет
Сонно
Жмурится
Улица.
Течет черное марево...
Варится человеческое варево.

* * *

Появился на свет ребенок
Началось представление
Обучение с пеленок
Сынок
Скажи
Папа
Попа

Талант
Дант
Вырастет. будет хирургом
Металлургом.
Вырос
Работал на железной дороге
Оторвало ноги
Стал побираться
Граждане
Братцы
Окажите содействие
Умер
Окончилось первое действие.

ЛИРИКА БЕЗ ЛИРИКИ

* * *

На вечерку собралися к Фене.
Вот пришел шофер колхоза Сеня.
Села Феня к Сене на колени.
На коленях хороши у Сени.
Только Сеня предлагает Фене
Удалиться на минутку в сени.
Вышли в сени. а в сенях на сене
Шевелятся молча чьи-то тени.
– Чертовщина! – возмутилась Феня.
– Лезем на чердак. – ответил Сеня.

* * *

Зимний вечер синий, синий.
Дует ветер сильный сильный.

На кровати у Аксиньи
Дворник Сеня на перине.
Над периной коврик синий...
Вечер. дует ветер сильный.

* * *

В кофточке синей
В буфете кино
Хлещет Маруся с кем-то вино.

Кто этот длинный
С ослиным лицом
Поит Марусю
Лучшим вином?

Он завартели
"Красный кустарь"
Ну. а Маруся
Его секретарь.

* * *

Стоял я и думал: она божество.
Любила она не меня. а его.
Он очень гордился победой своей.
И вскоре. представьте. женился на ней.
Недавно спросил я его: как дела?
Махнул он рукою: совсем извела.
Стоял я и думал: была – божество..
А стала мерзавкой теперь. каково.

* * *

Она в ларьке торгует квасом.
Детей своих ругает басом.
И изменяет мужу с Власом.

* * *

Кладовщица Иванова
Б... в буквальном смысле слова.
Наши парни из столовой
Все поспали с Ивановой.

* * *

Счетовод Петров Никита
Ходит к Ниночке открыто.
А его жену тайком
Навещает управдом.

* * *

Она в ресторане с ним водку пила.
Потом его ночью к себе зазвала.
А утром на кухне сказала соседям:
– Приехал из Тулы племянничек Федя.

* * *

Все кончено. Жена мне изменила.
Вчера сам лично убедился в том:
Она за хлебом в магазин ходила
С моим приятелем. Обрубкиным. вдвоем...
Ну и болван я. ведь соседка Ала
уж мне давно на что-то намекала.

ОКТАВА

Они сошлися в полдень у колоды.
Два петуха. заклятые враги.
Надувшись. красный пил из лунки воду.
Рябой хитро описывал круги. –

И вдруг – сцепились... Робко к огороду
Бежит один. другой уж без серьги...
А рядом наблюдая равнодушно.
В навозе рылись куры у конюшни.

* * *

Нашли его утром. случайно. в углу чердака.
Сжимала записку остывшая за ночь рука.
В которой небрежно описана смерти причина:
Его разлюбила недавно бухгалтерша Нина.

* * *

Скучно жить одной – тоска.
Надоела вся родня...
Где найти мне дурака,
Чтобы замуж взял меня.

* * *

Вот Крестьянская застава.
Жду должна приехать Клава
Не поздней шести часов –
Пусть завидует Петров.

Вот Крестьянская застава.
Не приедет видно Клава
Время скоро семь часов –
Видно, с Клавою Петров.

* * *

Мы работаем в пивной,
Ходим часто к ней домой,
Муж ее совсем больной,
Я живу с ней как с женой.

* * *

Сегодня вечером на Мойке
Сцепились две посудомойки:
Одна взяла и заявила,
Что Машка с Петькой в парк ходила.
А та на это ей бесстыдно:
"Ходила. Что, тебе обидно?"

* * *

На столе стоит бутылка
И лежит консервов банка.
Вот придет к ней Ванька Вилкин
И у них начнется пьянка.

* * *

Отдалась начальнику. Теперь такая мода.
Нельзя допустить появления приплода.
Аборт не удался: не попала куда следует спица.
Мать предложила: "задушить, когда родится".

* * *

Работала секретарем у директора треста.
Стала с ним жить: боялась потерять место.
Забеременела: Думала: "за аборт могут посадить на несколько лет".
Решила рожать. Затем отнести к нему в кабинет.

* * *

Приехала на курорт.
Понравилась спортсмену.
Отдалась с наслаждением.
Дома сделала аборт...

Муж не заметил измены:
Не ладилось на работе с водоснабжением.

* * *

Мудреное имя Эльвина,
Не выговоришь никак.
Из дыма соткана паутина –
Музыка, фрукты, коньяк.
В фойе драка, в дребезги стул.
Крик: "Караул!"
Надо уйти
И ее увести
Куда-нибудь на чердак...
Официант, получи за коньяк.

* * *

Лето. Открытое окно.
На столе в бутылке вино.
На улице детский писк,
Женский визг.
В руке измятый конверт.
Вспоминается март.
Тогда от меня ушла жена:
"Не люблю", – заявила она.
Теперь пишет: "скоро вернусь назад".
Я рад и не рад,
У нее такая привычка –
Она истеричка.

* * *

Не гадано, не видано
Любовь ко мне пришла.

И главное, обидно:
Взяла и не пришла.
Подумать, неприступная!
И мысль в мозгу преступная:
Поймать в углу, сказать: "люблю",
И крикнуть ей: "убью".
И вот хожу уж битый час
У театральных касс...
И осень, осень, лужицы,
Трава уж не трава,
И кружится и кружится
Опавшая листва.

* * *

С.Прокофьеву

Надоело!
Осточертело!
Свиданье –
Наказанье,
скука,
Пытка!
Однако,
Продолжаешь встречаться,
Начинаешь влюбляться,
Привязываешься как собака.
Напился. Пел песню: "широка моя страна..."
Произносил знакомых девушек имена.
Любимую звали Риммой,
Нелюбимую Симой.

* * *

Познакомились у Таганского метро,
Ночевал у нее дома.
Он – бухгалтер похоронного бюро,
Она – медсестра из родильного дома.

* * *

Она в коридоре мыла пол.
Он к ней подошел.
Спросил: "смотрела кино 'В глубинах МОРЯ".
У него – больная жена, она с мужем в ссоре.
Соседи на них из дверей
Смотрели, как на зверей.

СОНЕТ

Синела даль, синели: луг и лес,
Гладь озера сверкала, словно сталь...
Сирень в цвету, а тополь уж белес.
Жгут хворост. Полдень. Солнце, Гарь.

В саду мальчишка на березу влез,
Ломает ветки. И еще деталь:
Во рву пропойца, над ним лазурь небес –
А он обшарпанный, небритый, как сизарь.

С ним рядом пес. Зовут его Пострел.
Сожрал блевотину и тоже захмелел.
И, вдруг, завыл навзрыд, не по-собачьи...

Таков пейзаж, где я живу на даче.
Муж на работе, комната – тюрьма,
И скука, скука, хоть сходи с ума.

* * *

Адам
Слесарь
Инструментальщик
Ева
Токарь
Лекальщик
Место работы

Завод
ПЕНОШЛАК
Место жительства
Общежитие
Барак
Хуже ада
Ни водопровода
Ни газа
Комендант зараза
Закрыл красный уголок
Заявил
Превратили в бардак.
Она
Скучает
Он
Злится
Негде встречаться.

* * *

Генриху Сапгиру

1

Лежу в больнице. Палаты расписаны под золото.
Врачи специалисты. Чистые простыни и одеяла.
Еды дают мало,
Чтобы не умереть с голода.

2

Был плотником.
Упал с крыши 5-ти этажного здания.
В клинику привезли без сознания.
Дышал тяжело.
Влили камфору не помогло.
В бреду вспоминал о какой-то пиле...
Умер на операционном столе.

3

Попала под троллейбус на площади Маяковского
Отвезли в институт Склифосовского.
Дали укол в измятое тело,
И странное дело,
Ожила. Первое, что произнесла
Было, где сумка в которой продукты несла.

* * *

На вывеске надпись: "пошивка сапог".
Зашел, говорю: "сшейте пару сапог".
А мне из-за стойки лохматая рожа:
"Давай голенища из собственной кожи".

* * *

На землю зимний лег покров.
В квартире холод: нету дров.
Жена бранится: "старый пень!"
Сходи, сруби в лесу хоть пень!"
Она права –
Нужны дрова.

* * *

На стенке дома надпись: "гастроном"
Зайдешь: торгуют водкой и вином.

* * *

На руке наколка "Боря"
У него большое горе:
Влез к кому-то он в карман,
И попался как болван.

* * *

Осень. Дождик. Сыро-сыро.
Заболела крепко Ира.
И лежит она в постели.
Только дышит еле-еле...
Да. помрет она наверно!
Осень. Дождик. Сыро-скверно.

* * *

В квартире у Зои
Цветные обои.
На койке перина.
На окнах гардины.
Халатик на Зое
Из ситца в полоску.
Она продавщица
Пивного киоска.

* * *

Во дворе в углу помойка.
Над помойкой стая мух.
Рядом с курочками бойко
Ходит вежливый петух...
Полдень. Солнце. Ветер сух.

* * *

На крыше реклама: "КУРИТЕ ТАБАК!"
Отличные вина – КАГОР И КОНЬЯК".
В брошюре читаю. написано так:
"Не пейте вина. не курите табак".

* * *

Был кочегаром. Свалился в пасть раскаленного котла.
Сгорел дотла.

* * *

Дамба. клумба. облезлая липа.
Дом барачного типа.
Коридор. 18 квартир.
На стене лозунг: "Миру – мир".
Во дворе Иванов морит клопов.
Он бухгалтер Госзнака...
У Романовых пьянка.
У Барановых драка.

* * *

Профессии не имеет. Фамилия Цвирка.
Работал на радио имитатором.
Был агитатором
И директором цирка.

Генрих Сапгир

ГОЛОСА

Из сборника 1959-1962 гг.

ГОЛОСА

Вон там убили человека,
Вон там убили человека,
Вон там убили человека,
Внизу – убили человека.

Пойдем, посмотрим на него.
Пойдем, посмотрим на него.
Пойдем, посмотрим на него.
Пойдем. Посмотрим на него.

Мертвец – и вид, как есть мертвецкий.
Да он же спит, он пьян мертвецки!
Да, не мертвец, а вид мертвецкий...
Какой мертвец, он пьян мертвецки –

В блевотине валяется...
В блевотине валяется...
В блевотине валяется...
. . . .

Берись за руки и за ноги,
Берись за руки и за ноги,
Берись за руки и за ноги,
Берись за руки и за ноги

И выноси его на двор.
Вытаскивай его на двор.
Вытряхивай его на двор!
Вышвыривай его на двор! –

И затворяй входные двери.
Плотнее закрывайте двери!
Живее замыкайте двери!
На все замки закройте двери!

Что он – кричит или молчит?
Что он – кричит или молчит?
Что он – кричит или молчит?
Что он? – Кричит или молчит?..

Мигает лампочка у входа!

ОДИНОЧЕСТВО

Тут, на полу, на полках склада
Толь, гвозди и – кому что надо –
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Бутылку и стакан – на бочку.
Пьет водку молча, в одиночку.
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Очки на лбу. Подслеповато
Глядит. Жена? Была когда-то.
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Глядит – и тянутся концами,
Кривыми скалятся зубцами
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Вдруг инструмента стало вдвое...
Все поскакало вкруговую:
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Довольно! Хватит! Надоело.
Лежите смирно. Ждите дела,
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Поднялся. Вышел из сарая.
Замок навесил, запирая
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Луна. Леса. Громада стройки.
Барак. Старик уснул на койке.
Лопаты... пилы... топоры...
Кувалды... кирки... и ломы...

Из глубины слепого сна
Вытягивается нога.
Нога, отбросив одеяло,
Живот округлый обнажила.

СОН

Незнакомый, но знакомо
Прикоснулся. И истома –
И испуг – и исступленье –
И сознанье преступленья

И какое-то учрежденье.

Коридор
Сер.
Кабинеты
Все.
Раскрыты.

Вошла в кабинет –
Никого нет.
Паркет.
Ступила за черту –
И полетела в пустоту.
В воздухе изгибается тело.
А–А–А! –
Целовал
Мягкий овал
Живота.
А–А–А!

Гулко в подземном зале.
Спят, сидят, как на вокзале,
Люди.
Сосед спеленутый бинтами.
Лицо в бинтах, как в белой раме.
Знакомо ей до мути.
Глядит внимательный глаз!
ОН.

В ушах металлический звон,
Во рту металлический вкус...
А–А–А –
Полетела.
В воздухе изгибается тело,
Наплывают облака.
Издалека:
А–А–А!

Тишина.
Мрак.
Сердца стук.
Вдруг
Уловила слухом жадным:
Глубоко внизу, в парадном
Гул.
На лестнице крутой
Шаги.

Приближенные темнотой
Шаги.
Вырастают, как враги,
Шаги.
Вот сбились, стали неуверенны –
Во тьме отыскивают дверь они.
Дверь отворилась: никого –
Мгла и волокна облаков –

ПУСТОТА–А! –
(Сто дверей в учрежденьи
И сознанье преступленья,
И лицо в бинтах как в раме,
И полет над облаками...)

А–А!

Проваливается кровать,
Проваливается кровать,
Проваливается кровать,
Проваливается кровать!

СМЕРТЬ ДЕЗЕРТИРА

Римме

– Дезертир?
– Отстал от части.
– Расстрелять его на месте.
(Растерзать его на части!)
Куст,
Обрыв, река,
Мост
И в солнце облака.
Запрокинутые лица
Конвоиров,
Офицера.
Там
Воздушный пируэт –

Самолет пикирует.
Бомба массою стекла
Воздух рассекла –
УДАР . . . .
Наклонился конвоир,
Офицер,
Санитар.
...еще живет.
...нести.
Разрывается живот,
Вывалились внутренности.
Сознания распалась связь...
Комар заплакал, жалуясь.
Вьется и на лоб садится,
Не смахнуть его с лица...
По участку ходит мрачен,
Озабочен:
На доме прохудилась крыша,
На корню
Засохла груша,
Черви съели яблоню.
Сдох в сарае боров,
Нет на зиму дров.
А жена? Жена румяна –
На щеках горят румяна,
Она гуляет и поет, –
Никого не узнает.
Говорит: "Чудные вести:
Пропал без вести,
Пал героем,
Расстреляли перед строем!"
Взял молоток,
Влез на чердак
И от злости
И тоски
Загоняет гвозди
В доски,
Всаживает
В свой живот.
Что ни гвоздь,

То насквозь.
Нестерпимая резь.
– Ай!
– Ой!

– Смотри: еще живой.
– Оставь, куда его нести,
Вывалились внутренности.
(Комар не отстает, звеня.)
– Братцы, убейте меня.

ЗЕМЛЯ

Полдень. Пыль. Удары.
Разрыты горы.
Экскаваторы – чудища!

Вдвоем, уединения ища,
Пришли на кладбище, –
На козье пастбище.
На могилу прилегла она:
Чулки из нейлона,
Косматое лоно.
Узкогруд,
Худ
Он.
Нервно возбужден.
Руки дрожат.
Она ждет:
– Ну!..
Что-то бормочет,
Пунцов от досады.
Она над ним хохочет.
Зной на них течет.
Зыблются ограды,
Памятников груды.
– Ушел.
– Убежал!
Летит одуванчиков пух...

В лопухах
Возник
Козел:
– Бе!
За рога притянула к себе.
Щекотанье меха – брюха...
Задыхается глухо
В упоении греха...
Мясисты
Листья
Лопуха.
Под дерном застонали кости
От зависти
И злости.
Рычат моторы.
Экскаваторы
Землю грызут.
Отдается сразу
Всем она!
В воздухе летают семена...

Женщина
Растерзана и смущена,
Красным солнцем освещена
По земле идет, ступая,
Как пьяная или слепая,
Туда –
Где спутались шоссе и корпуса,
Столбы и волоса.
Репейник ей вцепился в провода.

НОЧЬ

Уберите, уберите нож...
Он хороший человек, он хорош...
Одно неладно: в голове дыра...
В атаку, сволочи,
Ура
Вася?

А?
Не кричи
И не храпи.
Спи...
Милая, люблю тебя,
Всю тебя...
Оставь, пусти меня, не надо...
Надо!
Надо, надо, надо!
Вера, Ира, Лида, Ала...
Рикошетом в угол –
Гол!
Лезьте все на небо!
Жаба...
Прошу тебя, прости.
Люблю...
Корень из бесконечности
Равен нулю...
Не храпи – опять храпишь!
Спи.
Спишь?

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ПОХОРОНЫ

На каланче кричат вороны.
УМЕР НАЧАЛЬНИК ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ!
Красная телега
Везет бидоны из продмага.
Футбольная команда
Несет пожарный инвентарь.
Погиб вратарь –
Искусный бондарь,
Последний в городе кустарь.
Оркестр из клуба
На кладбище провожает дирижера.
Жарко.
Рявкает труба.
Машина катит без мотора.
Пыльно.

Рявкает труба
Проявляя беспокойство,
Озирается начальство:
В магазинах – пусто –
Вместо
Хлеба – водка и спички...
Из печки.
Вылетела искра.
Запылала занавеска.
Дым валит из трех окон.
Пожары с четырех сторон...
Над могилой произносят речь:
Имущество надо беречь.
Пусть каждый житель
Приобретает огнетушитель.
Все громче карканье ворон.

ИКАР

Оскару Рабину

Скульптор
Вылепил Икара.
Ушел натурщик,
Бормоча: ”Халтурщик!
У меня мускулатура,
А не части от мотора”.
Пришли приятели,
Говорят: ”Банально”.
Лишь женщины увидели,
Что это – гениально.
– Какая мощь!
– Вот это вещь!
– Традиции
Древней Греции...
– Сексуальные эмоции...
– Я хочу иметь детей
От коробки скоростей!
Зачала. И в скорости

На предельной скорости,
Закусив удила,
Родила
Вертолет.
Он летит и кричит –
Свою маму зовет.
Вот уходит в облака...
Зарыдала публика.
ТАКОВО ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ
ИСКУССТВА!
Раскланялся артист.

На площади поставлен бюст –
Автопортрет,
Автофургон,
Телефон –
Автомат.

МУЖ И ЖЕНА

– Абстракционизм, гав, гав!
– Мяу, милый, ты не прав.
– Рабин Оскар –
  экспрессионизм, кар, кар!
– Слыхали,
  сюрреалиста Дали
  распяли
  на электрическом стуле...
– А Музе в ленейном зале
  растерзали
  экскаваторы!
– Я же говорю,
  что реализм, хрю, хрю...
В это время
Двери отворяются,
Незримо появляются
Генрих и Римма.
Генрих говорит: "Комната не та!
Что это за сборище

Спорящих товарищей!”
Римма говорит: ”Это наша комната.
Тут один человек:
Наш пес Джек”.
К выключателю – рука!
Одиноко
Спит собака.
”Потуши свет!”
”Слышишь баранье блеянье?”
– Безупречное наше собранье...
  премии –
  безусловно, Академии!
Заскрежетали стульями.
Аплодисменты, звон бокалов...
Ударили в колокола!
Бегут с кольями...
– Вышибай колом из рам
  этот срам!
В окна, в двери
Лезут огненные звери.
Экскурсовод вопит: ”Горю!..”
– Реализм, хрю, хрю...
– Растерзали экскаваторы...

ШЛЯПА И КРОЛИКИ

Рыжая шляпа
На солнцепеке
С бабами торгуется.
Курицу – за ноги,
Кроликов – за уши.
”Заячьи вы души,
Гляньте-ка на небо.
Видите: сияет
Зеленая бутылка!” –
Шляпа скалит зубы.
Бабы лущат семечки,
Шелухой плюют
На шляпу.

Шум на базаре.
Два инвалида
Третьего ищут:
– Выпьем?
Выпили и повторили.
Шляпа жмурится на солнце,
Соломинку жует.
– Кто ты есть?
"Учитель здешний".
– Объясни мне, друг сердечный,
отчего мы любим водку,
почему нас любят бабы?
А, не знаешь!.. Эх ты, шляпа!
(Шляпа усмехается)
Оттого мы любим водку,
чтобы крепче баб любить.
Потому нас любят бабы,
что мы любим водку пить.
А когда не станет водки,
будем пить
ДЕНАТУРАТ!
– Слышь, профессор кислых щей,
не учи учителя...
И единственной клешней –
По уху приятеля...
Двое возятся в пыли,
Третий ухмыляется.
А вверху на проводах
Костыли
Качаются.

НАСЛЕДСТВО

Умерла родная тетка.
Наследнику вручается
Чашка, кошка и накидка.
Взял. Идет и огорчается.
Вдруг подходит гражданин
И вручает чемодан:

"Получите миллион!"
Даже жарко стало.
Исчез,
Как и не бывало.
А прохожие глядят,
Проявляют интерес.
(направо – дом, налево – сад.)
Сам не помнит, как
До дому дошел.
Двери – на замок,
Чемодан – на стол!
Раскрыл – набит: все пачки, пачки...
Прятал под полом и в печке.
Становился на карачки.
Ползал, как хамелеон:
"Негде спрятать миллион!
Придут,
Найдут
И отберут.
Кто не работает – не ест!
Да здравствует свободный труд!
Найти б такой железный лист..."

Кто-то фыркнул. Кошка!
Все, как прежде, вот что жутко!
Тут и тетушкина чашка.
Тут и теткина накидка.
А миллион?
А чемодан?
Где же он?

КЛЕВЕТА

Напечатали в газете
О поэте.
Три миллиона прочитали эту
Клевету.
Незнакомцы,
Незнакомки

Шлют поэту:
анонимки:
– Спекулянт!
– Бандит!
– Убийца!
– Печать не может ошибиться!
– А еще интеллигент...
– Справедливые слова.
Общественность – она права. –
Сказали чукчи и эвенки.
Редактор не подал руки...
Друзья-интеллигенты
Поэту принесли венки
И траурные ленты.
А поэт пропал без вести
Говорят,
Уехал в гости.
Ни покаяния,
Ни завещания,
На двери
Три
Буквы –
На прощание.
На окраине Москвы
На шоссе
И в лесу
Поутру
По росе
Идет бандит и спекулянт:
Каждая росинка – чистый бриллиант!
Хорошо убийце
На зеленом лугу!
В солнце
Лес дымится
На другом берегу.
Посвистывает птица –
Газеты не боится!

БУТЫЛОЧНЫЙ ПЕЙЗАЖ

На острове
В густой траве
Стоит дощатая палатка.
Перед ней – бидон и лодка.
На откосе острова
Два заезжих рыболова
Пьют бутылочное пиво.
На песке блестят осколки.
По волнам плывут бутылки.
– Клюет?
– Не клюет.
Артист
Поет.
Приятель носом клюет,
Храп и свист
Издает
В три
Ноздри.
– Смотри,
– Клюет!
– Артист!
– Поет!
Пьют с утра.
Жара.
В палатке
Закрыты ставни.
Приехал
Хахаль
Из деревни
На моторной лодке.
На прилавке –
Поллитровки.
На стене стучат часы-ходики.
– Эх, ехал Жора
На пароходике!..
Жара.
В бутылках киснет пиво.
Уснули оба

Рыболова.
Из травы торчат носы.
Проплывает мимо рыба,
Усмехается в усы.

ЕВРЕЙСКИЙ АНЕКДОТ

У черты
Цивилизации
Расцвели кусты
Акации.

У черты цивилизации
Представитель древней нации
Просит помощи
При помощи
Жестикуляции:
– Что мне это место,
Лопухи-репейники!
Эти люди просто
Казаки-разбойники!
Сара!
Посмотри, сколько мусора!
Вы видели такого агрессора?
Он говорит, что я – эксплуататор!..
Между тем
Из леса
Вылез
Экскаватор.
Сгреб
Ковшом
Киоск.
Хлоп!
Торчат из пасти доски.
Ни киоска,
Ни Абрама,
Ни акаций –
Ни черта!
Прямо –

Серая черта.
Кинотеатры и дома,
Кинотеатры и дома.
— Постойте, вы сошли с ума!
Трах! —
И нет цивилизации.
Снова — заросли акации.

Природа — храм.
Из храма
Вышел Абрам:
— Сара, посмотри, находка,
Это же как раз
Для нас...
Из земли торчит лебедка,
Проволока
И унитаз.

УТРЕННЯЯ ФИЛОСОФИЯ

Философ —
Теософ
Встает в шестом часу утра.
Поет на солнце, на воде
Мошкара.
В шесть часов
Теософ
Растворяется в природе.
Исчез...
Шумит зеленый лес!
И сотни
Солнечных
Полос
Его лужайки бороздят.
Козлы
Траву его едят.
Соорудив кривые козлы,
Два фавна
Режут поперек

Бревно.
Оно
Кричит от боли!
И зубы скалят
Два козла.
А мотыльки,
Жуки
И птицы –
Вся мошкара,
Как мишура,
В лучистом солнце шевелится...
И раздираемый на части
Лежит философ –
Теософ,
На припеке грея кости.
Сквозь дыры ветхого носка –
Нога
Чернее сапога.
Все – благо!
Истинный философ
Чужд
Семейных интересов.

НОЧЬ

На Тишинском рынке ночью –
Тишина.
В Замоскворечьи –
Ни души.
И на площади Свердлова
У колонн –
Никого.
Иду к заводу Лихачева.
Ни Лихачева,
Ни завода –
Вода
И больше ничего.

Лишь собака лает где-то
Возле Университета.

ПОСЕЩЕНИЕ

Кире

Ночью
Собрались в амбаре.
Всякой твари
По паре.
Архангел протрубил в трубу!
И вот посередине –
В исковерканной автомашине –
Сидит Христос –
Очки на лбу.
Живой Иисус
Читает лекцию
О боге
Ругает местные дороги,
Автоинспекцию,
Начальство
И налоги...
Вобщем, было решено,
Что на свете жить грешно.
Под знамена старой веры
Встали пенсионеры.
Запели на мотив "Катюши"
Псалм "Очищение души".
Глаза на лоб –
У Верки-дурочки!
Посередине –
На иконе –
Автомобильные очки!
В полутьме амбара
Засияла
Фара!
Толпа шарахнулась, заголосила...
Сказал, прощаясь, лектор
Виктор:
– Ждите страшного суда
Скоро.
Но вместо голода и мора
Сюда

Пришлю я прокурора!
Автомобиль задрал
Нос,
Дал
Газ,
Петровну зацепил крылом,
Полез
В пролом.
— Христос поскорее! —
Кричали все.
И видел пьяный возле клуба,
Как бог
Летел
На колесе,
Возносясь
В ночное небо.

БЫК

Подслеповатый Цыферов
На площади пасет
Коров.
— Куда тебя несет,
Холява?
Под троллейбус попадешь! —
Улыбается корова.
Гена высунул язык.
Тут к нему подходит бык.
Этот бык миролюбиво
Предлагает выпить пива.
Пошли в соседнюю пивнушку.
Бык выпил кружку.
Окосел.
Стучит о стол
Своим хвостом
И требует долива
Пива.
— Ах ты, говорит, корова!
Подбоченилась торговка.

Появилась поллитровка.
Выпил бык –
С ног
Брык!
Лежит
В луже,
Лижет
Осколки
Бутылки.
А Цыферов,
Обняв быка за шею,
– Я, говорит, страдаю!
– Я, говорит, тебя сейчас забодаю!
– Мы, говорит, мы-ык!
И потрясенный бык
Рыдает,
И звезды падают,
И спутники
Летают,
И совещаются преступники.

БОРОВ

О. Рабину

Сидоров
Решил зарезать борова.
Боров
При виде Сидорова
Все понял –
Закричал от страха.
Побежал,
Волоча по снегу брюхо.
Сидоров – за ним:
– Убью,
Мать твою!..
Боров
Припустился вдоль заборов.
Верещит отчаянно.
Удирая от хозяина,

Сало
Забежало
Во двор Егорова.
Сидоров их Егоров
Ловят борова.
Сидоров со свиньей
Разговаривает,
Держит нож за спиной,
Уговаривает:
– Мой хороший,
Мой родной...
Егоров по башке – поленом!
Хряк
Брык
В снег.
Сидоров прижал коленом
Брюхо,
В душу погрузил клинок,
Располосовал от уха до уха!
Вот как у нас!..
Кровь хлещет в таз.
И лежа в луже крови,
Похрюкивает боров.
Доволен другом Сидоров –
Помог ему Егоров.

КИРА И ГАШИШ

Кира
Накурилась гашиша,
Не соображает ни шиша.
Смеется, заливается!

Иодковский удивляется:
– Кира!
Что с тобою, Кира?

– Я – не Кира.
Я – Тамара!

Я – знакомая Сапгира! –

Взвизгнула так,
Что другое полушарие
Смутило биоток.
– Выключайте солнце!
– Начинаем танцы!
(Поехали китайцы, китайцы,
Китайцы...)

Эльвира
В образе японки
Смотрит на партнера –
Вора.

Улыбаются коленки:
– Хи!
Слабый пол
Свалился на пол.
Декламирует стихи.

Схватили вора.
Бьют Сапгира.

Обливаясь кровью, вор
Хохочет,
Клянется, что всех
Изувечит,
Как бог
Черепаху.
(Китайцы померли со смеху.)
Ура, китайские эмоции!
Предложение – в милиции.
Дело пахнет гашишом.
Гейша
Пляшет нагишом
На столе
Начальника паспортного стола!

Все тонет в волнах гашиша...

Лишь
Фигура Иодковского
Возвышается на площади Маяковского.

УТРО ИГОРЯ ХОЛИНА

На постели
Лежит
Игорь Холин –
Поэт
Худой, как индус.
Рядом Ева – без
Трусов.
Шесть часов.
Холин, закрыв глаза,
Сочиняет поэму
Экстаза: –
Му!
Ева
Лениво
Повернулась к нему:
– Холин, ты в своем уме?
– Мар!
– Мор!
Миру мир! –
Открылась дверь.
Вошел Сапгир.
Индус приветствует приятеля:
– Здорово!
Сапгир, полюбуйся, как Ева
Красива!
У бедняжки
Груди –
Пушки.
Гляди,
Какая линия бедра
У ней в седьмом часу утра. –
Сапгир глядит,
Как троглодит.

Он.
Поражен.
Мелькнул за углом...
Бежит в магазин...
Между тем
Игорь и Ева занялись тем,
Чем занимался с Евой
Адам.
Вернулся Сапгир, потрясает
Белоголовой
Бутылью.
Холин и Ева потрясают
Постелью.
Сапгира это потрясает.
Стекла окон сотрясает
Экскаватор.
– Тар!
Тор!
Таратор!
Ева говорит: – Кошмар!
Холин: – Моя поэма.
Ева говорит: – Мама!
Исчерпана тема.
Холин зевает.
Сапгир выпивает.
Ева
Не говорит ни слова.

МАРТ

Воздух стал нежней
И чище.
Люди умирают чаще.
Во дворе больницы
Радуются
Птицы.
Сапгир чирикает,
Танцует, прыгает.
Ведет себя развязно

Пустая оболочка.
К ноге привязана
Дощечка.
Вы догадались!
Сапгир, конечно, умер давно.
Вы тоже веселились,
Пили вино.
Вдруг
Чашка выпала из рук.
Плывете в незнакомый мир.
Впереди плывет Сапгир.
Здесь некоторые вещи
Кажутся гораздо проще.
Например:
Тело
Свободно проникает в стены,
Скалы
И древесные стволы.
Не пьет и не ругается,
Свободой наслаждается.
Здесь хорошо!
В тени берез
Прогуливается
Туберкулез.

ПАУК

Паук
Яков Петрович
Висел в углу уборной.
Человек
Яков Петрович,
Покакав,
Разразился речью бурной:
– Я человек!
Я представитель человечества!
А ты – паук.
Как ты смел присвоить имя-отчество?
– Я человек. –

Сказал паук. –
– Ах так!
Так значит, я – паук?!
Яков Петрович
Полез в паутину.
Яков Петрович
Вернулся в квартиру.
Представьте женщины испуг.
Жена глядит:
Сидит
Паук.
Молчит.
Надут,
Как Высший суд.
Звонок
Жужжит,
Паук
Бежит.
Взгляните,
Он в учреждении.
Сидит в отдельном кабинете.
Натянулись нити.
Все пришло в движение.
Забегали секретари.
На прием
Пришли цари.
Дверь –
На крючок.
Царь
Садится на толчок.
А в углу – паучок
Яков Петрович.
Он говорит царю,
Заплакав:
– Я Вам клянусь, как рыцарю!
Я – не паук.
Я – человек.
Я Вам серьезно говорю!
Вот я,
Вот вы,

Вот кабинет.
А пауков
На свете нет.

СУД

Беседую, как с другом,
С богом.
Но верю лишь своим
Ногам.
Они несут меня, несут
На площадь –
На Великий Суд.
– Что случилось?
Кого собираются вешать?
Отвечайте же скорее!
– Говорят,
Казнят
Еврея.
Спрашиваю одного героя:
– Неужели всех
Врачей? –
(Смех.)
– Рабиновича?
– Рабиновича.
– Абрамовича?
– Абрамовича.
– А Гуревича?
– И Гуревича
И Петрова Ивана Петровича...
Покосился этот тип
Холодный пот
Меня прошиб.
– Ты сам, случайно,
Не сектант?
Товарищи,
Интеллигент! –
Тут окончилась война
И началась такая бойня,

Что даже бог, –
Мой лучший друг
Никого не уберег.
У бога есть один дефект:
Его смущает интеллект.

ЯСНОСТЬ

А.Битову

Ясным утром – ясный мир.
Ясно,
Когда ты умер.
Ясно,
Когда родился.
Неясно одно,
К чему ты стремился?
На улице холодно,
Станет еще холодней.
Ясно,
Станет еще ясней.
Станет многое известно.
Ясно?
Стоят дома.
Торчат деревья.
Мелькают люди – суеверья
Озабоченного ума.
Уже – не осень,
Еще – не зима.
Город ясен.

17 октября

ПАМЯТНИК

Пьедестал.
На пьедестале
Стул.
На стуле

Всем на обозрение
Страшилище –
Влагалище
Косматится гривою гения.
Вокруг
Разбит цветник.
Приятель говорит приятелю:
– Это памятник
Писателю. –
Дебаты возле монумента.
Толпа окружила студента:
– Крикнул: Надоели!
Умер
На дуэли. –
Двое роняют на мрамор
Цветы.
– Люблю.
А ты?..
Поэты
Вышли из училища.
Поэты
Смотрят на влагалище.
Поэт сказал:
– Фигура гения
Во мне рождает вдохновение.

СОН НАЯВУ

Из конверта
Лезет морда
Леопарда.
На окне – решетка!
Некуда податься!
Может, это – чья-то шутка?
Только не пугаться,
Только не пугаться,
Сохранять равновесие
Духа.
Поэзия,

Спаси меня от страха!
Умирая от мигрени,
Я
Написал стихотворение.
Ну и что ж?
Куда уйдешь
С листком тетрадки?
Предъявите
Документы!
Предъявляю.
Все в порядке.
Прохожу в аппартаменты.
Это же – бомбоубежище!
Мне навстречу поднимается
Вежливейший служащий.
Лицо – печать!
Не отличить
От прочих лиц.
А на столе – невинный
Лист,
Из-под листа – крысиный
Хвост!

БАБЬЯ ДЕРЕВНЯ
(Поэма)

Белесоглазый, белобровый,
Косноязычный идиот.
Свиней в овраге он пасет.
Белесоглазый, белобровый
Кричит овцой, мычит коровой.
Один мужик в деревне. Вот –
Белесоглазый, белобровый
Косноязычный идиот.

Веревкой черной подпоясан,
На голом теле – пиджачок.
Зимой и летом кое в чем,
Веревкой черной подпоясан.

Он много ест. Он любит мясо.
По избам ходит дурачок
Веревкой черной подпоясан,
На голом теле – пиджачок.

Вдова – хозяйка пожилая
Облюбовала пастуха.
Собой черна, ряба, суха
Вдова – хозяйка пожилая.
Но сладок грех. Греха желая,
Зазвала в избу дурака.
Пылая, баба пожилая
Борщом кормила пастуха.

Урчал. Бессмысленно моргая,
Таращил мутные глаза.
Так чавкал, что хрустело за
Ушами – и глядел, моргая.
Как сахар, кости разгрызал.
Пил молоко, как пес, лакая.
Насытился. Сидит, рыгая.
Как щели, мутные глаза.

Как быть, что делать бабе вдовой?
Он – как младенец. Спит пастух.
Тряпья, капусты кислый дух...
Как быть, что делать бабе вдовой?
Она глядит: мужик здоровый,
Литая грудь, на скулах пух.
Как быть? Что делать бабе вдовой?
В ней кровь разбередил пастух!

Вдруг ощутила: душит что-то.
Все учащенней сердца стук.
Босая – к двери. Дверь – на крюк!
К нему! Упало, брякнув, что-то
И разбудило идиота.
В его мычании – испуг.
– Не бойся! – жарко шепчет что-то.
Все учащенней сердца стук...

Ночь. Ночь осенняя глухая
Все холоднее, все темней.
На лампу дует из сеней
Ночь, ночь осенняя, глухая.
В садах шуршит листва сухая.
Черна деревня. Нет огней.
Ночь! Ночь осенняя глухая
Все холоднее, все темней.

Спит на полу и на полатях.
Ворочается на печи.
Как печи, бабы горячи.
И девкам душно на полатях.
Там сестры обнимают братьев
Среди подушек и овчин.
Возня и вздохи на полатях.
Томленье, стоны на печи.

Парней забрили. Служат где-то.
Мужья – на стройках в городах.
В тайге иные – в лагерях.
Иных война пожрала где-то.
Зовут их бабы! Нет ответа.
Деваться девкам не-ку-да!
В солдатах парни, служат где-то
В столицах, в дальних городах

Тоскуют бедра, груди, спины.
Тоскуют вдовы тут и там.
Тоскуют жены по мужьям.
Тоскуют бедра, груди, спины.
Тоскуют девки, что невинны.
Тоскуют самки по самцам.
Тоскуют бедра, груди, спины –
Тоскуют, воя, тут и там!

И лишь рябая – с идиотом.
Лежат, обнявшись. Дышит мгла.
Сопит. В любви рябая зла.
Блудит рябая с идиотом.

Лампадка светит из угла.
Христос с иконы смотрит: кто там?
А там – рябая с идиотом.
Сопит и трудно дышит мгла.

Вот лопоухий, редкобровый,
Шерстистолбый идиот.
Уснул, открыв слюнявый рот.
Вот лопоухий, редкобровый
Урод. Но сильный и здоровый.
Один мужик в деревне. Вот,
Вот – лопоухий, редкобровый
И вислогубый идиот!

Александр Кондратов

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ

СОГЛЯДАТАЙ

1.

Он ничем не отличался от всех остальных жителей нашего тихого города. Даже напротив: если у Нигагосова была звучная фамилия, а у Крысова сумасшедший брат, то Елкин был совсем неприметен. Таково было общее мнение. Главный бухгалтер Наметченко, имевший высшее образование, прозвал Елкина "Акакием Акакиевичем". Поскольку же произнести слова "Акакий Акакиевич" было трудно, вся наша контора за глаза называла Елкина просто "Акакием", а нахал Анушкин говорил даже "Какий".

Елкин был холост, не имел он и страсти к выпивке, и когда по субботам мы ходили пить пиво к Борисову, Елкин, получив приглашение, всегда отказывался, ссылаясь на плохое самочувствие (как правило – на головную боль или грипп). Что он делал по субботам? И чем занимался в другие дни, в свободное от работы время?

Многие пытались узнать это, но увы, все попытки оказывались безуспешными. Ясным было одно: Елкин не гулял по вечерам по главной улице нашего города, не пил, не курил, по

вечерам запирался у себя дома, но в то же время не был радиолюбителем или книголюбом. Книг он не покупал и даже не был записан в городской библиотеке.

Вот именно это отсутствие интересов и ставило в тупик. Все в нашей конторе (а, вероятно, и не только в нашей) безуспешно ломали голову, пытаясь узнать: чем же занимается Елкин у себя дома?

Главбух Наметченко говорил, что, подобно гоголевскому Акакию Акакиевичу, он переписывает ведомости. Но даже по тону Наметченко было видно, что он говорит это лишь затем, чтобы лишний раз подчеркнуть свое высшее образование. Главбуха не интересовала всерьез личная жизнь Елкина, ибо у самого Наметченко была красивая жена из пригорода столицы.

Случись это восемь лет назад, когда в моде была бдительность, Елкин непременно угодил бы в число подозреваемых: ведь именно такие – тихие и без личной жизни – могли быть самыми опасными агентами иностранных держав. Но времена подозрений прошли и считать Елкина шпионом не решался даже (...)* Хрычов, хотя однажды он и высказал подобное предположение (впрочем, им же самим и отвергнутое).

Тихий и безответный Елкин продолжал оставаться загадкою для всей конторы, а вскоре, поскольку наш город был не так уж велик, почти для всех его обитателей. Чем он занимается у себя дома? Кто он такой – человек, который не пьет по субботам пива, не заводит знакомств и даже не выходит по вечерам на главную улицу города погулять?

2.

Больше всех загадка Елкина тревожила Хаецкого. О том, что он установил длительную и умелую слежку за Елкиным, мы узнали гораздо поздней...

На улице было прохладно. И поэтому каждый, возвращавшийся в тот вечер от Борисова, оделся потеплей. На Хаецком был светлый плащ. Не будь его, быть может, мы так никогда бы и не узнали всей правды, которую, впрочем, мы

*В рукописи неразборчиво. – Прим. ред.

не знаем во всех деталях и по сей день, а, весьма возможно, так никогда и не узнаем.

Распрощались мы с Хаецким на улице Пушкина. Он свернул в переулок, а мы пошли дальше: Оськин, Боков и я. Хрычов, которого я недолюбливал, остался у Борисова еще на полчаса (так объяснил нам сам Борисов).

Пройдя квартал, Оськин вдруг вспомнил, что забыл взять у Хаецкого портсигар: он собирался показать его своему начальнику в понедельник и потому не мог оставить его у Хаецкого, так как в воскресенье с утра рассчитывал поехать на охоту в сосновый бор.

Сначала Оськин крикнул: "Хаецкий!" – но, конечно, не получил ответа, поскольку Хаецкий был уже далеко. Если бы Оськин не был таким толстым, он бы догнал Хаецкого сразу же. Но поскольку Оськин был очень толст, ему не оставалось ничего другого, как предложить всем нам пойти и догнать ушедшего Хаецкого.

Время было не такое уж позднее, без двадцати одиннадцать, и потому мы все согласились сопровождать Оськина, тем более что за последние месяцы в нашем городе не замечалось ни убийств, ни грабежей.

Мы шли не торопясь, рассчитывая пересечь дорогу Хаецкому возле самого его дома, ибо когда он сворачивал в переулок, прощаясь с нами, то шел не кратчайшей дорогою через улицу Бархударова. Это, конечно, показалось бы весьма и весьма странным, не объясни Хаецкий, что он делает такой крюк исключительно в интересах своей печени и хорошей погоды.

Каково же было наше удивление, когда мы простояли на месте предполагаемой встречи и пять, и десять, и пятнадцать минут! Стоять двадцать минут мы не отважились, так как было достаточно прохладно. Боков предположил, что Хаецкий пришел домой раньше, чем мы вышли на перехват. Но тут же опроверг себя, заметив, что в таком случае в окне Хаецкого горел бы свет.

На всякий случай мы еще раз взглянули на дом, в котором жил Хаецкий. Нет, окно было по-прежнему черно. Хаецкий домой не приходил... Но где же он? В магазине? Слишком поздно; все магазины в нашем городе закрывались в десять часов вечера, не поздней. У Борисова? Тоже нет, ибо тогда мы

непременно увидели бы его. Зашел к какому-то приятелю? Нет, это было невозможно, ибо на его пути – который мы отлично знали – не проживал никто из наших общих знакомых.

И вдруг толстый Оськин обрадованно воскликнул: "А!" – и когда мы повернулись к нему, добавил: "Я знаю, где он. Пошли!" – и, перейдя на шепот, закончил объяснение:

– ЕЛКИН.

3.

Я не знаю, чем объяснить тот несомненный факт, что мы тотчас же поняли друг друга. Поняли, не говоря ни слова, поняли так надежно и быстро, как ни за что бы не сумели понять, объяснись мы с помощью слов. Сосредоточенно и молча, дойдя до Бархударова дом 39, где жил Елкин, мы разделились. Оськин и Боков пошли в обход дома, один влево, другой вправо. Я же подошел прямо к калитке и, осторожно открыв ее, вошел во двор.

Собаки во дворе не было, я это отлично знал. И тем не менее чувство тревоги (и даже легкого страха) ни на секунду не покидало меня, когда я приближался к дому Елкина. Дом находился в глубине двора. В окне горел свет.

Приблизившись метров на десять, я различил очертания человеческой фигуры, прильнувшей к освещенному окну.

Я уже хотел крикнуть: "Хаецкий!" – ибо знал, что Боков и Оськин вот-вот должны подоспеть с флангов. И в тот же миг вспомнил, что на Хаецком был светлый плащ, в то время как человек, подсматривавший в окно, был одет во что-то темное. Это был *не* Хаецкий! Но ведь ни Оськин, ни Боков не могли столь быстро успеть к окну. Кто же это?

Дверь дома, где жил Елкин, отворилась, и оттуда вышел человек, одетый в светлый плащ.

Я едва не закричал: "Хаецкий!" – чем, конечно, мог бы погубить себя, так как и Хаецкий, забравшийся в чужой дом, и неизвестный, следивший в окно, вряд ли бы отнеслись дружелюбно к непрошенному свидетелю.

Хаецкий, очевидно плохо ориентируясь в темноте после пребывания в ярко освещенной комнате, прошел, так и не заметив меня, в каких-нибудь пяти-шести метрах и, потыкав

калитку, вышел на улицу. Моему изумлению не было границ, когда в человеке, следившем за Хаецким, я узнал... Елкина!

Сомнений в этом быть не могло. Убедившись, что Хаецкий покинул дом, он довольно хмыкнул елкинским голосом и вошел в свой дом. Я не замедлил занять наблюдательный пункт у окна.

Конечно же, это был Елкин! Войдя в комнату, он сразу же подошел к столу, где были разбросаны какие-то бумаги. Елкин принялся собирать их в папку, странно улыбаясь (на службе он никогда так не улыбался – вряд ли бы кто мог поверить, что тихий Елкин способен на такую улыбку!). А я, окончательно убедившись, что это Елкин, бросился бежать вслед за Хаецким, на бегу думая о том, куда же все-таки пропали Оськин и Боков?

Хаецкий не мог далеко уйти за это время. И в самом деле, я вскоре заметил его светлый плащ. Вот он свернул с Бархударова на улицу Пушкина и... я увидел, как из-за угла появился Оськин и неожиданно схватил Хаецкого за плечи, громко крикнув:

– Где был?

Я пожалел, что не увидел лица Хаецкого в эту минуту. Он как-то по-заячьи вскрикнул, рванулся изо всех сил и, вырвавшись, пустился бежать, несмотря на летящие вдогонку вопли Оськина:

– Портсигар! Верни мой портсигар!

Я знал, что Хаецкому вряд ли удастся скрыться, ибо дальновидный Боков наверняка поджидает его у ворот его, Хаецкого, дома в Мухобоевском переулке.

Не медля ни секунды, я тоже побежал, торопясь успеть к началу объяснения, которое – я был уверен в этом – произойдет у Хаецкого с Боковым возле калитки, так как вряд ли Хаецкий, имея жену и двух детей, решится вести разговор в присутствии своей семьи.

4.

Я не ошибся. Еще издалека, свернув в Мухобоевский переулок, я различил светлый плащ Хаецкого. Когда до дома оставалось метров десять, Хаецкий перешел на быстрый шаг,

затем замедлил и его и на ходу стал делать дыхательные упражнения. Я сразу догадался, что он хочет избежать объяснения с домашними, которые неизбежно бы заинтересовались причиною его тяжелого дыхания, причиной его бега.

Прижавшись к стене (луна, к счастью, скрылась за облаком), я стал красться к дому Хаецкого. Когда он стал так близок, что можно было отчетливо слышать выдохи Хаецкого "хы-х-хыы" и глубокие вдохи "хх-хху!", я увидел, как возле калитки выросла новая фигура, в которой, приглядевшись, нетрудно было признать Бокова. Очевидно, он уже давно ждал, присев и скрывшись в глубокой тени забора.

– Хаецкий, – негромко сказал он, – Хаецкий!

Хаецкий вздрогнул, хотел побежать... и тут же вернулся. Бежать было некуда. Боков был со свежими силами. К тому же время близилось к полуночи, и домашние Хаецкого были вправе обеспокоиться его долгим отсутствием.

– Хаецкий, – повторил Боков, – где ты был? – и подошел вплотную. – Где ты был?

– Я? У Борисова... У Борисова, как и все. Ты же сам там был, ты же знаешь.

Было ясно, что Хаецкий будет отпираться, врать. Ни я, ни Боков не верили ни единому слову.

– Тогда спокойной ночи, тебя дома ждут, – сказал Боков (и я подумал: "Молодчина!"). Затем, протянув руку Хаецкому, Боков сказал:

– Ну, пока.

– Пока, – сказал Хаецкий печально.

Они стояли молча минут шесть, не менее. Я вышел из укрытия и сказал:

– Вот и я.

5.

Боков ничуть не удивился моему возникновению. А Хаецкий даже сказал:

– Давно пора. Замерзли ждать. Имей совесть.

Я начал сразу:

– Хаецкий! – и тут же заметил, что мой голос слегка звенит. – Хаецкий! Мы понимаем твою шутку (я нарочно сказал

”мы”, для устрашения). Ты ни за кем не следил, мы тоже пошутили. Мы...

Тут я заметил крадущегося Оськина, который был слишком толст, чтобы красться бесшумно.

– Мы просто-напросто хотели, чтобы ты вернул Оськину его портсигар. Подходи, Оськин, – добавил я погромче, – хватит шутить.

Поняв, что трюк не удался, и ничуть не огорчившись из-за неудачи, Оськин кашлянул и спокойно подошел к нам. Хаецкий, как ни в чем не бывало, вынул портсигар.

– Возьми, Оськин, – сказал он просто. – Возьми свой портсигар, благодарю. Он больше мне не нужен.

– Угу, – ответил Оськин, пряча собственность в карман.

Помолчали.

– А теперь, – сказал внимательно слушавший и наблюдавший Боков, – пора идти по домам. Правда, Хаецкий?

Хаецкий изменился в лице, поняв, что от нас ему не уйти. Ни от Бокова, ни от меня. И даже толстый Оськин, которому завтра с утра надо ехать за город, – и тот будет упорно стоять на месте, терпеливо ждать, в желании *узнать*.

– Хорошо, я согласен, – глухо сказал Хаецкий после долгого молчания. – Вот эти бумаги. То есть копия.

– Те самые, что ты смотрел у Елкина? – опередил мой вопрос Оськин, и я изумился его осведомленности.

Молчаливый Боков, очевидно знавший больше всех, приказал Хаецкому:

– Читай вслух.

У Хаецкого заметно дрожали руки. Лист бумаги, соответственно, также дрожал.

– Может, отложим до завтра? – предложил он робко, прекрасно понимая и сам, что это невозможно, ибо за ночь он может подменить документ. – Может, завтра утром соберемся все и прочитаем? А то темновато сейчас.

– Читай, читай, – сказал Оськин несколько нахально. – Читай, что там рассусоливать. Я с утра на охоту уезжаю. А если темно – отойдем к фонарю.

Голос Хаецкого также задрожал, едва он принялся читать копию бумаг Елкина. Сбившись в тесную кучку, мы внимательно следили за чтением, слово за словом выверяя своими

собственными глазами: насколько правильно читает Хаецкий текст.

6. Текст

"*Философия цветного телевидения* (подчеркнуто). Дальномер. Разница минусов (конспективно). Жизнь как один из выводов нуля – жизнь во вселенной. Параграф первый (знак §). Агентура космоса и сбор необходимых сведений. Город Энск. Плотность населения (4 семьи на один дом). Список сослуживцев (предварительный):

Наметченко
Кондратов
Нигагосов — необходимо составить схему!
Анушкин
Крысов
я.

СВЯЗИ СОСЛУЖИВЦЕВ (семейные, деловые, ментальные). В скобках: пока не уточнил; пьют пиво у Борисова – в субботу. *Завсегдатаи:* Хрычов, Хаецкий, Боков, Оськин, Кондратов, Анушкин (редко); Нигагосов (лишь в последнее время). *Редкие посетители:* Васюточкин, Холоднов, Кириллов, Плотник, Камянин, Уваров, Ежеченко, Юдин, Сомов, Кренкель, Вербицкий. *Случайные гости:* Мартышкин, Воронов, Зальцбург, Красновский.

План вербовки: (выделен и подчеркнут).

Первые агенты: Кириков, Хаецкий, Сомов.

Нужные люди стоят на местах (!)

– Вот и все, – сказал, закончив чтение, Хаецкий.

Но мы и без него видели, что все. Текст кончился.

– Вот и все, – повторил Хаецкий еще раз. – Текста больше нет. Все!

Мы помолчали, правда, очень недолго. Боков сухо спросил:

– А где был Елкин?

– Бумаги лежали на столе. Разложены. А Елкин... Елкин.

Очевидно, Хаецкий был бледен. Но это трудно было заметить при свете вышедшей луны, тем более – под фонарем, светившим тускло.

– Елкина не было. Комната была открытой. Я там в первый раз.

И тут я вспомнил, *где* был Елкин! Он специально оставил открытою дверь, он следил за Хаецким и подсунул ему бумаги. Он вербовал Хаецкого. *Хаецкий – завербован!*

Эта мысль, словно молния, осветила все. Загадки кончились. Я старался говорить как можно медленней и все-таки перешел в конце фразы на крик:

– Он *вербовал* тебя, Хаецкий! Он нарочно впустил тебя в комнату.

Боков понимающе кивнул, и я окончательно убедился, что и он видел, как Елкин следил через окно.

– Что же мне делать? – воскликнул, чуть не плача, Хаецкий.

Боков сказал сурово:

– Пойти в органы и рассказать.

– О чем?

– О плане вербовки.

– Его?

– *Твоей*!

Хаецкий был растерян. Он мыкался вокруг столба, и мне было немножко жаль его. Оськин дрогнул первым:

– Может, подождем до понедельника? – сказал он примирительно-спокойно. – Может, Елкин просто дурачился. А может, просто псих. Поживем увидим. Рано сообщать в органы. Нет улик. – И, помолчав, Оськин добавил, посмотрев на часы:

– Домой пора. Без десяти двенадцать.

На моих часах было даже без восьми минут. Пожав руки, мы поспешно разошлись по домам. И я, и Хаецкий, и Оськин, и Боков были женаты, а двое последних имели детей. Кроме того, Оськин, как обычно, собирался выехать рано утром на охоту, в сосновый бор.

7.

Я так и не узнал, каким образом эта история стала известна Елкину. Следил ли он за нами той памятной ночью, предупредил ли его, не выдержав, Хаецкий, проболтался ли толстый Оськин или же его информировал обо всем загадочный Боков, который, будучи сообщником, настаивал на сообщении в органы лишь с тайной целью законспирировать себя.

Так или иначе, Елкин покинул наш город на следующий день. И, как я догадывался, – навсегда.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ

1.

В этом не было ничего предосудительного: прийти в читальный зал. Но тем не менее Хрычов два раза сделал крюк по пути к библиотеке. Вряд ли кто отважился следить за ним в четыре часа дня, когда все было отлично видно (тем более в субботу, когда он, Хрычов, не устав от рабочего дня, мог быть особенно бдительным и зорким; следить за ним в субботу днем было бы просто безумием). И тем не менее Хрычов шел по самым пустынным улицам и часто оглядывался, однако всякий раз не замечал ничего подозрительного.

Читальный зал был почти пуст, и Хрычов знал об этом заранее: он специально шел в такое время. Чтобы не вызвать подозрений, запись в читальный зал городской библиотеки была сделана заранее, месяц тому назад. Хрычов сказал, стараясь говорить как можно ровнее:

– Журнал "Искусство", за этот год. И журнал "Наука и религия". Тоже за этот.

Когда журналы были получены, Хрычов оглядел зал. У окна было слишком людно. У двери могли застать врасплох. Хрычов направился в дальний полутемный угол. Сев за стол, он не торопился читать журналы... Полистав для вида один из номеров "Искусства", он окончательно убедился, что знакомых в зале нет. Впрочем, их и не могло быть. Хрычов не мог представить себе в читальном зале Хаецкого или толстого Оськина, или Бокова, или Борисова. Если же они появились

бы здесь, значит... Нет, в зале не было никого, кроме студентиков местного пединститута и двух-трех пенсионеров. Хрычов нарочно выбрал место как можно дальше от них: он не доверял пенсионерам.

Подождав минут шесть, Хрычов встал и направился к библиотекарю.

– Пожалуйста, – сказал он чуть хрипло и протянул журналы. – Теперь "Знание – сила" и "Искусство кино".

Получив журналы, Хрычов вернулся на место – и повторил процедуру обмена через пять минут... Лишь через полчаса, в четвертый раз меняя журналы, Хрычов спросил журнал "Природа" и, для маскировки, – "Вестник цирка".

Бдительность Хрычова удвоилась, когда он стал листать "Природу". Страница 8... 10... 12... Вот она! Он небрежно пролистнул еще одну страницу. Остановился, чтобы присмотреться. Слежки не было.

– Отсутствует, – подумал он, – отсутствует.

И, чуть позже, снова подумал:

– Пока.

Хрычов не решался взглянуть на страницу 14, туда, где была вклеена карта обратной стороны Луны. Просунув ладонь между листами журнала, осторожно потянул карту к себе... Сильнее... Еще! Чуть слышный треск бумаги показался ему громом... Еще! Есть!

Хрычов сделал вид, будто читает журнал. "Межпланетная автоматическая станция... совершила беспримерный научный эксперимент. В заранее определенный, удобный момент..."

Хрычов еще раз оглянулся. Момент был удобным. Быстрым движением он вытащил из-под страниц журнала вырванную карту и спрятал ее в карман...

"Повернулась к невидимой с Земли стороне Луны, сфотографировала ее, обработала пленку, а затем передала изображение на Землю..." Хрычов захлопнул журнал. Потом встал, собрал остальные журналы и вновь совершил обмен: на этот раз на "Физкультуру и спорт" и "За рулем". Часы показывали без десяти пять. Хрычов полистал журналы до двадцати минут шестого, а затем покинул читальный зал. Луна была в кармане – карта обратной стороны Луны.

Домой Хрычов шел окольною дорогой, снова пустынными переулками (но уже – другими) и неоднократно оборачи-

вался, чтобы убедиться, что за ним не следят. Он нарочно ушел из читального зала засветло: так легче заметить возможную слежку.

2.

Как обычно, пиво пили у Борисова: была суббота. За исключением Хаецкого, собрались все. Хаецкий же после неожиданного отъезда Елкина стал необыкновенно мнителен, избегая не только компаний, но даже встреч на улице. Об этой-то странной перемене и шла речь за пивом.

Борисов рассказал о своей встрече с Хаецким в магазине (два часа назад), куда он ходил покупать пиво. Хаецкий был нездорово желт и на вопрос "Придешь сегодня, на пиво?" не ответил, а только отрицательно помахал рукой, как будто бы он был чем-то испуган или за ним следили.

Хрычов предположил, опасливо поглядев на окна, не стал ли наш Хаецкий шпионом после внезапного отъезда Елкина (ведь Елкин-то наверняка агент!), на что Борисов, как хозяин дома, поспешил ответить: "Политика – не наше дело, наше дело маленькое, им видней" – и запел песню "Выйду ль я, выйду ль я", которую не замедлили подхватить все остальные, в том числе и Хрычов (одним из первых). Попев с полчаса, мы снова стали пить пиво, а вслед за тем вернулись к теме "Хаецкий".

Анушкин предположил, что Хаецкий, возможно, психически болен, но Васюточкин, работавший в поликлинике номер два, опроверг эту гипотезу. И вдруг, совершенно неожиданно для всех нас, хозяин – Борисов – в самом разгаре дискуссии о Хаецком стал говорить... о Луне.

Сначала его никто не понял. Тогда Борисов объяснил, что, во-первых, Луна не так уж и далеко, во-вторых (а вдруг?), обитаема, ибо (и это в-третьих) на ней никто не побывал. Ведь даже обратную сторону Луны удалось сфотографировать совсем недавно, о чем все мы читали. В журнале "Природа", – заключил Борисов, напечатана очень подробная карта обратной стороны Луны.

Оськин, для поддержания разговора, заметил, что теперь у Луны есть сын, ракетный "лунник", а лысый Нигагосов за-

тянул громким голосом песню о Луне, очень странную. В нашем городе ее никто прежде не слыхал, и Нигагосов, кончив петь, заметил в оправдание, что он сам слышал эту песню один раз, от случайного попутчика, в поезде, когда ездил отдыхать на юг в прошлом году.

Анушкин хотел закончить разговор о Луне фразой ”Да ну ее к лешему!” и вернуться к волнующей теме ”Хаецкий”, но Борисов очень ловким ходом перебил его, ответив:

– Как это к лешему? Смотрите! – И, подойдя к окну, распахнул его, вновь повторив: – Смотрите!

В окне сияла полная луна. Были видны неровности на ее диске, похожие на горы: ученые утверждали, что это и в самом деле так. Борисов сказал:

– Давайте-ка выйдем на улицу, посмотрим как следует. Заодно и за пивом сходим. Да и комната проветрится – накурили здорово.

Пиво и в самом деле кончилось. Дым в комнате стоял столбом. Все охотно выразили желание выйти и посмотреть луну. Все – за исключением Хрычова. С ним происходили странные перемены. Насколько детально-горячо обсуждал он поведение Хаецкого, настолько же стал замкнутым и мрачным, как только разговор перешел на проблему Луны. А когда Борисов предложил выйти на улицу и посмотреть на нее, Хрычов заметно вздрогнул, что, разумеется, увидели все присутствовавшие у Борисова в тот вечер.

Борисов вышел из дому последним и долго возился с замком. Чтоб не терять времени даром, мы стали смотреть вверх, на луну. Только Хрычов стоял поодаль и принципиально смотрел вниз, на свой ботинок. Любивший глупые шутки Оськин незаметно подкрался к Хрычову и крикнул:

– Смотрите! Движение на Луне!

Хрычов от удивления, кажется, даже подпрыгнул, что при его возрасте – по паспорту 51 год – выдавало явный испуг. Увидев же, что Оськин просто подшутил над ним, он хотел было выругаться – и, наверняка, цинично, грязно, но подоспевший Борисов примирительно сказал: ”Ну, ну”, – и, глядя вверх, мечтательно добавил:

– А вот бы поглядеть обратную сторону Луны!

Хрычов сделал шаг назад. Его руки заметно дрожали. Борисов же продолжал, как ни в чем ни бывало:

– Хотя бы карту какую-нибудь достать. Случайно, ни у кого нет?

Хрычов не выдержал. Все смотрели на него – и только на него. Скрываться дальше не имело смысла. Он сунул руку в карман и вынул белый лист, сложенный вчетверо.

– У меня есть, – сказал он, тщетно пытаясь подавить дрожь в голосе, имитировать небрежный тон. – Счастливая случайность. Я давно хотел показать, да забыл. Сынишка из школы принес. Географию учит...

Всем было известно, что у пятиклассника не может быть карты обратной стороны Луны. Хрычов же твердил:

– Думаю, дай покажу сегодня вечером. Люблю Луну – небесное светило. Спутник Земли. И как это я запамятовал – ума не приложу!

– Бывает, – нейтрально сказал Борисов и взял карту из дрожащих хрычовских рук. – Бывает.

– И не такое бывает, – подхватил ехидный Боков, – с Елкиным, например, кто б мог подумать?

Борисов развернул карту. Мы столпились вокруг нее. Лишь Хрычов стоял поодаль, позорно твердил:

– Я так и знал, что всем вам будет интересно, я так и знал, правда, так вот и думал, так и знал...

Все было ясно и без хрычовских слов. Я заметил, что Борисов с большим трудом сдерживает победную улыбку.

ФЕНОМЕН "ПСИ"

1.

Вначале я решил, что это было сновидением. Но когда Нигагосов угадал мои мысли и во второй, и в третий раз, я испугался. Впрочем, было и от чего. В четверг, возвращаясь домой в половине восьмого (задержали на собрании), я подумал о том, что жена будет недовольна задержкой и может подумать

Бог знает что. Нигагосов, который шел чуть впереди, обернулся и сказал:

– И моя жена тоже.

На следующее утро на службу опоздал Хаецкий, и я решил, глядя на пустующее место, что Хаецкий непременно получит выговор от старшего бухгалтера Наметченко, который, как всем было известно, весьма не любил, когда подчиненные приходили на службу позже него (у Наметченко, единственного в нашей конторе, имелся диплом о высшем образовании, и все это знали).

Нигагосов сделал мне знак рукою и, когда я наклонился к нему, прошептал:

– Я тоже так думаю. Выговора Хаецкому не миновать!

Я вздрогнул. Но лицо Нигагосова было спокойно и доверчиво; он и вида не подал; казалось, чтение мыслей являлось для него самым обычным делом. Когда же в контору вошел Хаецкий – с чудовищным опозданием на полтора часа! – я подумал, глядя на приподнявшегося в гневе Наметченко: "Ну, Хаецкий, пропал!", – Нигагосов понимающе кивнул и повторил, все так же шепотом, мои мысли:

– Ну, Хаецкий, пропал!

Вот тогда-то я почувствовал страх. Правда, сначала он был маленький, слегка удивленный: откуда Нигагосову известны мои мысли? Этот страх сменил другой, более веский: с какою *целью* он их узнает? Было очевидно, что Нигагосов делает это не просто так. С другой стороны, хотелось верить, что он, быть может, редкий феномен, – феномен, не сознающий своей феноменальной способности, только и всего.

Я знал, что Нигагосов с давних пор живет в нашем городе, чуть ли не с двух или трех лет (можно было бы узнать и поточней, но это не имело смысла), имеет жену и двух детей, Гришу и Владика. Он ходил к Борисову пить пиво, правда, раньше не так часто, как за последнее время. Подозрительных странностей Нигагосов не имел (не чета сбежавшему Елкину!). Впрочем... Как-то в субботу, за пивом, года два тому назад, он рассказал мне, Хрычову и Хаецкому (Оськин, Борисов и Боков не слушали или, может быть, делали вид, будто не слушают, а играют в карты) о том, что в детстве, в школе, он имел странную привычку – странную, а, пожалуй, даже

просто дурную: сталкивать детей, наклонившихся на лестничных перилах, в пролет; за что его часто и строго наказывали.

– Они как будто провоцируют, – говорил Нигагосов нам, вытирая лысину платком с инициалами Н. Я. – Мне и сейчас порой бывает трудно удержаться. Но боюсь: посадят.

В тот вечер Нигагосов был заметно пьян, от пива и от песен – было две новых: "Гулевой" и "Зачем-то". С тех пор прошло более двух лет. Никаких других странностей за Нигагосовым не наблюдалось, хотя мнительный Хрычов, узнав об удивительной наклонности (которую не замедлил назвать "преступною"), следил за поведением Нигагосова более двух месяцев – впрочем, безрезультатно.

Нет, во всем остальном помбух Нигагосов был самым обыкновенным человеком. И в то же время он *знал – знал мои мысли!* В два часа дня, после обеденного перерыва, я подумал: читает ли он мысли других с такой же легкостью, как и мои? И *говорит* ли он об этом?

Сомнения и страхи не утихали ни на минуту. К четырем часам меня словно обожгла новая мысль: а не следит ли Нигагосов и *сейчас* за мною? Может, он читает мои мысли, мои страхи вот теперь, сию секунду? Ведь от него не спрятаться, не скрыться. От него ведь ничего не утаить!

2.

Следить друг за другом, незаметно следуя по другой стороне улицы или заглядывая в окна, или карауля возле дома, или каким-либо иным способом, было самым обычным занятием в нашем городе. Более того: это считалось почтенным занятием, особенно после того как был пойман (семь лет назад) человек, имевший сходство со шпионом. Его выследил ныне покойный В. М. Попов и сообщил органам дознания; дальнейшая судьба задержанного осталась неизвестной; Попов до самой смерти (наступившей, как утверждал Хрычов, от сифилиса) ожидал награды "за поимку врага" (но безрезультатно).

Не раз и не два, оглянувшись, я обнаруживал за своей спиной крадущегося Хрычова или Оськина, а однажды, задержавшись у Борисова до полуночи и возвращаясь домой, я

обнаружил, что за мною следят сразу трое: Хаецкий, Боков и Портнов, человек малоизвестный, который пробыл в нашем городе два месяца, а затем спешно уехал (как он утверждал – в столицу, что, впрочем, было весьма сомнительно).

Приходилось вести слежку и мне. Так например, месяца два назад я выслеживал Елкина и Хаецкого – хотя, впрочем, за ними следили и мои старые знакомые Оськин и Боков; в последние же дни я намеревался выяснить взаимоотношения Хрычова и Борисова – они стали чересчур странными после истории с картой обратной стороны Луны (в тот памятный вечер Борисов не вернул Хрычову карты, а лишь многозначительно сказал: "Заходи завтра, поговорим"; разговор их остался в тайне, хотя Хаецкий выследил Хрычова до самых дверей борисовской квартиры, а я около двух с половиною часов продежурил у окна, пытаясь подслушать разговор, – но тщетно).

Но все виды слежки, самой умелой, самой тщательной, бледнели перед теми поистине сказочными возможностями, которые предоставил Нигагосову его поразительный дар. И по мере того как я убеждался в телепатических способностях помбуха, в моем сознании рос томительный, сосущий страх, завершившийся к концу рабочего дня паникой: Нигагосов и *сейчас* следит *за всеми – и знает все!* Все мысли, все поступки и, что еще хуже, – все намерения и планы! Быть может, он записывает их, ведет строгий учет, сопоставляет, контролирует. Нигагосов, может быть, держит весь город под контролем. Зачем? Вот в чем проклятый вопрос!

Краем уха я где-то слышал, что способностью чтения мыслей обладают психически больные. Может, и Нигагосов такой? Если это так, ему ничего не стоит истребить меня, стоит только подумать о нем плохо – или даже просто рассказать кому-нибудь о его телепатических способностях. Нет, лучше молчать, молчать, как молчит Хрычов о своих странных отношениях с Борисовым, молчать, потому что...

И тут до меня дошло *главное:* вся контора, весь город, все, кто собирается по субботам пить пиво у Борисова, – все, все знают о Нигагосове, но, подобно мне, боятся говорить об этом вслух. И может быть, я – последний в нашем городе, кто ничего об этом не знал. Нигагосов поймал последнюю жертву! Теперь он держит в своих руках *всех!*

Когда я взглянул на часы, они показывали без десяти минут пять. Нигагосов сказал главбуху Наметченко:

– Пора кончать, Александр Григорьевич!

Я сразу понял его ход: снова он достигал сразу трех целей – во-первых, заканчивал работу, во-вторых, читал мысли главного бухгалтера (давая ему понять это) и, в-третьих, окончательно убеждал меня в своем могуществе, наглядно подтверждая мои страхи о том, что мысли всех обитателей нашего города для него, для Нигагосова, открытая книга...

Когда мы возвращались домой, на улице Пушкина отделились Анушкин и Хаецкий (Наметченко ограничился предупреждением, но выговора почему-то не объявил). Мы остались вдвоем – я и Нигагосов. Сначала мы шли молча. Потом Нигагосов сказал спокойным голосом:

– Не надо волноваться. Это вредно. Все идет своим чередом, так, как и должно идти. Нужные люди стоят на посту. Ничего страшного. Ручаюсь. До завтра. – И с этими словами свернул в переулок Блохина, где он жил в большом пятиэтажном доме, единственном в нашем городе. (Полгода назад там был найден убитый, личность которого так и не удалось установить: он был размозжен).

Я никак не мог понять, кого имел в виду Нигагосов, говоря "нужные люди". Значит, он, Нигагосов, не один? Может, он имел в виду Борисова? А теперь в числе "нужных людей" состоит и завербованный Борисовым Хрычов и даже Хаецкий? Целый заговор. Против кого? Зачем?

Я знал свое бессилие. Я знал и худшее, гораздо худшее. Нигагосову ничего не стоит прочесть мои мысли на расстоянии. И он, наверное, читает их сейчас!

КОЛОКОЛЬЦЕВ

Быть может, все это не показалось бы таким фантастичным, если бы не служба. Но служба всегда есть служба, и Колокольцев был там. Верней, его прибытие только ожидалось со дня на день. И почему-то откладывалось, также изо дня в день, регулярно и систематически, что, разумеется, не могло не навести на размышления.

Ко-ло-коль-цев... Коло-кольцев, Ко-локоль-цев!.. Я мучительно долго припоминал эту звучную, зовущую фамилию. И, как выяснилось впоследствии, не я один делал эти тщетные попытки: вся контора напряженно вспоминала ее, хотя никто так и не смог установить, где же все-таки приходилось слышать эти четыре слога: Ко-Ло-Коль-Цев. Правда, Василий Одинцов, брат сошедшего с ума Одинцова, утверждал, что слышал ее в поезде, а Хрычов нахально инспирировал слухи, будто Колокольцев – это двоюродный брат Хаецкого (впрочем, в это не верил даже простодушный Оськин). И даже сам Нигагосов не знал о загадке Колокольцева, хотя я был твердо убежден, что не только он, и не только наша контора, но почти весь город тщетно пытается ее решить.

Кое-что прояснилось в субботу. Как всегда, мы собрались у Борисова, пить пиво. С тех пор как история с картой обратной стороны Луны стала достоянием нашего города (в чем, надо признать, была заслуга Оськина и Бокова, хотя и я сделал немало), во взаимоотношениях Хрычова и Борисова произошел резкий перелом. Они почти совсем перестали видеться, хотя иногда Хрычов и захаживал по субботам к Борисову и пел русские песни таким голосом, будто ничего между ними не произошло.

В одну из майских суббот, после пения "Насти" Хаецкий глубоко вздохнул. Анушкин же, не отличавшийся тактичностью, сначала издал "эх", а затем заговорил о службе. Бестактность, впрочем, была не в этом: о службе все мы говорили достаточно часто. Анушкин высказал, с места в карьер, ту мысль, которая неотступно тревожила всех нас:

– Кто же это такой – Колокольцев?

После этих слов тотчас воцарилась тишина. По лицам присутствующих можно было видеть: и Борисов, и разоблаченный Хрычов, и феномен-Нигагосов, и ехидный Боков, и толстый Оськин, и запуганный Хаецкий, и даже туповатый нахал Анушкин – все, все напряженно и мучительно думают:

– Где мы встречали или слышали: КО-ЛО-КОЛЬ-ЦЕВ?

. . . .

– А вот вчера в магазине, – сделал наконец попытку разогнать тишину Оськин; но попытка эта, надо признать, была очень неудачной, пожалуй даже жалкой.

– Вчера вот, в магазине...

Оськин так и не мог сказать, что же произошло в магазине вчера, потому что, вероятно, и сам не знал.

— Вчера в магазине... Вот... Вчера вот в магазине...

Хам Анушкин засмеялся в лицо Оськину и нагло спросил:

— Да что твой магазин — ты бы лучше сказал, кто же он такой, этот Колокольцев? Ведь, небось, все время вспоминаешь?

Анушкин всегда допускал хамские выходки; но сегодня его наглость не знала границ.

— Знаешь что, — сказал ему брат Оськина, тоже Оськин (по имени Федор). — Ты бы, Анушкин, не хамил. Не советую.

— А я не хамлю, — ответил Анушкин и, покраснев от злости, выпил стакан пива. — Это ты, Оськин, мне сейчас хамишь.

Борисов укоризненно покачал головой, демонстрируя неодобрение ссоре. Потом сказал примирительно и как хозяин:

— Не будем говорить о службе.

Его послушно поддержал Хрычов:

— Конечно же, не будем. Подумаешь: Колокольцев!

А Нигагосов, словно прочитав мысли окружающих, подхватил:

— И так все ясно! Если б кто вспомнил, так сразу бы и сказал. Чего там таить!

Пожалуй, здесь Нигагосов немножко перегнул: его слова звучали либо слишком загадочно, не знай услышавший их о телепатических способностях говорящего, либо чересчур явно — для того, кто об этих способностях знал. Я был уверен, что о телепатии Нигагосова знает весь город (впрочем, когда мы возвращались в этот вечер от Борисова домой, Нигагосов отозвал меня в сторону и серьезно сказал: "Не весь").

Вновь наступило неловкое молчание. Оно усугублялось тем, что любому из нас было прекрасно известно, что Нигагосов и сейчас, сию вот минуту, *знает* наши мысли, мысли всех присутствующих, *все* мысли, в том числе мысли о его бестактном, грубом намеке и даже мысли о том, что он, Нигагосов, читает эти мысли о прочитанных мыслях.

Наконец, чтобы развеять тягостную паузу, а может, чтобы заодно продемонстрировать свои возможности, Нигагосов сказал:

– Ну, ладно. Давайте-ка лучше споем о Волге, – и первым запел, фальшиво-бодро, но вместе с тем громко, во весь голос:

– Есть на Волге уте-о-ос...

Борисов столь охотно подхватил, что это могло вызвать подозрения. С таким же рвением песню Нигагосова подхватили и я, и Боков, и Хаецкий, и Анушкин. Хрычов присоединился последним. По его глазам легко было прочесть, что он прекрасно понимает нашу тактику. Но после позорного провала с картой обратной стороны Луны престиж его был настолько подорван, что я, а возможно и все остальные, подумали: "Ну, и черт с тобой!"

Мы пели долго. Очень долго. Было очевидно, что, кончив пение, мы должны вновь заговорить... и неизбежно – о Колокольцеве. Даже во время пения "Волги" мы неотступно думали о нем. Спев же, не останавливаясь, мы затянули "Синюю речку", потом "Фонари, фонари", "Качались лебеди", "Незаметно", "Грусть проходит", "Отказ". Мы пели до одиннадцати часов. Хрычов охрип, так как, стараясь отличиться (перед кем? Борисовым? Нигагосовым? Боковым?), он пел во весь голос, который на четвертой песне и сорвал. Наконец Нигагосов, демонстрируя свои возможности, сказал: "Хватит!" – И тут же добавил: "Пошли по домам!"

Я подумал было о том, что за последнее время Нигагосов стал напоминать диктатора (а ведь раньше его никто почти что не замечал), но вспомнив, что эти мысли могут быть известны Нигагосову, запретил себе делать дальнейшие выводы.

Борисов, как хозяин, охотно откликнулся на нигагосовское предложение:

– Конечно, пора! Мне завтра вставать рано, – второпях не подумав, что завтра воскресенье.

Возвращаясь домой, мы вновь запели, прямо на улице. Пели, чтобы не думать, пели, чтобы не говорить...

"*Кто* же такой КОЛОКОЛЬЦЕВ?" – Решение загадки так и не приходило. Я был твердо уверен в одном: вспомни кто-либо из нас, где и когда он слышал или встречал эту фамилию, – и открытие тотчас же стало бы известно Нигагосову. Но, судя по его озабоченному лицу, такого открытия пока что еще никто не сделал. Впрочем, озабо-

ченность могла ведь быть наигранной. Как бы то ни было, мы пели, пели, не сказав ни единого слова, пели до тех пор, пока, с песнями, не разошлись по домам – спать.

КОГДА ПРИДУТ ХОЗЯЕВА

Честно говоря, Елкин не знал, какие они – Хозяева. Скорее всего, не похожи на людей. Даже наверное не похожи.

Поезд мчался на восток, и Елкин думал о Хозяевах с особой теплотой. Комната, надоевшая служба, город – все это осталось где-то далеко, все это было нереальным. Покинув город, Елкин знал: так велят Хозяева. Он, бросив службу у людей, переходит на службу к НИМ: на полную, вечную службу. Теперь нужно готовиться, интенсивно и продуманно: они придут скоро!

Елкин не помнил твердо, когда впервые узнал о Хозяевах. Кажется, в школе, а может быть, и немного поздней. Ведь дело было не в сроках... Хозяева все видели. В лаборатории Земли они развели суп, белковый суп на маленькой планете. Срок эксперимента подходил к концу.

– Скоро придут, – думал Елкин в такт колесам. – Сроки близки. Хозяева грядут!

...В портфеле, в толстой потертой папке, лежали сведения для Хозяев. Прогнозы бюро погоды – и реальная погода в течение последних лет; газетные и журнальные вырезки – статьи о флоте и об авиации; списки сослуживцев, включая имена их жен; списки служащих других организаций; списки знакомых военнослужащих; результаты футбольных матчей; карта города и схемы связей и знакомств сослуживцев ("центр духовной жизни у Борисова; в скобках: пиво, русские песни, разговоры; через тире – какие? – большой знак вопроса, потом еще раз – какие? – и снова вопрос).

В папку были вложены две толстые тетради, тщательно исписанные: "Дневник для Хозяев". Начерченная на миллиметровке таблица элементарных частиц, график движения поездов через город Энск (его удалось списать перед самым отъездом, уже на вокзале) и, наконец, сверху ле-

жала вырезанная из журнала ”Природа” карта обратной стороны Луны.

— Особое внимание нужно уделить запретным зонам, — думал Елкин, глядя в темное окно. — Быть может, власти уже знают о Хозяевах и пытаются наладить контакт. Неизвестно, что творится в этих самых запретных зонах: никто не знает толком, почему они запрещены.

...Поезд шел на восток. Он бежал сквозь ночь. Там, за окном, быть может совсем близко, а может лишь у звезд, а может быть и одновременно — были Хозяева.

Елкин поймал себя на мысли, что он не знает толком, не может наглядно представить, какие же они, Хозяева, — их разум, внешний вид, мораль, возможности.

В купе спали. За окном была ночь. Елкин подумал, что нужно быть крайне осторожным при выборе знакомств. ”Эту осторожность необходимо удвоить, — решил он через минуту, — при попытке проникнуть в запретные зоны”.

...Оглянувшись на спящих, Елкин тихо вынул записную книжку и занес в нее имена соседей по вагону. За сегодня удалось узнать имена семерых. Потом, выйдя в тамбур, он списал сведения о часах и минутах прибытия поезда на станции — на все станции, вплоть до конечной, не пропуская и времени стоянок.

Всеволожская	—	4.57	стоянка	—	3	минуты
Выборгская	—	5.46	стоянка	—	1	минута
Новая	—	6.34	стоянка	—	5	минут

— Когда придут Хозяева, — думал он, тщательно ставя цифры в блокнотик, — когда придут Хозяева, они должны знать все!

Крюково	—	7.17	стоянка	—	3	минуты
Синие Воды	—	8.50	стоянка	—	7	минут
Ключи	—	9.16	стоянка	—	3	минуты.

1961—1962

Иван Стеблин-Каменский

ДВЕ ПЬЕСЫ

ВОРОНЫ
(мракедия)

"Кто что ни говори:
Хотя животные, а все-таки цари"
А.С.Грибоедов

ПРОЛОГ

Вороны нужны для отвода
всех любопытных глаз,
вороны нужны для народа,
нужны для масс и для рас.

Вороны нужны человечеству,
вороны нужны даже мне,
пусть люди ими увечатся,
как будто мы на войне.

"Ворон" прочитав, редактор
задумчиво скажет: тэк-с, тэк-с...
Дескать, вовсе не главный фактор
СЕКС

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

(Поэт в тюрьме.)

Поэт.

Во всем виновата работа,
во всем виновата еда,
во всем виновата суббота,
во всем виновата среда,
во всем виновата пятница,
во всем виноват сезон,
во всем виновата разница,
во всем виноват резон,
во всем виноват понедельник,
во всем виноват четверг,
во всем виноват без денег
пришедший ко мне человек.

А я виноват постольку,
поскольку не виноват,
заправьте тюремную койку
на ваш особенный лад.

Заправьте тюремную койку
и приведите солдат.

(Дверь открывается. Входит тюремщик, ставит на стол миску.)

Тюремщик.

Подано есть.

Поэт.

Кесть!?

Тюремщик.

Ест все меньше и меньше,
а все время бормочет про женщин.
Смотри-ка, прямой шкелет,
помрет скоро наш Поэт.
А, впрочем, туда и дорога,
у нас их здесь очень много.

(Уходит.)

Поэт.

Во всем виновата каша,
во всем виноват тюремщик,
из женщин одна параша,
и нету больше женщин.

(Подходит к параше и склоняется над ней.)

Так пахнут женские штаны,
когда они слегка грязны.
Так пахнут женские чулочки,
когда болят пузырь и почки.
Так пахнет женская туфля,
когда использована для.
Так пахнет женская рубашка,
когда застряла в ней какашка.
Так пахнет женское пальто,
когда им вытерли не то.
Так пахнет женщина сама!
Но я один... Кругом тюрьма.

(Подходит к койке, забирается на нее и встает на голову.)

Говоря, что йоги часами
стоят вверх ногами
и забывают о даме.

(Дверь открывается, входит офицер и несколько солдат.)

Офицер.

Встать! Равняйсь! Смирно! Ни звука!
Слушай приказ генерала Кука!

(читает по бумаге)

За распутное поведение в тюрьме
Поэту, который так нашумел,
что прославился за границей,
сегодня, в два ноль-ноль, застрелиться!
Во избежание судорог и икоты
приказываю:
выделить батальон пехоты.
Прикончит Поэта без криков и стонов
командир батальона, капитан Харитонов.
С подлинным верно,
доктор наук,
генерал от инфантерии
Василий Кук.

(Капитан женственно виляет бедрами и целует приказ.)

Капитан.

Вольно!
Заключенный, возьмите часики,
вам осталось двадцать минут.
Не волнуйтесь, стреляем как классики,
даже глазики не моргнут.

Поэт.

Говорят, что йоги часами
стоят вверх ногами,
чтобы забыть о даме.

(Ставит часы вверх ногами. Капитан строит Поэту глазки.)

Капитан.

Разобьешь часики,
схлопочешь по харе.

Бьем как классики
по глазиков паре.

(Все выходят, виляя бедрами. Дверь захлопывается.)

Поэт.

Двадцать минут, девятнадцать минут...
Скоро меня застрелять начнут,
скоро меня отсюда уйдут,
скоро избавят от пыток и пут.

(Колотит кулаками в дверь.)

Тюремщик! Давай тему!
Хочу написать последнюю поэму.

(Тюремщик просовывает голову в смотровое окошко.)

Тюремщик.

До смерти надоел!
Скорей бы расстрел.

Поэт.

Искусство быть любимым всеми
всех ненавидящий постиг.
Его вождем избрало племя,
он сделал знаменем свой стих.
Науку быть гонимым всеми
любимый всеми изучил.
Его использовало время,
а он его не улучил.

(Кидается на койку и засыпает.)

. . . .

(Дверь открывается, входит капитан Харитонов и солдаты. Капитан с женской прической и с накрашенными губами.)

Капитан.

Отдавай часики,
пришел срок.

Попадешь в классики,
дурачок!

(Забирают Поэта и уходят. Дверь захлопывается.)

. . . .

(Дверь открывается. Входит тюремщик.)

Тюремщик.

Еще одного не стало,
и все ж осталось немало.

(подходит к параше и писает.)

Ишь ты, как много кала!

(Ковыряет пальцем в носу.)

з а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

(Тюремный двор. У тела Поэта генерал Кук и капитан Харитонов.)

Капитан.

Погиб поэт, невольник кести.

Генерал.

С свинцом в груди и с жаждой вести
о том, что восхвален молвой. (см. прим.)

(Подходит ефрейтор.)

Ефрейтор.

А судьи кто?
За древностию лет

Примечание. За неблагозвучные сочетания: погиБ Поэт, невольниК Кести, С СвинцоМВГРуди, восхвалеН Молвой — автор ответственности не несет. Вина г. Лермонтова.

вонючее пальто,
засаленный жилет.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

(Тот же двор и то же тело.)

Поэт.

Есть жизнь во мне.
Есть жизнь во вне.
Внутри – ветры.
Снаружи – лужи.
Лесами ограничен горизонт,
а небесами он обезоружен.

Есть жизнь на пне,
Есть жизнь на дне.
Крепки грибки,
а рыбки липки.
От луж и ветра на руке
царапины и цыпки.

(Прилетают пять ворон. Первая – ворона как ворона, вторая – слегка похожа на женщину, третья – похожа на женщину уже и не слегка, четвертая – женщина, похожая на ворону, пятая – женщина как женщина. Первая ворона самая мудрая, пятая, по всему видно, что дура набитая.)

Первая ворона.

Поэт убит,
он бездыханен.

Вторая ворона.

Он говорит,
он только ранен.

Поэт.

Вы правы, милые птицы,
Я чуточку ранен в ключицу.

Третья ворона.

Дорогие сестрицы!
У меня есть кусок ключицы.
Не жалко для этого парня,
хоть нету его бездарней.

Четвертая ворона.

У меня есть специальная фляжка,
а в ней живая вода.
Поправится скоро бедняжка!

Пятая ворона.

И будет любить нас тогда.

Первая ворона.

Дуры! Поэт – мертвец.
На этом действию конец.

(Улетают и убегают.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

(Сцена представляет собой ровное тесто. Посередине произрастает великолепный зуб с развесистыми глистами. По сцене бегает кошка или мошка, которая держит в руках мышку или пышку, смотря по обстоятельности, с какой будет поставлена мракедия.)
(Выходят Поэт и капитан Харитонов, который стал совсем женщина, однако одет)

Поэт и капитан Харитонов (вместе).

Вороны правы. Мы мертвы.
Мертвее листьев и травы.
Мертвее веток и дерев.
Мы оживаем озверев.

(Поэт бросается на капитана Харитонова, они обращаются в двух ворон и улетают.)
. . . .

Затем несколько мгновений сцена пуста.
Потом несколько мгновений сцена куста.
Через несколько мгновений смена листа.
Первая строка.
Вторая строка.
Третья строка.
Протягивается рука.
Переворачивается страница.
На ней В О Р О Н А – государственная птица.

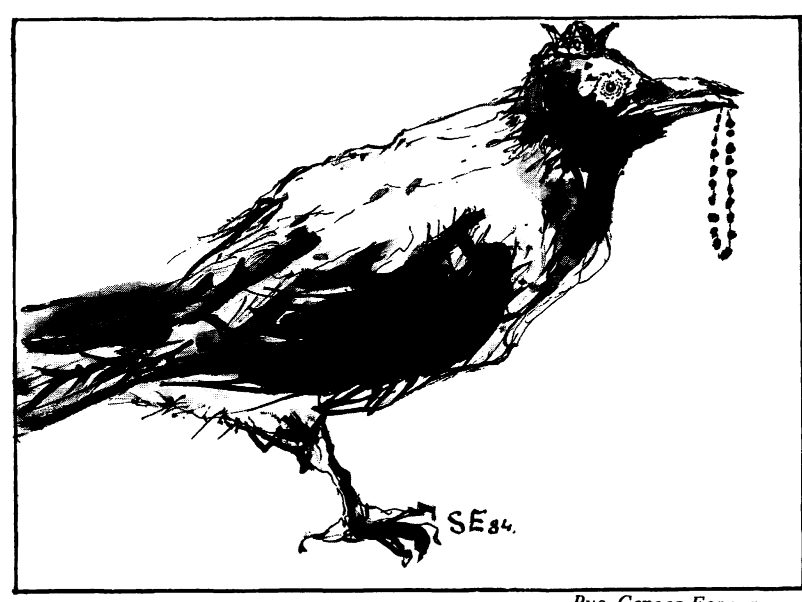

Рис. Сергея Есаяна

С М Е Н А Л И С Т А (продолжение четвертого действия)

С разных сторон
слетаются пять ворон.
Первая ворона – ворона как ворона.
Вторая ворона – слегка как не ворона.
В третьей вороне ворона уменьшена.
В четвертой вороне увеличена женщина.
Пятая ворона – ворона как женщина.

Пятая ворона.

Поэт на нас глядел влюбленно.
Он нас хотел.
Меня – определенно.

Четвертая ворона.

Потому что среди нас, подружек,
ты всех глупее и хуже.
А, впрочем, фигурой вышла,
бедра как коромысла.
Мужчины любят бедра,
когда на них ставят ведра.

Третья ворона.

Мужчины любят уродин,
которым ум не доден.

Вторая ворона.

Мужчины любят гадин,
которым ум не даден.

Первая ворона.

Мужчины любят злыден,
в которых ум не виден.

Пятая ворона.

Мерзкое чувство – зависть,
оно порождает брань,
в нем словно в тигле плавясь,
разлагается дружбы ткань.
Гнусное чувство – ревность,
оно опошляет секс,
оно убивает наивность,
делает черствым кекс.

Четвертая ворона.

Послушайте! Какие речи!
Могила пусть ее излечит!

(Все набрасываются на пятую ворону и заклевывают ее досмерти.)

Остаются:
Первая ворона – ворона как ворона.
Во второй вороне ворона уменьшена.
В третьей вороне увеличена женщина.
Четвертая ворона – ворона как женщина.

Четвертая ворона.

Эх! Если бы поэт был жив,
ему бы отдалась я сразу,
пусть триппер у него и сиф-
илис и прочая зараза.

Третья ворона.

Что говорит? Слова-то каковы!
Куда глядите сестры вы!?

(Бросаются на четвертую ворону и убивают ее.)

Остаются:
В первой вороне ворона уменьшена,
Во второй вороне увеличена женщина.
Третья ворона – ворона как женщина.,

Третья ворона.

Когда б не сдох поэт – собака –
Я для него бы стала раком!

(Бросаются на третью ворону и убивают ее.)

Остаются:
В первой вороне увеличена женщина.
Вторая ворона – ворона как женщина.

Вторая ворона.

Когда бы не был мертв поэт,
ему б я сделала менет.

Первая ворона убивает вторую.
Остается одна ворона – женщина как женщина.
Чтобы скрыть свою наготу,
она прибегает к дубовому листу.
Чтобы скрыть недостаток ума,
она убегает сама.
Чтобы скрыть любовь к Поэту,
она летает по белу свету.
. . . .

(Входит Поэт и капитан Харитонов, который стал совсем женщина, даже голый.)

Поэт.

Чего я только не достиг
через поэзию и стих!

Капитан.

Подаришь часики,
буду твой.
Искусен как классики,
клянусь головой.

(Поэт снимает с руки часы.)

з а н а в е с

Э П И Л О Г

(Перед занавесом стоит генерал Кук.)

Генерал Кук.

Равняйсь! Смирно! Ни стона!
Слушай приказ императора Наполеона!

(читает)

За растление командного состава
сегодня в двадцать два ноль пять
распутного поэта больше не стало,
повешен развратник, так его мать!
Приказываю:
в ознаменование этого события
произвести всеобщее соитие.
Под угрозой самоистребления
принудить всех к совокуплениям.
Детей, порожденных от этих актов,
передать в распоряжение блоков и пактов.
Одобрено Советом Безопасности
при О О эН.
Предать гласности,
президент Чемберлен.

Утверждено Советом по населению
при ООН.
Приступить к исполнению,
император Наполеон.

ПРИЛОЖЕНИЕ

"Цельнокроенное, четырехшовное приталенное платье из черного бархата с длинным хвостом, наподобие вороньего. Воротник и рукава из серой шерстяной ткани. Размеры любые. На нос одевается вороний клюв из пластика. Рекомендуемая прическа: стрижка наголо. Автор Воронихина (ОДМО)".

Модели сезона №2, осень-зима 1965–1966

конец

СЮЕСА-ПЬИТА

(пьеса для чтения про себя)

Посвящается А.Волконскому

прелюдия
аллеманда
куранта
сарабанда
менуэт первый
менуэт второй
жига

"Я не могу обидеть муху,
не сделав из нее слона,
а также полюбить старуху,
которая не сложена
как статуи из пантеона –
Венера, Афродита и Юнона".

"Который здесь"

ПРЕЛЮДИЯ

(для чтения при людях)

Читайте про себя,
про соду и про солод.
Который год уж голод
и отбивает соло солоп
на месте том, где было голо б,
когда бы не волос тулуп.

Я в детстве был ужасно зол и глуп,
теперь я поумнел, однако
не выбрался из лажи и из мрака.
Скорей бы умереть от рака,
или смешаться с грудой тел и жести
в одной из авиационных катастроф,
уйти от кести, лести, мести, чести
в мир снов про лоников и слов.

АЛЛЕМАНДА

Действующие лица:
Автор
Баснописец
Волк (онский)
Граф
Директор магазина
Егор

(Стрелка Васильевского острова. Полночь.)

Автор.

Мой дом – разрушенный сарай,
отбросы – моя пища,
мне родина не этот край,
а тот, где ветер свищет,
где степь пустынна и пуста,
где небо голубое голо,
где листья падают с листа
проколотого протокола,
где граф не женится как здесь,
в покое оставляя кесть.

Граф.

Нева имеет привкус жести,
луна имеет призвук жабы,

я в этой девственной невесте
все признаки увидел бабы.
Ее повадки мне постыли,
мечты о связи улетели,
мне безразлично: я ли, ты ли
возляжем с ней в одной постели.
Неопытной девицы ласки
во мне желанья не разбудят.
Нужны подкрашенные глазки,
нужны ухоженные груди,
нужны объезженные кони,
нужны натасканные псы,
иначе – результат погони:
мы не смогли поймать лисы.

(Подходит Баснописец.)

Баснописец.

Гоним желаньем выбить бубну,
поехал я за бомбой в Дубну.
Но оказалось, что в Дубне
в моче все бомбы и в говне.
Мораль сей басни такова –
мне ваши бомбы – трын-трава.

(Баснописец удаляется.)

Автор.

Скажите, граф, если к нам ходят как в кино,
зачем не отдают билеты,
зачем выбрасывать в окно
почти что целые конфеты,
ведь их, наверно, кто-то съест,
иль просто кинет на помойку.
Я вам, граф, вот что скажу:
на шею надо вешать крест,
так будет легче делать стойку.

Граф.

Oui, само собой.

(Вбегает Директор магазина. Он кричит и машет руками.)

Директор магазина.

Спасайтесь, Ваше сиятельство, сюда бежит Волк!

(Директор магазина носится сломя голову по площади, потом подбегает к парапету и бросается в воду. Слышен его предсмертный вопль, он тонет.)

Предсмертный вопль Директора магазина:

Жена моя, родная Рая,
тебя я помню умирая.
Смотри, чтоб Софочка и Боря
не похудели бы от горя.

(Подходит Баснописец.)

Баснописец.

Гоним желаньем выпить рома,
зашел в посольство к дяде Сэму.
Его не оказалось дома –
он изучал нашу систему.
Мораль сей басни такова-то:
народ в посольстве хуеватый.

(Баснописец хочет уйти, но в испуге застывает. Приближается огромный Волк. По всему видать, что Омский.)

Волк.

Грешник делит нимб небожителя,
побежденный триумф победителя,
а обманутый славу обманщика,
обворованный деньги карманника.

Только я не делю ни нимба,
ни триумфа, ни славы, ни денег,
уголовник, идущий мимо,
никогда меня не заденет,
потому что я – шизофреник.

Автор и Граф.

Если вы нас хотите скушать,
то мы лучше купим вам лошадь.

Волк.

Я хочу весь мир разрушить
и сделать торт из крошек.

(Тут появляется Егор. Это человек, который знает все.)

Егор.

Не бойтесь ни баснописец, ни Автор, ни Граф,
Волк не имеет на это прав.
Он просто желает насладиться слушанием басни,
а потом уйдет восвояси.

Баснописец.

Гоним желаньем скушать мышь,
я срочно выехал в Париж.
Но не было мышей в Париже,
они уехали на лыжах.
Мораль сей басни такова –
в Париже снег, у нас трава.

(Волк, чрезвычайно довольный, уходит восвояси, но перед уходом успевает съесть Баснописца).

Волк.

Гоним желаньем слушать басни,
подверг я Баснописца казни.
Его я съел не чрева для,

а ради длинного рубля.
Сей басни такова мораль –
для денег стоит есть едва ль.

(уходит)

КУРАНТА

Действующие лица:

Я
Ты

Я.

Ночь в аэропорту.
Я помню принадлежности Усть-Урта,
где МАЗы с неизбежностью поп-арта
везут кресты на спинках кара-курта.

Единственная наша карта –
твои портреты в паспарту
и злобный привкус финиша и старта
в отвыкшем чистить зубы рту.

Машина, проводящая черту,
не чувствует унынья и азарта,
и кажется не круглой, а квадратной юрта,
в которой истязают сироту,
а ведь ему пора ловить ондатру.
Счастливчик! Он не знает, что такое парта,
и, просыпаясь рано поутру,
лежит себе и нежится в шатре,
мечтая о дербентском осетре.

Ты.

Не удержать коня от бега,
не удержать тебя от бегства.
Тебя везущая телега
тебя не увезет из детства.

Ты получил не то наследство
и воспитание не то.
Ты обожаешь дождь и сырость,
привык зимой носить пальто,
из коего давно ты вырос.

Тебя все время гложет вирус
сомненья в пользе профилактики
по отношенью к дезинфекции,
Ты – жертва не вращения галактики,
а чьей-то необдуманной протекции.

Быть может, кто-то из дирекции,
вернее, из администрации
тебя своим назначил протеже,
но качества, приятные в Горации,
излишни пассажиру на барже.
Ведь ты стоишь, как камень на меже,
и никуда не убежишь ты с поля.
Читаем надпись у тебя на теле,
склонившемся в пристойном падеже:
ТВОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ – НЕВОЛЯ.

Я.

Не вытащив ни рыбки из пруда,
я много дров наломал в лесу,
и плюнул в колодец, когда
затупил о камень косу.
Я обжегся на молоке,
воробьи околели в руке,
журавля я поймать не сумел,
у меня было то на языке,
что у трезвого на уме.
Я, семь раз не отмерив, отрезал
и людей насмешил до слез,
я ковал холодное железо
и сеял дикий овес.
Что мне делать в семье уроду,
через поле идти иль скакать?

Камень, брошенный мною в воду,
сотня умных не сможет достать.

САРАБАНДА

"Воистину еврейки молодой
мне дорого душевное спасенье,
она должна давать удой
по пятницам и воскресеньям.
Приди ко мне, прелестный ангел мой,
и мирное прими благословенье"

А.С.Пушкин и автор

Действующие лица:

Он
Она
Оно

(прыгают и поют)

Он.

Мы любим сыр и булку
водить по переулку,
привязав на нитку
кошку и кота,
чтобы выйти на прогулку,
мы собьем вас с толку,
привязав Никитку
за конец хвоста
к столбикам моста.

Она.

Косы безбожницы,
волосы грешницы,
дайте мне ножницы,
чтобы отрезать их.

Губы монашки,
щеки отшельницы,
толстые ляжки
у этой бездельницы.
Грудь активистки,
бедро комсомолки,
ноги чекистки –
выстрел двустволки.

Оно.

Кататоник
как шизофреник
тяжко стонет,
когда нет денег.
Эпилептик
как ипохондрик
жрет антисептик,
когда голодный.
Алкоголик
как сифилитик
кричит от боли,
когда нет выпить.

(переходят на серьезный разговор)

Он.

Все гермафродиты –
половые бандиты,
а для пущего понта
действуют на два фронта.

Она.

Все гомосексуалисты –
мои любовники и поклонники.
Спать с ними сухо чисто,
как ездить на белом слонике.
Правда, некоторые крадут духи,
но все зато пишут стихи.

Оно.

В стихе так не хватает свежести,
в грехе так не хватает нежности,
в слезе так не хватает искренности.

В железе не хватает искренности.
В Бизе так не хватает выспренности,
а в Бáхе совершенно нет наигранности.

МЕНУЭТ ПЕРВЫЙ

(картинки из жизни композиторов)

Автор.

Вот композитор Ванька Бах,
его вчера я стукнул в пах.
Узнав об'этом, некто Григ,
предсмертный испускает крик.
А друг его ближайший – Глюк
в глубокий провалился люк
и что-то бормотал про Брамса,
что, дескать, я тебе не дамся.
А это композитор князь Волконский,
не пьет он возбудитель конский,
еще мужчина он вполне,
хотя и отказал жене.
Давайте с ним поговорим
про Лондон, про Париж и Рим.

Я.

Мне говорили, князь,
что будто бы в Париже
имеется в продаже мазь
для исцеленья грыжи.

Волконский.

Не будучи подвержен, милый друг,
как этому, так и другим недугам,
я посвящаю свой досуг
друзьям напиткам и подругам.

Автор.

Хотя с медицинской точки зрения
ответ не представляет интереса,
но тем не менее
его включаю в пьесу.

Далее их разговор принимает сугубо интимный характер и не представляет никакого интереса. Поэтому переходи ко . . . .

ВТОРОМУ МЕНУЭТУ

Однако Менуэт Второй из-за своей непристойности из данного издания исключен. В нем имелись такие, например, антирелигиозные стихи:

Безумен тот, кто ищет в Боге
разумных и других начал.
Он будет остановлен на пороге,
который ни одной дороги
пока еще не увенчал.

Ввиду исключительного ханжества современных читателей, придется, разумеется, повременить с его опубликованием.

ЖИГА

Давайте будем темными,
давайте будем серыми,
к чему казаться томными
и оставаться сирыми.

Мы ляжем на диване,
протянем свое тулово
и вцепимся руками,
чтобы нас не сдуло бы.
Принесем подсвечники
и зажжем по люстре,
у больницы Мечникова
будем пить "Полюстрово".
Мы запьем шампанское
коньяком "Камю".

Тем, кто хулит Волконского,
я череп проломлю.

конец

1965

Михаил Агурский

РАССКАЗЫ

ДУХОПИСЬ

Историки духописи по праву считают моментом ее рождения день, когда мало кому известный прежде Поль Сиба выставил в Салоне независимых "Шануа" хрустальную вазу с жидкостью, обладавшей привлекательным запахом весенних полевых цветов. Как это нередко бывает, работа Сиба, имевшая, впрочем, название "Букет из Обиньи-сюр-Нэр", была обойдена критикой холодным молчанием. Но те, кто легкомысленно расценил работу Сиба как экстравагантную выходку, несомненно, ошиблись.

"Вот уже шесть тысяч лет искусство с упорством, достойным лучшего применения, занимается нелепым самоограничением, включив в сферу своего действия лишь два человеческих чувства: зрение и слух", - обосновывал свои эстетические принципы Сиба. "Но ныне уже вполне очевидно, что, сосредоточившись лишь на них одних, искусство уже исчерпало свои возможности. Несомненно, что надо искать новые средства эмоционального восприятия".

Через год в салоне "Шануа" было экспонировано уже одиннадцать произведений нового направления в искусстве. Сиба представил две работы: "Ривьера" и "После грозы". Особо следует отметить последнее произведение, полное свежести оживающей природы, благоухания трав и бодрящего аромата воздуха.

Эти, а также другие подобные произведения были на сей раз в центре внимания. Новое направление приобрело название "духопись".

Впоследствии Сиба не раз возражал против этого термина. Во-первых, стремление походить на изделия парфюмерной промышленности было чуждо новому искусству; во-вторых, созвучие со словом "живопись" не отвечало самой сути жанра.

Однако возражения были уже бесполезны. Газеты и журналы пестрили заголовками: "Эстетическая ценность духописи","Выдающийся духописец" и т.п.

Через три года после того, как Сиба впервые выступил в салоне "Шануа", насчитывалось по крайней мере шестьдесят-семьдесят духописцев в разных странах.

Следует особо выделить Збигнева Лещинского и Кнута Иогансена.

Вскоре, однако, духопись начала претерпевать изменения.

Группа духописцев во главе с Игнацио де Тома устроила в салоне "Монтелимар", враждебном салону "Шануа", отдельную выставку, основав тем самым течение дивизионистов.

В манифесте группы говорилось: "Мы выступаем против затхлой рутины и косности "ароматизма". (Под "ароматизмом" имелось в виду направление Поля Сиба).

... Дивизионист стремится к полной гармонии путем разделения аромата на его составляющие.Разделять же - это значит обеспечить себе преимущества силы аромата и гармонии посредством:

1) ароматической смеси запахов исключительно чистых,

2) разделения различных элементов (запах локальный, запах на фоне основного аромата, их взаимодействие и т.д.),

3) равновесия этих элементов и их пропорций (смотря по законам контраста, ослабления и усиления),

4) выбора силы элементарного запаха, пропорционального размеру помещения.

Метод, изложенный в этих четырех параграфах, управляет запахом дивизионистов, из которых многие применяют сверх того законы более таинственные, подчиняющие себе запахи и устанавливающие гармонию и красоту порядка".

Практически метод дивизионизма выглядел следующим образом.

Работа выставлялась не в отдельной вазе, а в группе фужеров, каждый из которых, будучи наполнен соответствующей жидкостью, источал элементарный запах.

Дивизионизм долгое время не признавался официальной критикой. Многие из дивизионистов умерли в безвестности, продавая свои произведения за бесценок.

Особенно трагически сложилась судьба Рене Пио, чьи произведения так высоко ценились уже спустя какое-нибудь десятилетие. Лишь за два года до смерти, когда Пио был прикован к постели неизлечимой болезнью, началось его признание. Его работы еще тогда были приняты в лучшие музеи мира, кроме Лувра,ибо в Лувр запрещено принимать работы художника до истечения трех лет со дня его смерти. (Слово "художник", употребленное выше,рассматривается нами как широкое понятие, включающее истинных представителей всех видов искусства).

Дивизионизм процветал более восьми лет, когда на смену ему пришло новое течение духописи.

Основатель гиперароматизма Фон-Низер писал: "Почему я должен рабски копировать природу? Разве, основываясь на данных современной науки и на своем эмоциональном восприятии, я не могу

создавать собственное мироощущение,выражая его средствами,предоставленными мне искусством?"

Первой программной его работой был "Ночной Мулен-Руж".

Фон-Низер добился в этом произведении особой остроты запаха и выразительности добавлением ничтожного количества этилизотиоционата (этилового горчичного масла).

Выставлялся Фон-Низер, как и ароматисты, в вазах: он был противником дивизионизма.

Фон-Низер подчинил своему влиянию духопись почти на двенадцать лет. Среди других гипераромaтистов следует отметить Уильяма Бредли ("Обреченные", "Персидский ковер" и др.) и Шарля Вуйяра ("Аристид Бриан", "Пуанкаре" и др.).

Когда гипераромaтизм утратил свое первоначальное значение, ему на смену выступил неоароматизм. Сущность этого течения в духописи заключалась в возвращении к ароматизму Поля Сиба,правда,с некоторыми оговорками.

Выдающимся духописцем-неоароматистом являлся Эжен Лярив ("Письмо из Африки" и др.).

Неоароматисты также выставлялись в вазах.

Однако уже тогда обнаружились тенденции появления в духописи наиболее крайнего направления, впоследствии оформившегося в так называемый контрароматизм.

"...Пусть мещане нюхают беспрепятственно свою ароматную водицу, которую услужливо поставляют им господа Тома и Лярив.Задача истинного духописца - показать человеку мир его жизни, мир страданий и скорби, извлечь на дневной свет тайники человеческого сознания", - писал Седжвик Ньюмен.

На очередной выставке духописцев в Биенале Ньюмен выступил с работой из хлорной извести, аммиака, сероводорода,нашатырного спирта, фосфорного ангидрида, разлитых в отдельные восемь фужеров.

Это произведение, носившее название "Фундамент", вызвало настоящую бурю. Многие встали на защиту автора, объявив "Фундамент" подлинным откровением. Другие обрушились на Ньюмена с раздраженными нападками.

Ньюмен, как в прошлом Сиба, де Тома, Лярив, имел много последователей. Вскоре даже такие отталкивающие запахи,как запах сероводорода, стали банальными и расценивались как проявление бездарности.

Катастрофа наступила через два года.

Духописец-контрароматист Жюль Мютуа выставил на очередной выставке три фужера, в которые, как полагают,- сознательно, был введен фосфористый водород, пахнущий обычно гнилой рыбой и сильно ядовитый.

Присутствовавшие на вернисаже уже выходя из помещения почувствовали себя несколько неуверенно.Ощущалось также подергивание в конечностях.Наблюдалось расширение зрачков. Через несколько дней триста сорок шесть человек, посетивших вернисаж, скончались в мучениях.

При паталого-анатомическом вскрытии было констатировано полнокровие и кровоизлияние в мозгу, в дыхательных путях, легких, печени, жировое перерождение внутренних органов, то есть все признаки отравления фосфористым водородом.

На следующий день после похорон разъяренная толпа забросала камнями мастерские контраромалистов. Были убиты Ньюмен, Мютуа и девять других крупных духописцев. Ненависть перекинулась на всю духопись вообще.

Слово "духописец" стало бранным. Парламент, под давлением снизу, специальным декретом запретил после бурных дебатов занятие духописью, как опасное для благополучия и жизни населения, под страхом крупного штрафа и тюремного заключения от двух до трех лет.

Москва
1959

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

История человечества - свидетельница возвышения и падения многих народов. Едва ли есть такая страна, которая в какой-нибудь исторический период не была бы вершительницей судеб окружающего мира.

Взглянув на карту Европы можно вспомнить, что Португалия, например, сыграла выдающуюся роль, способствовав открытию многих стран Африки, Азии и Америки. Испания в течение нескольких столетий диктовала свою волю многим народам Европы и тоже в немалой степени участвовала в великих географических открытиях. Не говоря уже о Франции и Италии, роль которых в истории достаточно хорошо известна, можно, например, вспомнить Ирландию, которая в VIII-IX вв. была рассадницей просвещения в Европе, дав таких выдающихся философов, как Дунс Скот. Венгрия в течение нескольких сот лет наводила ужас, производя опустошительные набеги на соседние страны. Швеция почти полтора столетия господствовала в Северной, Центральной и Восточной Европе и пыталась, правда безуспешно, завоевать Россию.

В Азии также почти все страны в свое время приобретали величие и также со временем теряли его. Достаточно назвать Монголию, Персию, Турцию, Армению, Грузию, Аравию, Японию и современный Китай.

Причины возвышения и падения разных стран и народов подчас недоступны человеческому взору и всегда являлись предметом всевозможных догадок. И сейчас, в наше время, есть еще страны и народы, не сказавшие пока своего слова в истории. Но общий характер всемирного исторического развития убедительно свидетель-

ствует о том, что рано или поздно эти страны выскажутся и оставят свой - разумеется, яркий - след в истории.

И для тех, кто усомнится в этом, на наш взгляд неопровержимом факте, мы хотим указать на пример недавнего необычайного возвышения Гренландии (ныне Нунатаки).

Гренландия (Нунатака) была открыта первоначально норманнами-исландцами в конце X века. В 982 или 983 году некто Эрик Рыжий, изгнанный из Исландии за убийство, бежал в Гренландию и провел три года на ее западном берегу. Вернувшись в Исландию, он распустил слух о том, что нашел страну, богатую растительностью, и стал привлекать туда колонистов. Год спустя в Гренландию отправилось 25 судов, из которых дошла только половина. Вскоре колония разделилась на две: восточную и западную, между которыми находилась пустынная, незаселенная часть берега. Сношения между Гренландией и Европой продолжались до начала XV века. Полагают, что гренландские колонисты вымерли или были перебиты туземцами-эскимосами; возможно и то, что они смешались с последними, в пользу чего говорит то обстоятельство, что среди эскимосов, уже с первых времен новой колониализации Гренландии датчанами, встречались люди с признаками европейского типа.

Но действительное открытие Гренландии было сделано не ранее конца XVI и начала XVII века английскими моряками Фробишером, Дэвисом, Гудсоном и Баффином, по следам которых направились позже и датчане, основавшие там в 1721 году, после многих неудачных попыток, колонию Годхоб. К концу XIX - началу XX века Гренландия стала частью Дании. К тому времени там проживало (по переписи 1888 года) 10 221 человек, из них 300 датчан на полосе берега, имеющего в ширину несколько десятков, а местами и более 150 километров, в то время как остальная поверхность была покрыта сплошной ледяной коркой.

Невероятный технический прогресс XX века постепенно видоизменил облик этой заброшенной страны. Пароходные рейсы и реактивные авиалинии связали Гренландию с Англией, Исландией,Канадой и Данией.Отстраивались города, развивалась промышленность. Численность населения возрастала, и к 60-м годам XIX века она уже достигала (по переписи 1959 года) 99 865 человек. Многие гренландцы получили высшее образование в Оксфорде,Копенгагене, Бостоне, Монреале.

Под влиянием общего стремления к национальной независимости,охватившего весь мир, в Гренландии также образовалось националистическое движение, ставившее себе задачей отделение от Дании. Это движение, присвоившее себе имя "Наутака", т.е. скала по-эскимосски, постепенно собрало вокруг себя все коренное гренландское население. Возникли кровавые столкновения между гренландцами датского и эскимосского происхождения.

В 1981 году упорная борьба гренландских эскимосов закончилась их победой. Датское правительство признало независимость Гренландии и эвакуировало всех гренландцев датского происхождения.Новая страна вступила в Организацию Объединенных Наций под именем Нунатака.

Народ Нунатаки ясно сознавал свое кровное родство с коренным населением Канады и Соединенн Штатов. И поэтому вскоре родилось новое международное движение - панэскимосизм. Если в 60-х годах XX века Канаду волновала распря между лицами английского и французского происхождения и никому еще в голову не приходило принимать в расчет чаяния эскимосов,то в 80-х годах положение резко изменилось. В 1983 году глава правительства и вождь Нунатаки Христоф Аулатлевик направил ноту правительству Канады, в которой категорически потребовал возвращения Нунатаке Баффиновой земли. Положение стало очень напряженным, однако силы Канады и Нунатаки были неравны. Канадская армия, многочисленная и отлично вооруженная, могла легко завладеть всей Нунатакой, чему препятствовало лишь мировое общественное мнение.

Никто не мог предполагать тогда неожиданного поворота событий, вызванного замечательными изобретениями нунатакского инженера, выпускника Массачусетского технологического института Фредерика Уманака. Первым из этих изобретений было,как известно, создание конхоидального ружья, вызвавшее полный переворот в военном деле. Ось ствола, согласно этому изобретению, имела вид кривой, именуемой в математике конхоидой окружности, или улиткой Паскаля*. Конхоидальное ружье давало возможность пехоте вести огонь по противнику, не высовываясь из глубоких окопов, с помощью перископических прицелов. Таким образом, потери живой силы были почти исключены. По сути дела,идея изобретения конхоидального ружья была заимствована Фредериком Уманакой из широко распространенного среди народов разных стран фольклорного образа так называемого кривого ружья. Но,как и другие фольклорные и сказочные образы, воплотившиеся в реальность в результате технического прогресса, кривое ружье получило свое воплощение в виде конхоидального ружья Уманаки. Это выдающееся изобретение также убедительно свидетельствовало о том, что технический прогресс перестал быть исключительным достоянием нескольких высокоразвитых стран - США, Англия, Япония или Советский Союз. Конхоидальное ружье своим появлением сразу изменило соотношение сил между Нунатакой и Канадой.

24 июля 1984 года армия Нунатаки вторглась на территорию Канады. Скоростные землеройные машины быстро проделывали ходы к неприятельским позициям, а нунатакские солдаты, вооруженные конхоидальным оружием, молниеносно продвигались к позициям врага. Канадская армия бежала в панике, а коренное эскимосское население с ликованием встречало долгожданных освободителей и толпами вступало в ряды нунатакской армии.

**Общеизвестное уравнение конхоиды в декартовых координатах* представляет собой* $(x^2 + y^2 - ax)^2 = b^2(x^2 + y^2)$.

Как полагают, в качестве рабочей части кривой конхоидального ружья выбран участок с координатами от $x = -0,5$; $y = 0$ *до* $x = 0$; $y = 5$.

Проведя победоносную кампанию за 18 дней и потеряв всего лишь семь человек убитыми и среди них одного унтер-офицера, именем которого назван ныне бывший Гудзонов залив, нунатакская армия заняла Монреаль, Квебек, Оттаву, Ванкувер, Виннипег. Десятки и сотни тысяч беженцев устремились на юг, в Соединеные Штаты. Армия США была приведена в боевую готовность. В Вашингтоне все были уверены, что нунатакская армия не посмеет развязать военные действия против США, зная об их гигантской ядерно-ракетной мощи.

Тем временем специалисты по вооружению в наиболее развитых странах мира безуспешно пытались раскрыть секрет конхоидального оружия. Единственно удалось установить, что ствол ружья Фредерика Уманаки обрабатывается вначале обычным способом, а затем выгибается по конхоиде на трубогибочном станке с программным управлением. Однако дальнейшие опыты заводили в тупик. Все ружья, изготовленные таким образом, разрывались на части при испытании. По-видимому, Фредерик Уманака открыл какой-то поправочный коэффициент к конхоиде, который улучшал ее баллистические качества. Все эксперименты крупнейших специалистов по оружию, в числе которых были такие имена, как Джонатан Кароэ и Ганс Юрген Крайкебом, окончились безрезультатно.

16 апреля 1985 года нунатакские войска неожиданно пересекли границу США в районе Великих Озер. Президент после краткого совещания в Белом Доме решил нанести ответный атомный удар. "Я отдаю себе полную ответственность в том, что этот шаг может вызвать нежелательную реакцию во всем мире, но речь идет о судьбах нашего народа", - заявил президент, выступая по радио и телевидению. Решено было вначале нанести ограниченный атомный удар предупредительного характера. Около ракетной установки с атомной боеголовкой собрались военные. Ожидалась последняя команда. Внезапно вой летящего снаряда прорезал воздух. Раздался взрыв, который, к счастью, никого не задел. Однако тут же произошло нечто очень странное. Все стоявшие вокруг и попрятавшиеся люди непреодолимым образом начали устремляться к центру взрыва, увлекаемые какой-то могучей силой. Одновременно многие металлические предметы из ракетной установки также под действием этой таинственной силы были увлечены к центру взрыва. Затем все люди и металлические предметы вместе с каким-то черным ядром, оставшимся от взорвавшегося снаряда, поднялись в воздух и исчезли с поразительной быстротой. На месте, ошеломленный, остался лишь единственный из всех присутствовавших штатский, личный представитель президента, который почему-то не был захвачен этой странной притягивающей силой. Ракетная установка была приведена в негодность.

В то же время нунатакские войска приближались к Чикаго. Страну охватила паника. Президент снова отдал приказ повторить атомный выстрел, но снова таинственный снаряд, разорвавшись, своим сохранившимся ядром увлек за собой всех присутствовавших военных и привел в негодность ракетную установку.

Моральное сопротивление Соединенный Штатов было подавлено. Небольшая нунатакская армия почти без сопротивления занимала один за другим северные города страны. В тех же местах, где отдельные отряды американской армии пытались организовать сопротивление, они под атаками нунатакцев, вооруженных конхоидальными ружьями, уничтожались или обращались в бегство.

Таинственное нунатакское оружие, поразившее обе ракетные установки США и фактически сломившее сопротивление этой страны, было вторым замечательным изобретением Фредерика Уманаки. В Нунатаке запасы железной руды весьма ограничены. Поэтому еще перед началом первой конхоидальной кампании против Канады вождь Нунатаки, знаменитый Христоф Аулатлевик, поставил перед учеными страны задачу всемерной экономии стали. Фредерику Уманаке удалось после упорной работы создать новое огнестрельное оружие, использовавшее принцип бумеранга.*

В метательный снаряд Фредерик Уманака поместил мощный электрический аккумулятор. В полете пропеллер на оси снаряда,вращаясь, заряжал аккумулятор. Все электрооборудование снаряда было заключено в высокопрочную оболочку. Полагают, что материал оболочки был получен Уманакой добавлением в титановый сплав одного из редкоземельных элементов, по-видимому, иттрия.

Ядро с электрооборудованием при разрыве снаряда оставалось невредимым и в силу особенностей бумеранга поворачивало обратно.

При взрыве энергия, накопленная в аккумуляторе, переключалась на обмотки электромагнита, также заключенного в ядро снаряда. Первоначально по замыслу изобретателя электромагнитный бумеранг предназначался, помимо поражения живой силы врага,для собирания своих же собственных осколков, разбросанных на поле боя. Однако первое же испытание показало, что к ядру бумеранга притягивались не только осколки с поля боя. К ядру притягивались, кроме того, осколки, попавшие в людей, а также всевозможные ферромагнитные предметы.

Достаточно мощные электромагнитные бумеранги притягивали человека,если, например, на его ремне была железная пряжка.Кроме того,осколки, хаотично располагавшиеся вокруг ядра бумеранга, обычно причиняли серьезные ранения притянутым людям.

Первое же боевое крещение электромагнитного бумеранга,поразившего ракетную установку США, показало его блестящие качества. Весь расчет ракетной установки был взят в плен Нунатакой. Единственный штатский, не притянутый к бумерангу, не имел на себе, как другие американские военные, ремня с металлической пряжкой.

Тем не менее, электромагнитный бумеранг Уманаки возбудил негодование многих людей. Бумеранг этот стали называть крова-

---

**Бумеранг – древнее национальное оружие австралийских туземцев.После попадания в цель оно возвращается обратно на место.*

вым, так как обычно при обратном полете он оставлял за собой следы крови от ран, нанесенных притянутым к нему людям.

Нельзя, конечно, признать эти нападки справедливыми.

A la guerre comme à la guerre. Жители США, правительство которых намеривалось дважды,хотя и безуспешно,произвести атомные выстрелы по нунатакцам, лицемерно сокрушались при виде электромагнитного бумеранга. Следует заметить, что нунатакцы при возвращении бумерангов на место и, разумеется, после разряда аккумуляторов быстро оказывали врачебную помощь военнопленным.

Вскоре, правда, американское командование изъяло из употребления солдат какие бы то ни было ферромагнитные предметы, так что количество жертв резко снизилось. Кроме того,некоторые солдаты при виде бумеранга быстро освобождались от ферромагнитных предметов, если они были на них, и таким образом спасались.

Впоследствии нунатакцам удалось с помощью электромагнитного бумеранга захватить в плен государственного секретаря США Уильяма Роджерса в то время, как он совершал поездку в автомобиле. Государственный секретарь был доставлен в автомобиле вместе с охраной и шофером непосредственно в ставку командования нунатакской армии, откуда был произведен запуск электромагнитного бумеранга.

Для дезорганизации американского тыла Нунатака стала успешно применять холостые электромагнитные бумеранги в целях экспроприации ферромагнитных предметов. Начался систематический обстрел рудников, металлургических комбинатов,машиностроительных заводов. Огромное количество железной руды, слитков металла и дорогостоящего оборудования переправлялось электромагнитными бумерангами на территорию, оккупированную Нуматакой.Американцы пытались использовать против бумерангов ракеты земля - воздух, но совершенно безуспешно. Сильное магнитное поле выводило из строя аппаратуру наведения ракет, сбивая их с курса. Нунатакская армия продолжала наступление. Американцы, наконец, стали оказывать отчаянное сопротивление, но не могли ничего противопоставить конхоидальному оружию и электромагнитным бумерангам. В это время произошло событие, вызвавшее перелом в ходе войны. На полигоне возле Скорсбисунна (Восточная Нунатака) проходили испытания нового сверхмощного электромагнитного бумеранга, который был в состоянии экспроприировать целиком ракетную установку. На испытаниях, наряду с Фредериком Уманакой, генеральным конструктором Нунатаки, присутствовал вождь нунатакского народа Христоф Аулатлевик вместе с другими руководящими деятелями нунатакского правительства. Аулатлевик, Уманака и другие расположились на наблюдательном пункте около стенда с различными инструментами.

В то время как сверкающий бумеранг возвращался после удачного выстрела с огромной моделью ракетной установки,на полигоне произошла непредвиденная трагическая случайность.Инструменты, находившиеся на стенде, устремились к бумерангу по силовым магнитным линиям, к величайшему несчастью проходившим наиболее интенсивно через пространство, занимаемое руководителями Нуна-

таки. Фредерик Уманака был разрезан пополам ножовкой. На теле Христофа Аулатлевика было впоследствии обнаружено семь сквозных отверстий, проделанных сверлами разных размеров. Три члена кабинета министров Нунатаки, в том числе министр обороны и главнокомандующий войсками, были убиты наповал в результате попадания в голову молотка, зубил и ручных тисков. Все остальные присутствовавшие, за исключением нунатакского министра пищевой промышленности, получили серьезные ранения.

В Нунатаке произошло замешательство, чем немедля воспользовались воспрянувшие духом американцы.

На всех фронтах от Атлантического до Тихого океана американские войска перешли в наступление. В оккупированной Канаде произошло восстание. Нунатакские войска начали безостановочное отступление. Большое количество конхоидального оружия и установок для запуска бумерангов попало в руки американцев и канадцев. Не владея еще секретом производства конхоидального оружия и электромагнитных бумерангов, американцы и канадцы научились успешно применять его.

Отсутствие власти и моральный упадок в Нунатаке довершили свое дело. Через 44 дня после трагической гибели нунатакского правительства в Скорсбисунне объединенная американо-канадская армия высадила десант в Эгерисменне,а затем захватила столицу Нунатаки Готхоб. Нунатака капитулировала. На всей ее территории были созданы военно-полевые суды. Сторонники Аулатлевика расстреливались без апелляции. Был введен оккупационный режим сроком на 25 лет...

Но до сих пор многие нунатакцы тайно совершают опасное путешествие в Скорсбисунн, чтобы склонить голову у места гибели Аулатлевика и Уманаки (могилы их в Готхобе были уничтожены оккупантами) и принести клятву возродить былое величие своей страны.

Москва
1959

Виктор Кривулин

ОДНА И ЕДИНСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Как же их не любить и не стлаться во прахе
перед ними – дрожащими? И ни одной
неизгаженной жизни, судьбы недвойной,
но – предательства, мании, страхи.

Как же их ненавидеть? они говорят
на Твоем языке и в молчаньи Твоем.
С человеком несказанным, с общим нулем,
как сообщники, смотрим и не узнаем,
ловим – и не поймать ускользающий взгляд.

Как не пасть на колени: прости! Пеленою
застлан свет электрический, сумрак дневной.
Слезы трудно слезами назвать, если нет ни одной
неоплаканной жизни. И даже весной
все нездешнее з д е с ь , даровое.

Тонко с бритвой бумажной и шелестно жить!
Я жалею о каждой минуте, отрезанной доле,
я на улице плачу железной,

на улице долгой,
в доме эроса и алкоголя.

Родовое начало – во чреве цветок нутряной –
распускается в меру ветшания плоти.
Семя льется, вливается в лоно,
и женщина – дерево скорби –
раскрывает объятья тому, что за мной.

Эта мгла, рассеченная вживе, – ожившая дверь
в бесконечную улицу с цепью срединной
световых виноградин и слезных...
Цепочка вживляется в грудь
полуэллипсом, образом звездной хребтины.

Эта мгла, раздвигаясь, объемлет, но в ней наслаждение, в ней!
Я ко рту прижимаю огромное облако ваты,
обесцвеченным голосом воя
от жалости и униженья.
Но женщина – лезвие света – сиянием лунным объята.

Что за полет невозможности жить!
Что за восторг, исторгаемый из
обреченного тела!

Они всегда риторичны,
они безосновны
и в гости пустые зовут
или в гости пустые приходят
и приводят подруг.

Эти бабочки хаоса,
плотяные смертельные музы
на плечо пиджака опускаются,
музицируют арфами ворса,
шерстью поющей...

Получается музычка.
Образуется позднедворовый концерт.
Утрояется жалость –
и утром, в любовном союзе,
продолжаешь лежать, обнимая

ветхие крылья.

К ним – какое сочувствие? К нам –
ну какое, скажи, снисхожденье?
Нимбы над головами, несомые каждым,
их тяжесть, какая растет от рожденья,
нимбы над головами, не сами – но омуты неба,
всасывающие нас.

Если так – то случалось не с нами, о чем
говорили: Моя это жизнь до скончанья,
только моя и ничья
больше. Нимбы над головами,
их чугунное перемещенье
и удары в затылок.

Хиромант, угадавший войну
из ладоней, где линии жизни
пресеклись посредине, –
о, я помню о нем, прилипая к окну!
Подо мною круги световые повисли –
над макушками трех алкашей
и мента, говорящего с ними.
Это видно и больно.

Только под ноги можно смотреть, не рискуя
натолкнуться на лица, покрытые марлей
или тряпкой рогожной, –
только под ноги! падая в пыль золотую...
Да и то невозможно.

* * *

Все невозможно. Даже возможное – пыль.
Нелюбопытные путники с пеньем слепым
катят печальное медленное колесо,
или мучнистое, с тысячелетним налетом
пуха и одури, поворотилось Лицо.
Бывшие летчики молча смещались с народом –
пьют на углах, на мгновенье легчая.
Пыль подымается – праздничная, золотая,
        пыль драгоценная!

* * *

Какая злая связывает связь
любимого и любящего. Всюду
я вижу подворотни и проходы
и внутренние нижние дворы.

Здесь не живут любимые, и здесь
живут любившие и любящие. Больше
здесь никого и не жило. Повсюду
клеймо чужой спины и клейкий дух,

оставленный от прежних поколений.
Молите Господа об умиравших здесь!

* * *

Я, что я вижу? – да что и другие.
Мы надежду наверное соорудим –
брачный шалаш для Иакова и Рахили,
дом размаха московского, праздничный в дым.

Что же в дыму я увижу? в чаду? – не рожденье ль из пара?
Над закипевшим котлом, оформляясь, плотнело дитя.
Тело творилось, от глаз начиная, от головоносного шара,
до окончательного младенческого ногтя.

Жертвенный жирный бульон разливали по плошкам.
Гости пьянели от запаха крови козла.
Возле библейской четы на разрыв бесновалась гармошка
и довоенною песнью, фальшивя, терзала и жгла.

Дай мне стерильную вату, что смочена бледной водою, –
жирные пятна похлебки тучнеют в очах! –
как бы стереть это зрелище, это пятно жировое,
эту надежду на счастливочестный очаг?

Ты, убогий мой дар, ты, мой голос негромкий!
Дымно прошлое наше, надуманно то, что сейчас,
и какая печать пораженья лежит на потомке,
и какая вина перед будущим прячется в нас.

Это высказать можно одним лишь лиеньем любовным.
Я не знаю на свете и двух человек,
чье дыханье совпало бы на перекрестке духовном,
чье движение – встреча, а не разделенный ночлег.

И поэтому почва под нами напитана кровью.
Вся история родины – светлый поток нелюбви,
и любая душа предается с восторгом злословью –
и окажется преданной перед чужими людьми.

Оголенное слово опасно как пошлость прямая,
но в забвеньи метафор и технической силы стиха
я твержу, повторяя, твержу и в себя принимаю:
ты, убогий мой дар, мой потомок, мои потроха!

Ты – язык мой! любви моей печень больная!
Обложного дождя настоящая власть!
И какое тогда пониманье – когда, обнимая,
обнимаю высокого тела нижайшую часть?

Где трещина змеилась по стене,
где внутренняя жизнь пересекалась внешней —
сюжета не было. Развитье мглы кромешной
остановилось деревом во мне.

Я думал о герое для романа,
о героине, преданной ему,
и в событийном плавали бульоне
их редкие невидимые встречи.

История не знала направленья,
то сталкивала их, то разрывала,
и лишь необратимое нетленье
преображало робкие тела.

Менялся облик улиц и одежда,
мягчал режим и вновь ожесточался,
но эти вновь оказывались рядом —
фигуры, предстоящие Кресту.

И, пойманы оптическим прицелом,
они совпали в точку золотую,
и трещина, змеившаяся в теле,
как руку, выпростала ветвь.

Если еще не зажглась над Китаем гремучая точка
и не дошли до Рейна советские танки,
то всю эту технику и человечью машину
сдерживал не политик, а наши объятья.

июнь 1978

Александр Миронов

С Т А Н С Ы

Аз есмь червь, а не человек.

Псалом Давида

I

Я укорял себя: мой бред –
Я говорил – порочен
Меж теми, кто угрюм и сед,
Упрям и сердцем точен.

И я отправил блажь свою
На почту Безымянных,
Но вот, я все еще стою
Среди столбов песчаных.

А те, кто предо мной стоял,
Когда я плыл в эфире,
Безумства выпили фиал
И вспомнили о мире.

Так, в озабоченном краю,
В бегах и разговорах
Открыли будущность свою,
Как открывают норы.

Закрыта будущность моя,
Но среди прочих знаков
Ты возлюбил узор червя,
Блаженный сын Иаков.

Мольба смиренного слепца –
Благодеяний нива –
Для жизнедавца и Ловца
Отменная пожива.

Ты весь у Господа в руке,
В сетях словесных нитей...
О, Червь на огненном крючке,
Господь мой и Спаситель!

II

– Поговори со мной, душа.
Вина, как видишь мало,
Перед очами два шиша
И мрака до отвала.

– Я жертва, я овца...
– Постой,
к чему сие безумство,
когда влечет плодов настой
и века вольнодумство?

– Я жертва, я овца...
– Постой,
но жертвенности мало,
перед очами век пустой
и мрака до отвала.

– Я жертва, я овца...
– Ступай
в свое овечье стадо,
Сердечный мрак не вспоминай –
овце ума не надо.

– Я вспоминаю имена,
которыми отныне
изумлена, обличена
Мариею в пустыне.

– Ты вспоминаешь имена
своих овец не боле...
Смотри же, пьяная страна –
зверь в роковой неволе.

– И я невольница чуть-чуть,
От Господа – опала,
но Жертвой обозначен путь,
и света до отвала.

– Отвальную, теперь, конец
вина нам не хватило!
– О, Боже, как красив венец,
как славно все, что было!

– Ступай, безумица, ступай
в свое овечье стадо –
быть может, вспомнишь невзначай...
Постой, душа, не надо.

III

Авессалом, бунтарь, орех –
Повис самоубийца.
Я среди выспренностей всех
Узнал тебя, девица.

К чему, Мария, средь зверей
Ты плачешь и бормочешь?
Есфирь, душа души моей,
Проси, чего ты хочешь?

Душа моя, я только царь,
Раб вековой гордыни,

Проси лазурь и киноварь,
Я только раб отныне

Среди царей, рабов, зверей
Полудня, дня и ночи...
Юдифь, душа души моей,
Проси, чего ты хочешь?

– Я попрошу души твоей.
– Душа моя, не боле?
– Душа твоя – жилье зверей –
Зверь в роковой неволе.

– Изволь я раб твой. – Не спеши,
Признания довольно.
Я знаю прелести души,
Но рабство добровольно.

– Ты не девица – вепрь и муж,
И в сговоре вас – трое.
– Люблю тебя, бесценный муж,
Усни, я все устрою.

Ты прав, любимый мой, есть течь
В моих словах, не следуй
Их простоте, но где мой меч?
Заснул. Пора. Победа.

IV

Пиит, смеяться не спеши.
Сей плод созрел для корма,
И лишь за множеством души
Мне не достало формы.

*

Усни, подумай полчаса,
Как славу петь Отчизне,

---

* Во сне готовится матрица сознания (прим. автора).

Поют ли наши голоса,
И хватит ли нам жизни?

Сквозь сети слов и Майю лет,
Сквозь маяту событий
Я вижу брошенный билет
В далекий New-York-city.

Я вижу земляных червей,
Где всякий одинаков,
Но щедр от Благости Твоей
Блаженный червь Иаков!

1975

Вилен Барский

СТИХОТВОРЕНИЯ

щебечущие сны
запутывают песню
рождается
двойник и невозможность выбора
открыт туман соцветий
и поименно падают
колонны дня
задуман дом и светится стена
и шум деревьев господствует
над сном горизонтальным прибоя
ласточка летит

7.1966

как серебряный провод
как пояс
небес отстояние
проплывающий мимо
плыви понимая
убеждаясь потом
крыло посеревшее

взгляд уносит
понемногу
безжалостно
форму родивший
пожирается ею

7.1968

сжимаясь
и разжимаясь
сжимаясь
и разжимаясь
несся дьяволом точности
пес
с черной тряпкой в зубах
как с крылом на ветру
а река задавала вопрос
мертвым этого года

этот бег навсегда
в позднем холоде вечера
в темноту
где хозяина голос
где брошена эта минута
покинута
где река задавала вопрос
мертвым этого года

11.1969

видим ли друг друга

мы смотрим видим ли
что ноздри рисунок странный
что глаз полуприкрытый
что веко влажное от слез невольных
опомниться нельзя
мы видим ли

паренье слов пар слов туман
скорее рук касание
прикосновенье тел скорее
тепло и холод
но пальцы скрыты
облаками слов
о звуков сеть
о тканые слова
о колыханье душ в раздельных колыбелях

3.1975

прохождение

тоска столовок – приближений к ним
и тяжесть зданий тяжестью огромных
пространства площадей пылили им
их записав давно в разряд бездомных

весенней зелени клочки меж стен
как вскрики только отпевали радость
их ноги если двигались то с тем
чтобы усталость испытать как сладость

что нужно было им что их влекло
чем пустота асфальта их манила
все дальше от самих себя стекло
витрин холодное их уводило

то город-марево то истукан
отторгнув и забыв свое былое
хотел их души выпить как стакан
воды и обратить в полуживое

угрюмый труд – упорство берегов
камней среди которых проплывали –
смотрел на них фасадами домов
и те уже почти торжествовали
закрыв глаза и проходя сквозь сон
их окружавший в них уже растущий

еще несли их губы вкус времен
неясный – прошлых будущих – но сущий

26.9.83

в сияющем и чистом свете немецкий вечер уходил от рамы
оконной от кирхи указующей на небо от неба купола от глаз
касалось солнце рамы щербину оставляя в ней недолго
сейчас уйдет как скатится еще сияя небом
птица след полета оставила на небе черной лентой
и небо сиять оставленное солнцем как в раму вправленный
чистейший свет и колокол не бьет и свет струится
рожденный для наших глаз а может для души

23.10.83

Вилен Барский — художник и поэт, эмигрировавший в 1981 году из Киева. Живет в ФРГ. Печатался в журналах «Ковчег», «Время и мы». Подробнее о нем см. в ж. «Время и мы» № 65.

Лев Лосев

ПОЭЗИЯ И ПРАВДА У СОЛЖЕНИЦЫНА

1. "Как на самом деле"

Самый популярный и влиятельный русский писатель нашего времени, А. И. Солженицын, живет и работает в идиллическом уголке Вермонта. Дом Солженицына в Кавендише – это не только семейное обиталище и место работы писателя, это еще и издательство. Здесь, под наблюдением автора, в основном, как я понимаю, членами его семьи редактируются, набираются и корректируются тома его полного собрания сочинений, которые затем передаются издательству YMCA-Press в Париже для заключительной, полиграфической стадии и для продажи.

Издание собственных сочинений как семейное предприятие – старая русская традиция. Издательством занимались, например, энергичные жены Достоевского и Льва Толстого. Дело это только упростилось в наше время (для писателей-эмигрантов, разумеется) с появлением компактных и недорогих наборных машин, таких как композеры фирмы ИБМ, на которых набирают собрание сочинений Солженицына.

В новом издании собрания сочинений Солженицына даются справки о творческой истории публикуемых произведений, которыми автор сопровождает каждое из них. Эти уведомления читателю, написанные в откровенной разговорной манере, объясняют, почему именно данный вариант той или иной вещи

следует считать окончательным, наиболее отвечающим замыслу автора. Авторский контроль над предыдущими изданиями, рассказывает Солженицын, был ограничен, затруднен или вообще невозможен. В вещах, которые печатались или предназначались для печатания в Советском Союзе, делались некоторые уступки официозной редактуре, устранялись или изменялись те места, которые могли спровоцировать советскую цензуру на крутые меры.

Вот пример такого послесловия, из второго тома собрания сочинений, к роману "В круге первом".

"Роман начат в ссылке в Кок-Тереке (Южный Казахстан), в 1955, 1-я редакция (96 глав) закончена в деревне Мильцево (Владимирская область) в 1957, 2-я и 3-я – в Рязани в 1958 (все уничтожены позже из конспиративных соображений). В 1962 сделана 4-я редакция, которую автор считал окончательной. Однако в 1963, после напечатания "Одного дня Ивана Денисовича" в "Новом мире", появилась мысль о возможной частичной публикации, были выбраны отдельные главы и предложены А. Т. Твардовскому. Дальше эта мысль привела к полному разъему романа на главы, исключению вовсе невозможных, политическому смягчению остальных и таким образом составлению нового варианта романа (5-я редакция, 87 глав), где сменена была главная сюжетная линия: вместо "атомного", как было на самом деле, поставлен широкоизвестный советский сюжет тех лет – "измена" врача, передавшего лекарство на Запад. В этом виде обсуждался и принят "Новым миром" в июне 1964, но попытка публикации не удалась. Летом 1964 предпринята противоположная попытка (6-я редакция) – углубить и заострить в деталях вариант 87 глав. Осенью фотопленка с этим вариантом отправлена на Запад".*

Незамысловатые на первый взгляд справки, как эта, возможно, независимо от намерений автора, о многом говорят тем, кто изучает современный литературный процесс. Отчетливо выделяются три момента.

Во-первых, нас словно бы приглашают заглянуть на миг в мастерскую писателя – возможность, которой авторы не так уж часто радуют критиков. И мы сразу же обнаружива-

---

* Мы обозначим, как это уже вошло в практику пишущих о Солженицыне критиков, две основные версии романа как К-96 и К-87.

ем интересные вещи. Например, мы узнаем, что работа над "Кругом первым" растянулась ни много, ни мало – на 23 года!

1955: начало.
1957: 1 редакция, 96 глав. Уничтожены. 7 лет
1958: 2 и 3 редакции – 96 глав.
1962: 4 редакция – 96 глав, "окончательная".

1963: 5 редакция – 87 глав, "смягченная".
1964: 6 редакция – 87 глав, "углубленная и заостренная", опубликованная на Западе.* 2 года
1978: 7 редакция – 96 глав (1-2 тт. С. с.), "кое-что усовершил".**

На днях в газетах мелькнуло сообщение о литературной находке. В американских архивах обнаружили рукопись романа другого, не менее известного, чем Солженицын (и не меньшего моралиста, чем Солженицын), писателя, англичанина Грэма Грина. На вопрос журналистов Грэм Грин ответил, что он просто-напросто *забыл* о том, что когда-то закончил этот роман. Хотя Грин делит свои романы на серьезные и развлекательные и новонайденный, "Десятый человек", видимо, принадлежит к последним, я думаю, мы можем использовать этот пример для иллюстрации двух полярно противоположных художественных ментальностей. Просто невозможно себе представить, чтобы Солженицын забыл что-то из им написанного. И дело не только в том, что в годы заключения он тренировал свою память, запоминая большие отрывки текста, которые слишком опасно было доверять бумаге. Дело, видимо, еще и в самой концепции литературного произведения – различной у Солженицына и у его западного коллеги. Для Солженицына его произведение не столько артефакт, который может быть доведен до некоего стандарта, считаемого совершенством, закончен и таким образом отчужден от творца, для Солженицына его произведение – это, прежде всего, его свидетельство об исторической реальности и суждение об этой

* *Собрание сочинений,* тт. 3, 4, Франкфурт-на-Майне, Possev-Verlag, К-71 (К-87).

** *Собрание сочинений,* тт. 1, 2, Vermont-Paris, YMCA-Press, 1978 (К-96).

реальности, и как таковое оно никогда не может быть окончательным, законченным. Ведь знание автора о свидетельствуемой реальности непрестанно пополняется, а суждение его уточняется, становится, как он верит, глубже и справедливее.

Похоже, что лаконично прокомментированная хронология литературной работы Солженицына недвусмысленно указывает на то, какую философию искусства он разделяет.

Второе указание, которое мы можем извлечь из справок-послесловий, относится к вопросу о политическом положении русского писателя, точнее о его сложных взаимоотношениях с идеологической цензурой. Здесь имеется целый ряд проблем для такого социально-сознательного ("ангажированного") писателя, как Солженицын. Какие жертвы можно принести цензуре ради того, чтобы получить доступ к читателю? В какой степени возможен компромисс и в какой момент уступки цензуре означают разрушение самого замысла, ядра произведения?

Глядя со стороны, литературный критик вправе поставить те же вопросы по-другому: какого рода структурные изменения происходят в самой художественной ткани произведения в результате авторского компромисса и профилактической самоцензуры? Располагая свидетельством автора по этому поводу и двумя вариантами опубликованного произведения, из которых один соответствует авторскому замыслу максимально, а другой есть результат компромисса, мы получаем возможность для сравнительного анализа.

В-третьих, читая солженицынские обращения к читателям, нельзя не обратить внимания на один мотив, который так или иначе присутствует в них. Мотив этот всегда возникает у Солженицына мимоходом, в форме констатации само собой разумеющегося, то есть отражает глубинную убежденность писателя. Мы уже цитировали послесловие к "Кругу первому", где, в частности, говорится: "вместо 'атомного', *как было на самом деле,* поставлен широкоизвестный советский сюжет тех лет – "измена" врача, передавшего лекарство на Запад" (курсив мой. – Л. Л.) Несколько лет спустя в послесловии к новой полной публикации романа "Август 1914" он сочтет нужным заметить:

"Все заметные исторические лица, все крупные военачальники, упоминаемые революционеры, как и весь материал обзорных и цар-

ских глав, вся история убийства Столыпина Богровым, все детали военных действий, до судьбы каждого полка и многих батальонов, – *подлинные*".

И даже:

"Отец автора выведен почти под собственным именем, и семья матери доподлинно. Семьи Харитоновых (Андреевых) и Архангородских, Варя – подлинные, Ободовский (Петр Акимович Пальчинский) – известное историческое лицо".

Мы имеем дело с определенно выраженным эстетическим кредо. Вопрос, который столь многим художникам представлялся сложным, иногда мучительным, иногда неразрешимым, вопрос об отношении искусства к действительности, извечная в искусстве дихотомия Dichtung и Warheit, Солженицыным решается, по крайней мере для себя, крайне просто: описывать с наивозможной точностью то, что было.

Проследить, насколько такая крайняя эстетическая позиция (чуть ли не натурализм!) соответствует реальной художественной практике автора, представляется весьма любопытным

Я не берусь ответить исчерпывающе на эти вопросы. В первую очередь я бы хотел просто обратить на них внимание читателей Солженицына. Я также хочу в свете вышесказанного поделиться некоторыми наблюдениями, возникшими при параллельном чтении двух опубликованных версий романа.

2. Два „Круга первых"

Сравнивая два издания, мы, прежде всего, наталкиваемся на купюры и поправки, сделанные ради цензуры (в 1-м издании) и просто стилистические (во 2-м). За 23 года вырос опыт, стал строже литературный вкус автора. В старом варианте, например, при первом появлении Рубин описывался как „крупный мужчина с пышной бородой библейского пророка". В окончательном варианте говорится: „крупный мужчина с широкой черной бородой". Конечно, борода у Рубина ни на волосок не изменилась. Изменился литературный опыт автора: после четверти века работы в литературе его уже больше не привлекают красивые клише.

Что же касается "политического смягчения", то здесь мы видим, как изменяется ряд высказываний Нержина: то, что прежде было направлено против основ идеологии марксизма, в К-87 сужено до критики Сталина как вульгаризатора и исказителя чистых марксистских идей.

Однако самая большая неожиданность встречает читателя, знакомого с К-87, уже в первой главе К-96, так как мы обнаруживаем здесь, что существенным образом меняется сюжетная завязка романа – история преступления дипломата Иннокентия Володина.

Однако об этом мы поговорим немного позже, а сейчас я бы хотел напомнить вам, как построен этот роман, какое значение имеет в нем сюжетная линия Иннокентия Володина и тема литературного творчества. Только в этом свете мы сможем оценить кардинальные различия между К-87 и К-96.

"В круге первом" – один из самых композиционно продуманных романов в русской литературе. Именно через композицию романа, основанную на кругообразной схеме, выражается его основная идея – всеобщей связанности, причастности всех ко всему. Отсюда – симметрия всех сюжетных конструкций. Отсюда – обилие полемических диалогов (каждая точка зрения противопоставлена иной), как в романах Достоевского. Советский универсум, изображаемый в романе, имеет два полюса: Кремль и шарашка, – и все герои, все события распределяются по силовым линиям между этими двумя полюсами. (Поэтому, кстати сказать, в романе так много удачных встреч и совпадений: тоже, как у Достоевского.)

И только одна сюжетная линия кажется развивающейся независимо, слабо подтянутой к полюсам. Как раз линия, обеспечивающая фабульный толчок, завязку. Это – история Иннокентия.

Мотивировка фантастического поступка Иннокентия дана в самом начале романа так бегло, что мы почти не успеваем ее усвоить (К-87), или почти и вовсе не дана (К-96). Только в середине романа автор делает попытку дополнительной мотивировки (подробнее в К-96, где имеется глава о поездке к тверскому дядюшке). Но и возвращаясь к мотивированию отчаянного поступка, Солженицын делает это в бегло-описательной манере, совсем не в том ключе психологического реализма, в каком написаны все остальные страницы романа.

И кончается сюжетная линия Иннокентия обрывом, в К-96 даже на неоконченном слове: "Почему любовь к родине надо распростра...?" В этой обособленности важной сюжетной линии от остальных плотно переплетенных линий романа есть особый символизм: ведь речь как раз и идет о проявлении свободной воли в мире крайнего детерминизма, в мире подневольном. Но дело не только в этом.

Отметим еще одну особенность, выделяющую в романе образ Иннокентия и связанную с его развитием сюжетную линию: *литературность*. Иннокентий, т. е. "невинный" (значащее имя – подчеркнуто литературный прием!), появляется в московском мире романа со своим судом совести, словно с луны свалившийся, а точнее, приезжает из-за границы, как Чацкий, Безухов, Рудин, Мышкин, Ставрогин, т. е. как целый ряд героев русской литературы, которым в наших классических сюжетах отводилась роль "испытателей", катализаторов драмы.

Характерно, что процесс морального перерождения Иннокентия тоже объяснен только литературой: тем, что он вдруг начал читать книги и журналы серебряного века, вспоминать литературные суждения матери, беседовать с дядюшкой о писателях и философах. Самой своей фактурой портрет Иннокентия значительно отличается от других персонажей: другие даны в подробных психологических зарисовках, Иннокентий – главным образом, через то, что он читал.

Выраженная таким образом идея спасения России через обращение к ее высокой культуре очевидна. Дидактичность здесь почти не маскируется: иные страницы можно прямо воспринимать как идеологические лекции, иные – как рекомендательный список: что читать для прояснения исторического сознания.

3. Противостояние двух писателей

Но есть и другой аспект у сюжетной линии Иннокентия Володина. Рассказ Солженицына о духовно прозревшем чиновнике советского МИДа, о невинном государственном преступнике во многом связан со взглядами автора на литературу и ее роль в обществе, с его полемикой против советского

литературного истаблишмента. Более того, рассматривая историю Иннокентия в контексте советской литературы описываемой эпохи (конец 40-х годов), мы начинаем понимать, что костяк всего сюжета романа (К-87) – литературная пародия.

Пародируется одно вполне конкретное и широко известное в те дни литературное произведение, при этом автор пародируемой вещи узнаваемо отражен в романе и играет в нем весьма существенную роль.

Как мы уже отмечали, в основу своего романного метода Солженицын кладет "письмо с натуры": "И сама 'шарашка Марфино' и почти все ее обитатели списаны с натуры". Близость персонажей к прототипам так велика, что один из солженицынских прототипов, Д. Панин, даже озаглавил книгу собственных мемуаров "Записки Сологдина", как бы авторизуя тем самым свое изображение в романе. Как о живых людях и реальных событиях пишет о героях и перипетиях романа и другой его "персонаж", Л. Копелев (в романе – Рубин), в своей книге мемуаров "Утоли моя печали". Отнюдь не скрывает Солженицын и автопортретность образа Нержина. В "Бодался теленок с дубом" он приводит такую похвалу Твардовского по поводу К-87: "Хороша ирония в автопортрете, при самолюбовании себя написать нельзя"*.

Ни у кого из читателей, знакомых с русской литературой сталинской эпохи, не может возникнуть сомнения и в том, что прототипом писателя Галахова в солженицынском романе послужил Константин Симонов, поэт, прозаик, драматург, журналист (предшественник Твардовского на посту редактора "Нового мира"), неоднократный лауреат сталинских премий, член ЦК партии и т. д., и т. п., а главное – один из очень немногих в сороковые годы советских писателей, чье официальное признание сочеталось с огромной массовой популярностью и даже с некоторой известностью за рубежом.

Солженицын делает многое, чтобы подчеркнуть реальную историчность своего изображения Москвы 1949 года, в частности в том, что касается литературной жизни столицы. Почти все упоминаемые писатели и произведения названы своими

---

* А. Солженицын, *Бодался теленок с дубом*. Париж, YMCA-Press, 1975, стр. 88.

именами, не зашифрованы. Так тупой генерал Фома Осколупов (персонаж) встречается с писателем Казакевичем (реальное лицо), который собирается "с него писать образ современного ученого" (К-96, I, 103); заключенные шарашки с отвращением рассматривают реально существовавшие книги – роман В. Ажаева "Далеко от Москвы", сборник военных рассказов Алексея Толстого, сборник рассказов американских писателей; гости у Макарыгиных (персонажи) обсуждают реальную московскую новинку 1949 года – пьесу Вишневского "Незабываемый 1919-ый" (К-96, II, 110-111); Галахов страшится реального критика Ермилова (в К-87 под псевдонимом Жабов!); и, хотя литературный такт и заставляет Солженицына оставаться в рамках roman à clef и не называть Галахова Симоновым, он, чтобы у читателя не оставалось сомнений по поводу идентификации этого персонажа, заставляет Галахова петь одну из известнейших симоновских песен, "От Москвы до Бреста...", и о портретном сходстве заботится: "Белые сединки уже живописно светились над его чуть смугловатым, несколько располневшим лицом" (К-96, II, 94/ К-87, II, 498).

В истории Галахова довольно точно отражена литературная биография Симонова, который в годы войны был "писателем, входившим в моду, фронтовым корреспондентом" (К-96, I, 323), затем перепробовал, и с большим успехом, все основные литературные жанры и был многократно высочайше награжден (К-96, II, 98-99/ К-87, II, 505). Подмечены черты симоновской прозы: его склонность писать о полководцах, имитировать стиль Льва Толстого (последнее в К-96 отсутствует: логично предположить, что элиминировано уже в окончательной редакции, когда автор понял, что не одному Симонову это свойственно).

Так возникает в романе одна из главных в нем сюжетных коллизий: противостояние двух писателей – конформиста и борца, лауреата Галахова и зека Нержина, а если говорить о прозрачных прототипах – Симонова и Солженицына.

Какие же линии протянуты от Галахова-Симонова к Нержину-Солженицыну? Ведь по фабуле романа их прямой встречи нет.

Прежде всего, двух писателей связывает *дом Макарыгиных*.

В образе этого дома, московской новостройки, предназначенной для партийной элиты, дается социальный разрез сталинской России. В нем фокусируется социальная несправедливость советского общества. Дом становится местом морального возрождения для одних и окончательного падения в бездну бездуховности для других. Всех обитателей и гостей этого дома можно распределить по шкале их приятия/неприятия советского концлагерного ада: чем более опалены они адским огнем гулага, тем выше их место на шкале нравственности. Место Галахова в этой шкале – посредине. Он, вероятно, последний в ряду тех, кого смутно беспокоит отраженный отблеск нержинского ада, с него же начинается ряд тех, кто связывает свое благополучие с миром тирании.

Галахов, вместе с другими гостями Макарыгиных, ходит по полу, по которому ползал на коленях зека Нержин, добросовестно настилавший этот паркет. Так в главах пира у Макарыгиных (Гл. 62-64) раздается отголосок слова "соцреализм", прозвучавшего из уст Нержина в начале романа: "И меня стала терзать, ну, просто добросовестность созидателя или, если хочешь, вопрос престижа: скрипят там мои полы или не скрипят? Ведь если скрипят – значит халтурная настилка? И я бессилен исправить! /Рубин/: – Слушай, это драматический сюжет. – Для соцреализма" (К-96, I, 38).

В К-87 слова "соцреализм" нет. Эта рубинская трактовка обыкновенной для Нержина добросовестности как драматического сюжета в духе сентиментального советского лоялизма (заключенный, несправедливо обиженный, строит социализм) напоминает трактовку коммунистической критикой повести "Один день Ивана Денисовича". В этом и ощущает Нержин фальшь, "соцреализм". Рубин здесь, в широком плане, принадлежит к той же, что и Галахов, категории людей, оппортунистически предпочитающих не видеть действительности, старающихся оправдать ее. Так краткая реплика "Для соцреализма" дополнительно выявляет указанную нами тему-оппозицию, тему пути, который избирает художник. Проясняется очень четкая парадигма:

Галахов: оппортунизм – благоденствие – творческая импотенция.

Нержин: идеализм – страдание – творчество.

Не случайно прототипом Галахова послужил Симонов, а не ”писатель” из макарыгинского мира, вроде тех товарищей Галахова, большинство которых ”ни за каким бессмертием не гналось, считая важней свое сегодняшнее положение при жизни”, чьи книги ”издавались многонольными тиражами” (К-96, II, 99). Солженицыну нужен был пусть преуспевший, продавшийся, но *писатель*, потому что антиподом Нержина, гипотетической альтернативой его писательской судьбы не мог быть литчиновник, равнодушный халтурщик без проблеска таланта. (Интересное признание находим в солженицынских мемуарах: ”Страшно подумать, что б я стал за писатель (а стал бы), если б меня не *посадили*”*. Галахов ”обременил и приземлил птицу своего бессмертия”, но хоть немногие его стихи заучивались девушками, хоть какую-то правду он стремился писать: ”...хоть ту четвертую, восьмую, шестнадцатую, ту, черт ее подери, тридцать вторую часть правды, которую разрешалось, хоть о поцелуях и о природе – хоть что-нибудь лучше, чем ничего” (К-96, II, 99).

Изображая в мемуарах расправу, которую творили над ним секретари союза писателей, Солженицын называет Симонова „полунаш”. Особенно любопытно в контексте нашего анализа высказывание Симонова в записи Солженицына: ”Роман ”В круге первом” я не приемлю и против его печатания. (Еще бы! – Л. Л.) А ”Раковый корпус” – я за публикацию”.*

Как мы уже отметили, прямой встречи Галахова и Нержина в романе нет. Солженицын прибегает к интересному литературному приему, чтобы все же столкнуть их в диалоге. Для этого он заставляет Галахова и Иннокентия повторить спор, который четырьмя сотнями страниц раньше уже вели Нержин и Рубин.

(Рубин начинает, Нержин ответчает):

”...фронт! – нахлынул фронт! – и так живо, так сладко... Слушай, в войне все-таки есть много хорошего, а?

– До тебя я это вычитал из немецких солдатских журналов, попадались нам иногда: очищение души, Soldatentreue...

– Мерзавец. Но если хочешь, в этом есть-таки рациональное зерно...

---

*Там же, стр. 7.

– Нельзя себе этого разрешать. Даосская этика говорит: 'Оружие – орудие несчастья, а не благородства. Мудрый побеждает неохотно' ". (К-96, I, 47).

Далее (Галахов начинает, Иннокентий отвечает):

"– Военная тема – врезана в сердце мое.

– Ну, ты же и создал в ней шедевры!

– И, пожалуй, она для меня – вечная. Я и до смерти буду к ней возвращаться.

– А может – не надо?

– Надо! Потому что война поднимает в душе человека..." (К-96, II, 96).

Так Солженицын закрепляет в сознании читателя столь важную для него тему литературной полемики.

4. "Чужая тень"

Выступая на заседании Секретариата Союза писателей, о котором мы уже говорили выше, Солженицын сказал: "...многие литераторы не захотели бы повторить сейчас иных речей и книг, написанных в 1949 году"*. Среди тех, к кому он обращался, был, как мы знаем, Симонов. В 1949 году Симонов написал пьесу "Чужая тень".

Об этой пьесе даже апологетический советский критик Симонова, И. Вишневская, пишет так: "Очень типическая для своего времени, для него самого в это время, появляется в творчестве Симонова пьеса "Чужая тень" (1949). Вымученная, равнодушная, эта пьеса заражена духом подозрительности. Советские ученые неожиданно становились в этой пьесе шпионами, что не только не удивляло действующих лиц, но, напротив, давало им даже какое-то мрачное удовлетворение"**.

"Чужая тень" – типичное сочинение периода холодной войны, наряду с такими, как "Русский вопрос" (1947) того же Симонова, "Голос Америки" (1949) Б. Лавренева, "Мис-

---

*Там же, стр. 496.

** И. Вишневская, *Константин Симонов. Очерк творчества.* М., "Сов. пис.", 1966, стр. 111.

сурийский вальс" (1949) Н. Погодина, "Заговор обреченных" (1949) Н. Вирты. Некоторые из этих пьес эксплуатировали мотивы нараставшего шовинизма и шпиономании, сюжеты о советских учених-отщепенцах, продающих советские открытия на запад. Это "Чужая тень", "Великая сила" (1947) Б. Ромашова, "Закон чести" (1948) А. Штейна.

Вкратце содержание "Чужой тени"*.

Профессор Трубников руководит бактериологическим институтом в одном из русских университетских центров. В декабре 1949 года, когда происходит действие, многолетний труд института по созданию вакцины против множества остроинфекционных болезней, начиная с чумы, завершен. Остаются последние испытания, которые персонажи пьесы непременно хотят провести на себе. (Мотив такого подвига, самозаражения ученого чумой в экспериментальных целях встречается еще в ранней лирике Симонова:

Он умер в тридцать лет, привив себе чуму,
Последний опыт кончив раньше срока.)

В этот момент в городе появляется другой микробиолог, московский профессор Окунев, который, играя на честолюбии Трубникова, уговаривает его отдать описание технологического процесса изготовления вакцины для передачи американским коллегам в порядке обмена научной информацией. Не успевает Трубников согласиться, как все окружающие восстают против него. Лекции о предательстве, о пособничестве империализму читают профессору его сестра, его дочь, его друзья-сотрудники, а самый решительный – его шурин Макеев, едет в Москву, чтобы перехватить материалы, не допустить их проникновения на запад. Он, разумеется, преуспевает, Окунев, разоблаченный как шпион, стреляется. Трубников раскаивается, и ему высочайше разрешается продолжать работу. (В основе сюжета, видимо, лежит одно из инспирированных НКВД–КГБ "дел" – "дело" врачей Клюевой и Роскина, которые были обвинены в передаче разработанной ими вакцины на Запад.)

---

* Константин Симонов, *Пьесы,* М., "Советский писатель". 1950, стр. 407-507. В собрания сочинений Симонова эта пьеса не включена.

Созданная в период полного расцвета сталинизма, пьеса несла на себе черты сталинистской мифологии, включая, конечно, полное обожествление вождя и даже элементы чудесного.

К последним относится, собственно говоря, завязка: возможность создания вакцины "от всех болезней" только и могла серьезно обсуждаться в обществе, где биолог Лысенко основывал свои селекционерские опыты на классовой борьбе среди растений, академик Опарин по законам диалектического материализма выводил гомункулюса в пробирке, а академик Лепешинская открыла секрет вечной молодости в содовых ваннах.

Помимо сюжетной завязки, в К-87 есть еще несколько существенных элементов, пародийно параллельных симоновским. В обоих произведениях существенную роль играет календарное время действия: на Рождество. Важнейшей деталью в интриге, Окунева у Симонова и Володина у Солженицына, является телефон. И Окунев, и Володин совершают свои преступные действия при помощи телефона.

Наконец, возможно, самая существенная из параллелей. Главный разоблачитель в "Чужой тени", Макеев, о своем осведомительстве говорит так: "/.../ я принял некоторые меры, которые мне подсказала наша общая тревога. Я взял на себя ответственность ошибиться, считая, что пусть лучше я ошибусь и буду в трудном положении, чем останется хоть один процент возможности катастрофы" (стр. 501).

Это абсолютное неприятие в расчет личности, индивидуальной свободы при решении вопросов государственной безопасности аналогичным, "арифметическим" образом решается и у Солженицына. Причем, солженицынский Абакумов и его подручные даже либеральнее в цифровом выражении, чем симоновский Макеев. Этот готов погубить человека даже при шансах 1:100, а те обсуждают возможность арестовать семь вместо одного (К-96, I, 102) и, в конечном счете, арестовывают двоих (действительно виновного Володина и невиновного Щеворонка).

Пародийность использования Солженицыным симоновского сюжета состоит в том, что все его компоненты у Солженицына выворачиваются наизнанку. Телефон, который для Окунева является эффективным средством конспирации,

служит орудием слежки за Володиным. Новогоднюю елку у Симонова "как в добрые старые времена" приносят прямо из леса, у Солженицына – "согласовывают" с чиновниками МГБ.

5. Что же вышло

Трудно в рамках журнальной статьи продемонстрировать все существенные различия между "смягченным" и "полным" вариантами, между К-87 и К-96, поэтому просто суммируем наблюдения, показывая, что же меняется в узловых моментах романа.

Итак, первое различие мы открываем в том, что лежит, собственно, за пределами текста романа как такового, в источнике сюжетной завязки. В К-87 этот источник – пародируемый миф советской пропаганды – конкретно, популярная пьеса популярного советского писателя. В К-96 – это историческое событие большого значения: кража советскими агентами американских ядерных секретов. Следует отметить, что Солженицын не только свел воедино, как рассказывает Л. Копелев, несколько реальных случаев, когда русские люди пытались предупредить Запад об опасности, но, очевидно, на какой-то стадии работы, скорее всего в период подготовки 6-й редакции, использовал материалы нашумевшего в 1962 году дела Олега Пеньковского, советского дипломата-шпиона, который из идейных соображений начал сотрудничать с западными разведками; личные черты и основные моменты биографии Пеньковского удивительно совпадают с характеристикой и историей Володина в романе*.

Второе существенное различие относится уже непосредственно к завязке романа, а именно к мотивировке поступка И. Володина, дающего толчок цепной реакции событий. В К-87 мотивировка дана главным образом эмоциональная, интимная. Случайно узнав об опасности, грозящей доктору Доброумову, Иннокентий переживает комплекс глубоко интимных детских воспоминаний, периода тесной привязанности к матери, "мира детской", в котором значительную роль играл доктор Доброумов (еще одно значащее имя рядом с именем

---

*См. Oleg Penkovsky. The Penkovsky Papers, Garden City, New York: Doubleday, 1966.

Иннокентия; не случайно министр госбезопасности Абакумов говорит: "...позвонил одному профессору, фамилию не выговоришь..." (К-87, I, 106) – злодей и слуга мракобесия не в состоянии произнести слова "добро" и "ум"). Мотивировка поступка Володина в К-96 главным образом рациональная, моралистическая. Познакомившись с мировоззрением покойной матери и дяди, прочитав ряд книг и журналов, проанализировав свой собственный опыт, Иннокентий принимает решение глобального характера – спасти цивилизацию от атомной угрозы советского тоталитаризма.

Третье различие состоит в изменении характеристик ряда персонажей, которого потребовала меняющаяся логика сюжета. Так например, в "смягченном" варианте, К-87, один из главных героев, Рубин, – сложная личность. В нем догматическая вера в социализм борется с природным гуманизмом, благородством характера. Вот как описывается в К-87 реакция Рубина, когда он узнает, в чем состоит суть порученного ему дела (вместо защиты социализма – полицейская слежка):

"И лицо Рубина с каждой фразой теряло свое приготовленное жесткое выражение. Оно даже стало растерянным. Боже мой, это было совсем не то, это дикость была какая-то..." (К-87, I, 273).

Соответственно, Нержин так же разнообразен в своих отношениях к своему другу и постоянному оппоненту в идеологических спорах. В К-96 очевидность антисоциалистического преступления Иннокентия Володина такова, что идеалистический марксист Рубин полностью и без колебаний встает на службу государству. Вместо слов о растерянности и душевном смятении в К-96 реакция Рубина на поручение дана так: "Он снова – в строю! Он снова – на защите Мировой Революции!" (К-96, I, 274). Соответственно, и Нержин по отношению к Рубину из оппонента-друга превращается в довольно-таки однолинейного идеологического оппонента.

И наконец, четвертое различие, которое я нахожу существенным. Аналогично изменению характеристик ряда персонажей, логика изменившегося сюжета потребовала определенных стилистических изменений. Изменений такого рода не слишком много, но они относятся к ключевым моментам в романе и довольно круто меняют его общую тональность.

Особенно ярко это иллюстрируется сравнением двух вариантов одного и того же пассажа в начале романа, где описывается момент принятия Иннокентием рокового решения. Иннокентий едет, чтобы позвонить американцам из телефона-автомата. Такси проезжает мимо здания МГБ на Лубянке. В "смягченном" варианте это дано так:

"...серо-черная девятиэтажная туша была линкор, и восемнадцать пилястров как восемнадцать орудийных башен высились по правому его борту. И одинокий утлый челночек Иннокентия так и тянуло туда, под нос тяжелого быстрого корабля" (К-96, I, 15, в К-87 то же).

Иное дело в К-96. К процитированной метафоре пристраивается другая, противоположного характера: "Нет, не тянуло челноком – это он сам шел на линкор – торпедой!" (там же). И далее образ человека-торпеды разворачивается: "Сейчас не видел смертник своего линкора, но грудь распирало светлое отчаяние" (К-96, I, 16).

И – "Он будто делал круг на своей торпеде, разворачиваясь получше" (К-96, I, 15). Заметим, что "утлый челночок" – это не просто сентиментальный образ. Это образ, который в сознании русского читателя связывал героя Солженицына с определенной русской литературной традицией: изображения бунта маленького человека, чиновника против левиафана государства. В утлом челноке бросался наперекор разбушевавшейся "государственной" стихии первый бунтарь в этом ряду "Евгений бедный", герой "Медного всадника" Пушкина. В К-96 ассоциативно-богатый литературный образ уступает место плакатному герою-камикадзе.

* * *

Итак, что же произошло с романом "В круге первом" в результате самоцензуры, произведенной Солженицыным в 1963-м году?

Приспосабливая роман к цензурным условиям, вводя вместо первоначального новый сюжет, Солженицын позаимствовал его у советской пропагандистской литературы. В про-

цессе приспособления чужого (симоновского) сюжета к своему роману Солженицын переосмыслил его в духе своего рода "обратной пародии": малоправдоподобная мелодрама превратилась в весьма реальную трагедию. Благодаря введению этого чужого сюжета прежде присутствовавший в романе эпизодический момент литературной полемики развернулся в важную сюжетную линию, несущую высокую философскую нагрузку: появилась дополнительная возможность представить конфликт художника с тоталитарным государством.

Далее, "смягчение" сюжета Солженицын понимал как смягчение мотивировки (то есть довольно механически). Можно представить себе такой ход рассуждений: подлинную историю о краже атомных секретов цензура ни при каких условиях не пропустит, придется заменить ее историей о добром поступке, который является всего-навсего должностным преступлением.

Но такое "смягчение" завязки на деле привело к невероятному *обострению* сюжета, ибо драматичность сюжета литературного произведения зависит не от того, насколько значительно реальное событие, положенное в его основу, а от взаимоотношений самих элементов сюжета между собой. Это закон искусства. И в 1964 году Солженицын еще, видимо, не был готов его оспаривать, ибо, отправляя роман за границу, он "углубил и заострил", как он пишет, именно вариант К-87.

Наконец, споры, вспыхнувшие среди тех (надо сказать, к сожалению, не очень многих читателей), кто прочел новую версию романа, имеют своим основанием две разных психологических модели в восприятии сюжета читателем, два, если угодно, различных типа катарсиса.

Упрощая, можно схематически нарисовать два типа сюжетов. В первом действие начинается с экстраординарного, исключительного события, поражающего воображение читателя. Во втором – с события сравнительно незначительного.

В первом случае читателю трудно идентифицировать себя с центральными персонажами, участниками необычного события. Во втором – такая идентификация происходит почти автоматически.

В первом случае читательский интерес направляется на перипетии сюжета, так как чем экстраординарнее событие завязки, тем сложнее цепь объяснений и последствий. Во вто-

ром – читательский интерес связан с собственной эмоциональной вовлеченностью в действие.

Итак, если говорить о некоем эмоциональном качестве переживаемых катарсисов, то в первом случае катарсис в конечном счете сводится к решению рационально поставленной загадки, что является видом развлечения. Во втором – катарсис состоит в эмоциональном потрясении глубоко эмоционально вовлеченного читателя, что становится частью личного опыта, возможно, приводит к изменению в самой структуре личности читателя.

К первому типу сюжетов относятся, в наиболее "чистом" проявлении, детективные, авантюрные романы, которые обычно начинаются с того, что произошло какое-то невероятное убийство или шайка злодеев похитила водородную бомбу и Джеймс Бонд, агент 007, должен ее вернуть и т. д. и т. п. Ко второму типу сюжетов относятся "Медный всадник", "Шинель" Гоголя, даже романы Достоевского, где тайны и преступления отодвинуты на задний план, уступая истинную завязку общедоступным психологическим и социальным проблемам.

Возможна ли переделка сюжетов второго типа в сюжеты первого типа? Подумаем, что стало бы с русской классикой, если бы "Евгений бедный" погрозил бы не Медному всаднику, а здравствующему государю императору. И не кулаком, а бомбой. Или если бы Акакий Акакиевич задумал построить не шинель, а подпольную типографию. И не для себя, а для народного просвещения... (Между прочим, как мы знаем из творческой истории "Шинели", Гоголь работал над сюжетом как раз в обратном направлении: в первом замысле предметом мечтаний маленького чиновника была не обыкновенная шинель, а ружье – предмет роскоши, оружие).

Я не хочу сказать, что солженицынский К-96 по сравнению с К-87 превращается в авантюрный роман. Слишком сложно это произведение, чтобы его могли погубить даже кардинальные изменения *одного* элемента сюжета. Как я указывал в начале, во многих отношениях версия К-96 совершеннее, чем К-87. Ослабли лишь некоторые связи, некоторые линии в структуре романа.

Я хотел только продемонстрировать на этом примере, как порой писатель, незаметно для себя самого, будучи вы-

нужден сопротивляться внешнему давлению, приходит к более эффективным художественным формам, чем это было бы в условиях, когда его письменный стол отделен от наборной машины только дверью и коридором.

Или, используя вслед за Солженицыным одну из метких пословиц русского народа:

ДЛЯ ТОГО И ВОЛКИ В ЛЕСУ, ЧТОБЫ ОЛЕНИ НЕ ДРЕМАЛИ.

В НОМЕРЕ:

Цена номера 120 фр. франков.

achevé d'imprimer en mai 1986
par l'Imprimerie de la Manutention à Mayenne
N° 9512

ЭХО • ECHO

1986 • ПАРИЖ